

ВОСТОЧНО ЕВРОПЕЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.4.74

#10(74), 2021 часть 4

Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)
Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.
Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.

Периодичность: 12 номеров в год.

Формат - A4, цветная печать

Все статьи рецензируются

Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

#10(74), 2021 part 4

Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)
The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.
The journal is published in Russian, English
and Polish.

Articles are accepted till the 30th day of each
month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal
Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

**Давид Ковалик (Краковский
технологический университет им. Тадеуша
Костюшко)**

**Питер Кларквуд (Университетский
колледж Лондона)**

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

**Александр Климек (Польская академия
наук)**

**Александр Роговский (Ягеллонский
университет)**

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

**Бартош Мазуркевич (Краковский
технологический университет им. Тадеуша
Костюшко)**

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

**Миколай Жуковский (Варшавский
университет)**

**Матеуш Маршалек (Ягеллонский
университет)**

**Шимон Матысяк (Польская академия
наук)**

**Михал Невядомский (Институт
международных отношений)**

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

**Dawid Kowalik (Kracow University of
Technology named Tadeusz Kościuszko)**

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polish Academy of Sciences)

**Alexander Klimek (Polish Academy of
Sciences)**

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko
Cracow University of Technology)**

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

**Szymon Matysiak (Polish Academy of
Sciences)**

**Michał Niewiadomski (Institute of
International Relations)**

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Harutyunyan M.G.

THE PROBLEM OF STUDYING OF THE APPLIED ART OF ARTSAXH OF THE 19TH CENTURY ON THE PAGES OF THE EASTERN ARMENIAN ERIODICAL PRESS.....4

Денисенко Ю.В.

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «МУЗЫКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX - НАЧАЛА XXI ВЕКОВ» В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ.....8

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Дворянкин О.А.

ИГРЫ В ИНТЕРНЕТЕ - НОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ.14

Дворянкин О.А.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ - БУДУЩАЯ НОВЕЙШАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА23

Mashchytska V.

POSTSECULAR RELIGIOSITY AND ITS CONCEPTUAL VERSIONS: FROM "INVISIBLE RELIGION" TO "RELIGION WITHOUT ESSENCE"31

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Полякова Н.В.

РОЗВИТОК КРЕАТИВНОГО МИСЛЕННЯ НА ЗАНЯТТЯХ З МУЗИЧНО-ТЕОРЕТИЧНИХ ДИСЦИПЛІН У МАЙБУТНІХ ВЧИТЕЛІВ МУЗИЧНОГО МИСТЕЦТВА.....37

Бурляева В.А., Соловьева Н.В., Чебанов К.А.

СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ В УПРАВЛЕНИИ КОНФЛИКТАМИ40

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мензул Е.В., Василевская Е.А., Иванова С.В.

АНТИЦИПАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В СТРУКТУРЕ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ВРАЧЕЙ-ОРДИНАТОРОВ46

Проценко О.О.

ТАКТИКО-ПСИХОЛОГІЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ОПИТУВАННЯ (ДОПИТУ) ДИТИНИ В КРИМІНАЛЬНОМУ ПРОВАДЖЕННІ49

Юрина А.А., Коченкова Л.П.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ МОДАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГА И ИХ КОРРЕКЦИЯ54

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Asta Balčiūnienė, Laima Kuprienė

STEREOTYPICAL FEATURES OF THE JEWISH IN THE WORLDWIEW OF THE LITHUANIAN SAMOGITIAN: LEXICOGRAPHIC DATA.....60

Хакимянова Ю.И., Хайруллина Н.Р., Нестеренко Е.И.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ65

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Harutyunyan Marine Grigorii

Candidate of Historical Sciences,

Institute of History of NAS RA, Senior Researcher

*The article was published thanks to a grant from the Armenian General Benevolent Union (AGBU)
We express our deep gratitude to the Armenian General Benevolent Union for sponsoring the publication
of the scientific article*

THE PROBLEM OF STUDYING OF THE APPLIED ART OF ARTSAKH OF THE 19TH CENTURY ON THE PAGES OF THE EASTERN ARMENIAN PERIODICAL PRESS

DOI: [10.31618/ESSA.2782-1994.2021.4.74.150](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2021.4.74.150)

Annotation. Thus, our scientific research led to the conclusion that the applied art which originated in the previous centuries continued to develop along with other branches of the culture of Artsakh in the second half of the XIX century and the beginning of the XX century.

In this scientific article, we have presented mainly the following branches of the applied arts of Artsakh: carpet weaving, handicrafts, embroidery, silversmithing, pottery. We have mainly presented interesting information about the branches of the applied art which were covered in the periodicals of the second half of the XIX century and the beginning of the XX century. Noting about the carpet weaving of Artsakh, we emphasized that the carpets of that region of Artsakh stood out with their color structure, richness of ornaments, technical mastery. We highlighted the role of handicrafts in the life of Armenian women, emphasizing that this form of the applied art was developed in Artsakh in the Middle Ages. In this article, we also presented a number of pottery samples found during excavations by foreign archaeologists.

The applied art of Artsakh continued to develop in the following years.

Аннотация. Таким образом, наши научные исследования привели к выводу, что прикладное искусство, зародившееся в прошлых веках, продолжало развиваться вместе с другими отраслями арцахской культуры во второй половине XIX - начале XX века.

В этой научной статье мы в основном представили следующие отрасли прикладного искусства Арцаха: ковроткачество, ручная работа, вышивание, серебряное дело, гончарное дело. В основном мы представили интересную информацию о тех отраслях прикладного искусства, которые освещались в периодических изданиях второй половины XIX - начала XX века. Говоря о ковроткачестве Арцаха, мы подчеркнули, что ковры этого региона Арцаха отличаются цветовой структурой, богатством орнаментов и техническим мастерством. Мы подчеркнули роль ремесел в жизни армянских женщин, подчеркнув, что этот вид прикладного искусства был развит в Арцахе в средние века. В этой статье мы также представили ряд образцов керамики, найденных при раскопках зарубежными археологами.

Прикладное искусство Арцаха продолжало развиваться и в последующие годы.

Key words: “carpet weaving”, “handicrafts”, “embroidery”, “silversmithing”, “pottery”, “theater”, “music”, “fine arts”, “architecture”, “applied arts”,

Ключевые слова: “ковроткачество”, “ручная работа”, “вышивание”, “серебряное дело”, “гончарное дело”, “театр”, “музыка”, “изобразительное искусство”, “архитектура”, “прикладное искусство”.

The scientific novelty and purpose of the study:

Various branches of centuries-old Armenian culture have been studied by a number of prominent scholars for centuries but this field of Artsakh culture has been little studied by Armenian and foreign historians. **The scientific novelty of the article** is that the information about applied arts is presented mainly on the basis of scientific materials published in the Eastern Armenian periodical press. **The purpose of the publication** of the article is to inform the foreign audience about the indisputable facts of Artsakh's applied art which will refute the spread of false information about this branch of Artsakh's art.

Content:

The Armenian culture stands out with its aesthetic features in the centuries-old history of the Armenian people. Sometimes, the one served to preserve the Armenian people for centuries together with the Armenian Church in the absence of Armenian statehood. The culture of Artsakh stands out with its

unique uniqueness in the centuries-old history of the development of Armenian culture.

The second half of the 19th century and the two decades of the 20th century are important periods in the centuries-old history of Armenian culture. The preconditions for the development of culture of that period had their own unique impact on the development of Armenian culture. A period of search for new creative ways of art began in Eastern Armenia where various socio-economic, political and spiritual transformations took place since the 1850s. Social and political movements and the development of culture in Eastern Armenia also influenced the development of Artsakh's art (theater, music, fine arts, architecture, applied arts, etc.) which reached the level of aesthetic requirements of the time. During that period, **the applied art** also developed which was in line with the requirements of the local historical and social life.

The applied art of Artsakh developed in two directions: rural-folk, urban-craft. Values of applied

arts have been created in villages, cities, monasteries and elsewhere. Unlike examples of rural applied art, the products of urban workshops were sold abroad. Rural art followed a unique creative path largely adhering to ancient traditions.

The issue of the development and widespread dissemination of Artsakh's cultural values was covered to some extent in the periodicals of that period.

Among the branches of the applied arts the carpet weaving culture stands out with its aesthetic nuances which developed on the basis of the experience of the traditions of the previous centuries, that is, it included in its creative samples the types of Armenian customs of the previous centuries¹. The carpet weaving² as a craft was formed in Artsakh in ancient times and developed more in the Middle Ages. Carpets, rugs, towels, napkins, aprons and laces decorated and woven with wool, cotton, silk, silver and gold threads have been distinguished by beautiful and elegant combinations of colors, with high mastery of performance since the early 17th century. And many magnificent samples of carpet weaving and embroidery created by Armenian craftsmen decorated the various markets of Persia. At the beginning of the 17th century, when Shah Abbas forcibly relocated the inhabitants of the Ararat Valley³ to Persia and settled in the city of Isfahan and its environs, the Armenians took carpets and rugs with their property⁴. The types of "Vishapagorg⁵" ("Dragon Carpets"), "Artsvagorg of Khachen" ("Eagle Carpets of Khachen"), "Transitional Carpets", "Odzagorg" ("Snake Carpets"-because there are snake-like patterns on the carpet), "Guhar" (also "Gohar"), "Khndzoresk" carpets were popular in Artsakh in that period. Famous centers of carpet weaving of the period were Avetaranots⁶, Jraber⁷, Shosh fortress (later Shushi) and other settlements.

The Carpet weaving developed most in Artsakh in the second half of the 19th century. Shushi was one of the major centers of Armenian carpet weaving (there

were also a number of centers of carpet weaving culture in western and eastern Armenia: Sebastia, Van, Karin, Mush, Ararat Valley, Syunik, etc.)⁸. The carpets of Artsakh stood out with their color structure, richness of ornaments, technical mastery. The great skill of the local craftsmen was demonstrated there. The most significant among the museum collections is the one kept in the Historical-Geographical Museum of Artsakh (part of it - in the RA State Museum of Ethnography) which contains more than two dozen carpets, technical devices and accompanying documents. Those give more or less an idea about almost all the centers of the carpet weaving of Artsakh (Shushi, Varanda, Dizak, Khachen provinces). Those confirm the historical and cultural significance of Artsakh carpet weaving not only of that period but also of past times. Here, as well as for all the carpet weavers of historical Armenia the most important thing was the artistic decoration of the carpet. The carpet weaver himself invented the rug he used to make. In other words, there was an inexhaustible creative process at the time where various versions of ornaments and rugs were created on a national basis.

According to the "Azgagrakan Handes" ("Ethnographic Magazine") periodical, the development of the carpet weaving art of Artsakh was especially promoted by the "Caucasian Housework Committee" («Կովկասյան տնայնագործական կոմիտեն») established in 1899 (among the members of the committee were writers, painters, agriculturists: G. Sundukyan, G. Bashinjaghyan, O. Schmerling and others) on the initiative of which carpet-weaving schools were established in the Caucasus including Shushi⁹. The branches of carpet production were in Dizak, Varanda, Khachen, Jraber, as well as in the Armenian villages of Nukh province. "The Committee" imported paints from Europe and developed them well then published an album of carpet ornaments¹⁰.

¹ A carpet-weaving workshop was established in Haterk by the efforts of Arzu Khatun, the wife of the leader Vakhtang of Haterk in the first half of the 13th century.

² See Temurchyan V., Carpet Weaving in Armenia, Yerevan, 1955, pp. 34-35 (Թեմուրճյան Վ., Գորգագործությունը Հայաստանում, Ե., 1955, էջ 34-35). Temurchyan V., Historical review on Armenian carpet weaving, "Bulletin of the National Academy of Sciences", Yerevan, 1952, N 11, p. 110. Melik-Shahnazaryants K., Knitting of wool and carpet weaving in Karabakh, "Handes Amsorea", Vienna, 1928, № 6, pp. 475-478.

³ Arakel Davrizhetsi, Book of Stories, Holy Etchmiadzin, 1669, pp. 37-45 (Գիրք պատմութեանց, Սուրբ Էջմիածին, 1669, էջ 37-45).

⁴ Davtyan S., Armenian carpet, Yerevan, 1975, page 14 (Դավթյան Ս., Հայկական կարպետ, Ե., 1975, էջ 14).

⁵ Album catalog of XVII – XX centuries. , Yerevan, 2012. Armenian inscription rugs (album catalog), Yerevan, 2010 (XVII–XX դդ. արքուն կատալոգ, Ե., 2012: Հայերեն արձանագրության գորգեր (արքուն կատալոգ), Ե., 2010).

⁶ Especially when, at the end of the 17th century, in 1692, Melik Hussein, son of Melik Shahnazar and Melik Baghin, son of his brother Melik Mirza-Bek migrated from the shores of Lake Geghama with some of their relatives to Varanda province and settled in the village of Avetaranots. (See Lalayan E., Varanda, "Azgagrakan Handes" ("Ethnographic Magazine"), 1897, N 2, page 5).

⁷ Kazaryan M., Armenian Carpets, Moscow, 1985, էջ 88 (Казарян М., Армянские ковры, Москва, 1985, էջ 88):

⁸ Ghazaryan M., Treasures of the Art of Artsakh, Antelias, 1993 (Դազարյան Մ., Արցախի արուեստի գանձեր, Անթիլիաս, 1993).

⁹ Kara Murza, Household Assembly (Տնայնագործական ժողով), "Azgagrakan Handes", 1901, book 1, page 8.

¹⁰ Yu. Straube, Caucasian Carpets, Album, Vol. 1, St. Petersburg, 1913, p. 4 (Ю. Страубе, Кавказские ковры, Альбом, Вып. 1, СПб, 1913, стр. 4).

Despite the fact that "Caucasian Housework Committee" ceased to exist during the First World War, it did invaluable work to preserve and develop both the Caucasian and Artsakh traditions of the carpet weaving in a short period of its activity (1899-1914). Most of the carpets that have come down to us from the period under study are the values created by the "Committee".

"Khach-Khoran" carpet was famous at the beginning of the XX century which was woven by Anna Shakaryants in 1909¹¹.

One of the most important types of the applied art is **handicraft** which vividly reflects the spiritual life of the people, its artistic culture, rich national heritage. It is a great aesthetic and historical value with a wide range of themes, richness and variety of traditional ornaments. This branch of folk art having passed through a difficult path of development from an early age and bearing the influence of other ethnic cultures, at the same time interacting those cultures has come down to us mainly preserving the original national image.

Handicraft is one of the most remarkable spheres of activity of the people of Artsakh. Being formed in the system of cultural values of the past, handicrafts brought us images of different times which express the complex symbolic content of the ornaments.

The handicraft is a complex combination of historical periods of the region which is reflected in various ornaments and stylistic features. The ornaments reflect the characteristic features of the people's daily life, the culture of everyday life, they reflect the historical and ethnographic peculiarities of different provinces of Artsakh.

In Artsakh, handicrafts underwent significant changes, especially in the second half of the 19th century. It was connected with new school aesthetics and art education programs. The aesthetics teacher taught painting and sometimes embroidery in schools of Artsakh. For example, the famous painter Stepanos Nersisyan who taught painting in the Diocesan and Girls' Schools of Shushi introduced the students to the nuances of handicraft art. Aesthetics and painting teachers Margarit Aleksanyan, Voski Tavrizyan, Ekaterina Bahatryan and others in addition to painting taught embroidery in Artsakh schools.

Covering the peculiarities of the historical and architectural monuments of Artsakh, "Nor Dar" periodical testified that one of the main occupations of the girls of the Kusanats Anapat Church of Artsakh was handicraft in parallel with which the girls were engaged in needlework. The periodical mentioned the following interesting information in the article entitled "Our Monasteries": "The Kusanats Desert of Shushi is located in the southern part of the village of Avetaranots of Artsakh. It was renovated in 1814. The church bell tower is especially beautiful. There were virgin rooms on the west side of the church. Virgin

Hripsime Bahaturyants was the headmistress of the Shushi monastery in the early 19th century who died in 1865 at the age of 75. His grave is in that church. Hripsime's younger sister, Mother Gayane left beautiful samples of handicrafts in that church. One of the most beautiful and well-known examples of handicrafts is the Gospel. Gayane copied that Gospel and dedicated it to her parents and her cousin, Martyr Bishop¹²".

The "Nor Dar" periodical also referred to the activity of Mariam Hakhumyan who had a lot of prestige in Artsakh: "Mrs. Mariam Hakhumyan was famous in Shushi who provided her own big house as a school for the education of Armenian girls in Shushi with the special permission of Catholicos Matteos. She opened the school with his own means and she covered all the expenses related to the school. She invited famous Armenian pedagogues to Shushi. Mariam Hakhumyan taught her students handicrafts. She went to school every morning until noon, teaching her students handicrafts. Poor schoolchildren were provided with all the necessary school supplies.

The Mariamyan school achieved great success and wide recognition in a short period of time. Well-known pedagogues Petros Shanshyan, Garegin Muratyants, Perch Proshyan, Stepanos Nersisyan and others taught there¹³".

One of the most advanced types of handicraft is **embroidery**. Serik Davtyan noted that Artsakh embroidery was included in the "Syunik-Artsakh" school taking into account the historical commonality of crafts and creative interests of these two regions¹⁴.

After the floral patterns, geometric patterns were common in embroidery. Those ornaments were usually used in different types of embroidery compositions.

In addition to the widespread geometric patterns there were works with specific local images and ornaments in the embroidery art of Artsakh. It is worth mentioning the embroidered carpets which formed a separate group and repeated the ornaments of the carpets and rugs.

One of the peculiarities of Artsakh handicrafts are the protocols which complement the compositional structure of the woven work. Household and church gifts, memoirs, dates, titles were singled out which provided valuable information embroidery centers (Shushi, Varanda, Dizak, Khachen, Nukhi, etc.), craft organizations and craftsmen.

Pottery is one of the branches of applied arts. Items such as cups, jugs, household and other archeological items made by a large number of pottery craftsmen were discovered during excavations in Artsakh. Those are auxiliary resources for the study of applied art of the history of Artsakh.

"Azgagrakan Handes" periodical referred to those in detail in its article "Graves of Khojalu: "E. Reosler conducted a number of archeological excavations in various places in the province of Karabakh. He was

¹¹ Tatikyan V., The family rugs of Artsakh, Yerevan, 2004 (Թատիկյան Վ., Արցախի տոհմազորգերը, Երևան, 2004).

¹² "Nor Dar", 1894, N 111, July 1, page 2.

¹³ "Nor Dar", 1894, N 111, July 1, pages 2-3.

¹⁴ Davtyan S., Armenian embroidery, Yerevan, 1972, page 12 (Դավթյան Ս., Հայկական ասեղնազործությունը, Երևան, 1972, էջ 12).

Member of the Imperial Archaeological Society of St. Petersburg in the second half of the 19th century. E. Reossler is German and taught at the Realakan School of Shushi of Artsakh as a German teacher. He carried out excavations in Karabakh for four or five years on the instructions of the famous Virkhov, a member of the Imperial Archaeological Society of St. Petersburg and other scientists and discovered a large number of antiquities... The last time he carried out excavations was near the villages of Khojalu and Arajadzor of Artsakh. During excavations, he discovered a number of antiques such as pottery items. Those stand out with their originality¹⁵.

This branch of the applied arts became widely used in the provinces of Artsakh in the second half of the 19th century. The potters made pottery - water pipes, roof bricks as well as waterproof decorative pottery. In other words, wet pottery also developed in parallel with the pottery traditions of which continued in our time in Artsakh.

Necessary household items made by Artsakh craftsmen (jars, jugs, kula, dishes, ovens, etc.) were regularly sold both on the spot and in other towns and villages. The documents of the specimens preserved in the Artsakh Historical-Geographical Museum prove that they are mainly items made by craftsmen of the 19th century and the second decade of the 20th century.

The values of this branch of the applied arts are stable in relation to local requirements and lifestyles, and by their roots those are connected with the Armenian pottery. Masters in a number of fields have raised their craft to the level of art. This fact and the well-developed aesthetic taste of different segments of the population especially in the cities (Shushi, Nukhi) raised the high level of development of applied art.

The samples of other branches of applied art were also included in the cultural value system of Artsakh. Among them are stone, silver, jewelry, artistic engravings, various metal items, gospel compositions, carvings and high sculptures of architecturally monuments, khachkars, tombstones and other ornaments with other inscriptions. Interesting information about those has been preserved in the pages of the Eastern periodicals.

The author of the article of "Azgagrakan Handes" magazine (in the 2nd issue of 1897) referred to the architectural monument of the Ghevondians Church of Artsakh. He mentioned about the wonderful samples of **silverware**: "There are the following relics of the saints in the chapel of the Ghevondians: 1) the relic of the Apostle Thaddeus in a small silver cross, 2) the relic of the Baptist John in a small silver and a large cross, 3) the relic of St. John in a mediocre cross of silver¹⁶...":

The applied art of Artsakh like other spheres of local culture with their ideological and artistic thinking were closely connected with the aesthetic-philosophical essence of the culture of the Armenian people and became one of its main links. The applied art of Artsakh included all the types of that cultural sphere the development of which was dictated by the

preferences and tastes of a wide range of people. The widespread recognition of the applied art was also facilitated by the creative freedom of the performing masters, the high level of expression of their professional abilities, their desire to study the best features of the national and Eastern arts and to present them in a creative combination.

During that period, the branches of Artsakh applied arts developed in many ways, tied to the Eastern traditions and national traditions. Although the applied art of Artsakh was influenced by the applied art of the neighboring countries, it did not lose its spirit, its national originality, the roots of which were embedded in various layers of pan-Armenian culture. Purely Armenian spheres were free from these influences - architectural sculptures, some branches of embroidery, etc.

Local markets of Shushi, Dizak, Varanda, Jraberd and other places had an impact on the development of applied arts. Products from different countries were brought to those markets, such as the Caspian Sea, the North Caucasus, Georgia and Russia. Those were reflected in the material and spiritual culture of the people there.

These important features which are typical of the applied art of each ethnographic period have also found their unique expression in the art of Artsakh. The ones roots were rooted in the centuries-old roots of the history of general Armenian culture.

LIST OF USED LITERATURE

1. Temurchyan V., Carpet Weaving in Armenia, Yerevan, 1955.
2. Temurchyan V., Historical review of Armenian carpet weaving, "Bulletin of the National Academy of Sciences", Yerevan, 1952, N 11.
3. Melik-Shahnazaryants K., Knitting of wool and carpet weaving in Karabakh, "Handes Amsorea", Vienna, 1928, № 6.
4. Arakel Davrizhetsi, Book of Stories, Holy Etchmiadzin, 1669.
5. Davtyan S., Armenian carpet, Yerevan, 1975.
6. Album catalog of XVII – XX centuries. , Yerevan, 2012. Armenian inscription rugs (album catalog), Yerevan, 2010.
7. Lalayan E., Varanda, "Azgagrakan Handes"("Ethnographic Magazine"), 1897, N 2.
8. Kazaryan M., Armenian Carpets, Moscow, 1985:
9. Ghazaryan M., Treasures of the Art of Artsakh, Antelias, 1993.
10. Kara Murza, Household Assembly(Տնայնագործական ժողով), "Azgagrakan Handes", 1901, book 1.
11. Yu. Straube, Caucasian Carpets, Album, Vol. 1, St. Petersburg, 1913.
12. Tatikyan V., The family rugs of Artsakh, Yerevan, 2004.
13. "Nor Dar", 1894, N 111, July 1.
14. "Nor Dar", 1894, N 111, July 1.

¹⁵ "Azgagrakan Handes" 1896, N 1, pp. 37-40.

¹⁶ "Azgagrakan Handes", 1897, N 2, page 46.

15. Davtyan S., Armenian embroidery, Yerevan, 1972.

16. "Azgagrakan Handes" 1896, N 1.

17. "Azgagrakan Handes", 1897, N 2.

УДК 78
ГРНТИ 18.41.09

Denisenko Yulia Vasilyevna
candidate of pedagogical sciences,
associate professor of musicology and piano
Altai State Institute of Culture

DIDACTIC FOUNDATIONS OF TEACHING THE DISCIPLINE "MUSIC OF THE SECOND HALF OF THE XX - EARLY XXI CENTURIES" IN HIGH SCHOOL

Денисенко Юлия Васильевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры музыкознания и фортепиано
Алтайский государственный институт культуры

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «МУЗЫКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX - НАЧАЛА XXI ВЕКОВ» В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

DOI: [10.31618/ESSA.2782-1994.2021.4.74.144](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2021.4.74.144)

Summary. The problem of teaching the discipline «Music of the second half of the XX - beginning of the XXI centuries» in the process of music-theoretical training of students at the university has two aspects of consideration. The first one is connected with the need for a purposeful and systematic study of modern music, which makes it possible to successfully master complex forms of modern musical organization. The second concerns the development of the content and effective methods of teaching this discipline to students, which will contribute to the implementation of their professional training and orient future teachers to a high level of their professional activity.

Аннотация. Проблема преподавания дисциплины «Музыка второй половины XX - начала XXI веков» в процессе музыкально-теоретического обучения обучающихся в вузе имеет два аспекта рассмотрения. Первый связан с необходимостью целенаправленного и системного изучения современной музыки, позволяющей успешно осваивать сложные формы современной музыкальной организации. Второй касается разработки содержания и эффективных методик преподавания данной дисциплины обучающимся, которые будут способствовать осуществлению их профессиональной подготовки и ориентировать будущих преподавателей на высокий уровень их профессиональной деятельности.

Key words: *method, principle, reception, students, teacher-musician, education, training, discipline, didactic provisions, perception, music of the second half of the XX - XXI centuries.*

Ключевые слова: *метод, принцип, прием, обучающиеся, педагог-музыкант, образование, обучение, дисциплина, дидактические положения, восприятие, музыка второй половины XX – XXI веков.*

Современная культурная ситуация, характеризующаяся многообразием, сложностью и противоречивостью, повлекла изменение отношения к системе музыкально-педагогического образования. Долгое время она копировала консерваторскую систему профессиональной подготовки музыканта, ориентированную на будущих музыковедов, дирижеров и исполнителей. Наряду с существенными достоинствами, такая предметно-профилирующая направленность обучения имела и серьёзные недостатки, следствием которых стала некоторая академизация знаний, стереотипность мышления, формирование узко специальных умений и навыков, ограниченных по диапазону действия. Это привело к возникновению серьёзных проблем при переносе усвоенных в процессе обучения знаний, умений и навыков в условия практической деятельности.

В связи с этим, в последние годы в музыкально-педагогической науке стали появляться работы, отражающие специфику подготовки будущего педагога-музыканта, одной

из задач которой является переход от образования узкого специалиста-«предметника» к образованию музыканта в широком понимании этого слова. В данном смысле под «образованием» понимается не механистическое накопление знаний, умений и навыков, а некое принципиально качественное образовывание человека, содействующее его культурному и профессиональному росту. Важным шагом на пути решения этой проблемы стали работы Э. Б. Абдуллина, Е. В. Николаевой, Г. М. Цыпина и др.

В данных исследованиях подчеркивается мысль о том, что обучение в высшей школе - не только сообщение и усвоение информации, привитие определённых умений и навыков. Это процесс, который должен моделировать предстоящую целостную профессиональную деятельность во взаимосвязи и взаимообусловленности всех составляющих её компонентов.

Следствием такого подхода стало изменение отношения к содержанию профилирующих

дисциплин вуза, являющихся необходимым звеном комплексной подготовки будущего педагога-музыканта. В центре этих дисциплин находится «Музыка второй половины XX - начала XXI веков», освоение которой дает обучающимся направления подготовки «Музыкознание и музыкально-прикладное искусство» богатый теоретический и методический потенциал для осуществления полноценной профессиональной деятельности (педагогической, культурно-просветительской, творческой). В этом смысле «Музыка второй половины XX - начала XXI веков» перестает быть просто дисциплиной предметной подготовки (как предполагается в учебном плане), а приобретает культурологический статус, являясь основой для формирования широких, разносторонних знаний о культуре, включения этих знаний в контекст жизненного опыта обучающихся и их «переинтонирования» в сферу будущей профессии.

Для того чтобы процесс обучения будущих педагогов-музыкантов в рамках изучения дисциплины «Музыка второй половины XX - начала XXI веков» протекал успешно, важно определить те дидактические основы, в опоре на которые этот процесс должен осуществляться. Дидактика исследует прежде всего процесс обучения, который организуется сознательно, систематически и планомерно, как в самом учебном заведении, так и вне его [1, с. 14].

Исходные дидактические положения, которые отражают протекание объективных законов и закономерностей процесса обучения, определяют его направленность на развитие личности обучающегося, - есть принципы образования. В них раскрываются теоретические подходы к построению учебного процесса и управлению им, они определяют позиции и установки, с которыми преподаватели высшей школы подходят к организации процесса обучения и к поиску возможностей его оптимизации.

Дидактической основой определения предметного содержания дисциплины «Музыка второй половины XX - начала XXI веков» и способов организации учебной деятельности, направленных на личностное развитие обучающихся профиля подготовки «Музыкальная педагогика» явилось для нас положение об активном сознании, как качественной характеристике музыкального восприятия, а также общие закономерности и принципы обучения, определяющие содержание, организационные формы и методы учебного процесса в вузе.

К таким закономерностям относятся:

1. Направленность обучения на решение задач всестороннего и гармоничного развития личности обучающегося;
2. Деятельностный характер обучения;
3. Единство потребностно-мотивационной сферы и учебно-познавательной активности обучающихся;

4. Проявление уважения и требовательности к обучающимся, укрепление их личного достоинства в процессе обучения.

Эти закономерности определяют дидактические принципы обучения - основные положения, определяющие содержание, организационные формы и методы учебного процесса в соответствии с его общими целями и закономерностями [2, с. 440].

Принцип развивающего и воспитывающего характера обучения базируется на закономерностях единства обучения и воспитания в целостном педагогическом процессе. Этот принцип предполагает формирование в процессе обучения базовой культуры личности обучающегося: нравственной, правовой, эстетической, культуры жизнедеятельности, общения и т.д., и обусловлен двумя факторами:

1. Задачи обучения, включающие овладение обучающимися системой научных знаний, практических умений и навыков (образование); развитие мыслительных способностей и памяти (умственное развитие); формирование научного мировоззрения и нравственно-эстетической культуры (воспитание).

2. Учебный материал, сочетающий в себе образовательные, развивающие и воспитательные стороны.

Реализация данного принципа зависит от организации учебного процесса, включая постановку задач, выявление методов, подбор материала, связь теории с практикой.

В процессе преподавания дисциплины «Музыка второй половины XX - начала XXI веков» воспитательное воздействие имеет и сам музыкальный материал, и предлагаемые обучающимся к осмыслению сведения из истории музыки второй половины XX начала XXI веков, биографий композиторов и т.д.

Важно отметить, что произведения музыкального искусства служат не только средством эстетического воспитания, но и влияют на формирование нравственности. «Прекрасное пробуждает доброе», - писал Д. Б. Кабалевский [3]. Под влиянием искусства происходит саморегуляция личности обучающегося. Это означает, что человек, захваченный образами искусства, включает в восприятие этих образов собственное «я», и переживание произведения музыкального искусства сопровождается для него эмоциональным контрапунктом (фоном) собственных жизнеощущений. Эффект саморегуляции заключается в том, что обучающийся анализирует параллельно образу искусства эпизоды, события собственной жизни, в результате чего или подтверждает для себя правильность собственных позиций, реакций или, наоборот, стремится что-то в себе исправить, изменить, направить свою жизненную линию в новое русло.

Воспитывающий эффект в обучении зависит от предметного содержания дисциплины, его

разносторонности, гуманитарной направленности и научности. Усвоение учебного материала дисциплины «Музыка второй половины XX - начала XXI веков» не только развивает познавательную сферу обучающихся, но и формирует у них важнейшие личностные качества, такие как целеустремленность, инициативность, организованность, самостоятельность.

Основной предпосылкой активности восприятия музыкальных произведений является развитие у обучающихся восприимчивости к языку музыки. Художественное произведение не выступает перед человеком с самого начала как эстетический объект, раньше, чем стать таковым, оно должно уже быть для него «понятным» объектом [4, с. 95].

Принцип научности требует, чтобы обучающимся предлагались для усвоения подлинные, прочно установленные наукой знания, а используемые при этом методы обучения были адекватны предметному содержанию изучаемой дисциплины. Это определило необходимость обращения на стадии педагогического проектировании данной дисциплины к музыкально-исторической литературе, монографическим исследованиям, посвященным творчеству композиторов второй половины XX начала XXI веков.

Последовательное осуществление принципа научности означает ориентацию на формирование у обучающихся концептуального видения мира и создание его адекватного и реалистического образа. В соответствии с этим принципом педагогическое взаимодействие должно быть направлено на развитие у обучающихся познавательной активности в процессе изучения дисциплины «Музыка второй половины XX - начала XXI веков».

Познавательная активность обучающихся имеет специфическое проявление в музыкально-познавательной деятельности. Как справедливо утверждал Б. Асафьев, что «пассивно воспринимаемая музыка гипнотизирует чувство и завораживает волю, активное же постижение ее, наоборот, усиливает интенсивность переживаний и раскрывает перед человеком богатый мир слуховых образов» [5, с. 61].

Принцип проблемности указывает на необходимость постановки перед обучающимися познавательных проблем и задач, создания проблемных ситуаций, которые побуждали бы обучающихся к поисково-познавательной деятельности. Особое значение приобретает этот принцип на семинарских занятиях, когда мышление обучающихся приобретает рефлексивный характер (предметом мышления становится не только решение внешне заданных задач, но и сам процесс своего мышления).

Познавательный интерес является веским мотивом учения, т.к. здесь четко выражена направленность на определенный объект, к познанию которого стремится обучающийся. В

числе наиболее эффективных путей усиления мотивации учения исследователи А. Н. Леонтьев и С. Л. Рубинштейн [6; 7] относят воздействие на эмоции и чувства человека (особенно путем применения средств искусства) и раскрытие жизненной значимости проблемы.

Усвоение проблематизированного содержания музыкального искусства сводится не только к процессам информационного обмена. Проблемному обучению присущи специфические формы совместной деятельности и общения обучающегося с преподавателем и сокурсниками. Одной из таких форм является диалог. Важнейшим *приемом* преподавания дисциплины «Музыка второй половины XX - начала XXI веков» при такой организации учебной деятельности становится не объяснение нового материала, а постановка вопросов, учебных заданий, содержащих познавательную проблему.

Учебные проблемы, предполагающие поисковую деятельность, на занятиях в процессе изучения дисциплины «Музыка второй половины XX - начала XXI веков» наиболее успешно решаются в условиях коллективной работы, особенно на семинарских занятиях, помогая преодолевать субъективность во вкусах, оценках, формируя умение прислушиваться к другим обучающимся, сопереживать им. Ярким примером высказанной мысли может стать «проблемное» обсуждение прослушанного музыкального произведения. Все обучающиеся, находясь под воздействием звучащей музыки, вместе творят, воссоздают ее образ, раскрывая свое отношение. Коллективное размышление могут «собирать» и сами обучающиеся. Не преподаватель объединяет, обобщает то, что было высказано, а кто-то из обучающихся. Коллективная форма работы на семинарских занятиях создает объективные предпосылки для глубокого, всестороннего личностного общения обучающихся, взаимовлияния их друг на друга.

Принцип системности и последовательности основан на положении о том, что, овладев только отрывочными сведениями и не имея систематизированных знаний, нельзя стать образцовым человеком. Обеспечение системности и последовательности обучения требует глубокого осмысления обучающимися логики и системы в содержании усваиваемых знаний, а также систематической работы по повторению и обобщению изучаемого материала.

Таким образом, принцип системности и последовательности в овладении достижениями музыкального искусства предполагает преподавание и усвоение знаний дисциплины «Музыка второй половины XX - начала XXI веков» в определенном порядке, системе. Он требует логичности построения, как содержания, так и процесса обучения.

Последовательность и систематичность в обучении позволяют разрешить противоречие между необходимостью формирования системы

знаний, умений и навыков по дисциплине и формированием целостного концептуального видения мира. Процесс обучения должен проводиться строго последовательно, с соблюдением правила идти от простого к сложному. Об этом образно писал Я. А. Коменский: «Природа не делает скачков, а идет вперед постепенно....Так продвигается вперед и тот, кто строит дом. Он начинает не с крыши и не со стен, а с фундамента. А, заложив фундамент, не покрывает его крышей, а воздвигает стены. Словом, как в природе все сцепляется одно с другим, так и в обучении нужно связывать все одно с другим именно так, а не иначе» [8, с. 157].

Этот общепедагогический принцип находит свое преломление и в дисциплинах музыкально-теоретического цикла, в структуре которых разработан данный курс. Так от занятия к занятию возрастает трудность музыкальных произведений и объем звучащей музыки. Только привыкнув к напряженной слуховой работе, обучающиеся могут справиться с довольно сложными произведениями современной музыкальной литературы, представленными в курсе «Музыка второй половины XX - начала XXI веков».

Принцип сознательности, творческой активности и самостоятельности обучающихся утверждает их субъективность в учебном процессе. Это обосновывается тем, что активность личности по своей природе социальна и субъектна. Она является интегрированным показателем ее направленности и деятельной сущности. Активность обучающихся может иметь репродуктивный или творческий характер. Реализация данного принципа предполагает развитие у обучающихся инициативы и самостоятельности. Преподаватель должен поддерживать желание обучающихся выполнять учебные задания по-своему, должен стремиться к тому, чтобы они занимали в актах учебного взаимодействия активную субъективную позицию.

Для реализации принципа сознательности, творческой активности и самостоятельности необходимы определенные условия. Во-первых, педагогическая деятельность должна иметь гуманистическую направленность. Это означает, что все действия преподавателя подчинены реальным интересам обучающихся. Во-вторых, взаимодействие педагога и обучающихся должно строиться в соответствии с принципами гуманистической психологии. В связи с этим условием, педагогическое общение должно выполнять три основные функции: «открытие» обучающегося на общение, «соучастие» обучающегося в педагогическом общении, «возвышение» обучающегося в педагогическом общении.

Функция «открытия» обучающегося на общение призвана, с одной стороны, создать ему комфортные условия на семинарских занятиях. В состоянии психологической раскрепощенности обучающиеся смелее проявляют себя, не боятся

показаться смешными или попасть в «немилость» к педагогу. С другой стороны, без реализации этой функции не удастся выявить отношение обучающегося к дисциплине, и преподаватель вынужден довольствоваться лишь его поведенческими реакциями, которые могут определяться и диктоваться скрытыми мотивами. Знание истинного отношения обучающегося к предмету помогает преподавателю планировать дальнейшую совместную работу с ним.

Функция «соучастия» в педагогическом общении обнаруживается в результате анализа процесса взаимодействия преподавателя с обучающимися. Реализуя соучастие в адрес обучающегося, педагог помогает ему справиться с трудностями, которые встречаются на его пути.

Функция «возвышения» студента понимается не как завышенная оценка, а как стимулирование его ценностных новообразований [9, с. 50].

Одним из важнейших положений, лежащих в основе организации процесса обучения, является *принцип наглядности* (Я. А. Коменский называл его «золотым правилом» дидактики), который является неотъемлемой частью создания условий для развития музыкально-эстетической культуры обучающихся, формирования у них музыкальных потребностей. Этот принцип - один из старейших и важнейших в дидактике - означает, что эффективность обучения зависит от целесообразного привлечения органов чувств к восприятию и переработке учебного материала. Наглядность в обучении основана на такой закономерности процесса познания, как его движение от чувственного к логическому, от конкретного к абстрактному.

Музыкально-педагогический процесс в рамках преподавания дисциплины «Музыка второй половины XX - начала XXI веков» немыслим без слуховой наглядности, которая проявляется, прежде всего, при демонстрации музыки (звукозапись). Словесная же наглядность (рассказы и объяснения преподавателя) пронизывает по существу весь учебный процесс.

Принцип прочности основывается на положении о необходимости глубокой переработки знаний, их прочного усвоения, необходимости развития не только мышления, но и памяти обучающихся. Решение задачи по обеспечению прочности обучения требует, чтобы обучающиеся совершали в процессе обучения полный цикл учебно-познавательных действий, в число которых входит первичное восприятие изучаемого материала, его последующее осмысление, применение усвоенных знаний на практике, повторение и систематизация. Принцип прочности результатов обучения и развития познавательных сил обучающихся исходит из положения о том, что если обучение не приводит к достижению целей образования, то в нем нет педагогической целесообразности. Основательно усвоенные знания являются предпосылкой дальнейшего самообразования обучающихся.

Знание принципов обучения дает возможность преподавателю организовать учебный процесс в соответствии с его закономерностями, обоснованно определить его цели и отобрать содержание учебного материала, выбрать адекватные целям формы и методы обучения. Вместе с тем, эти принципы позволяют педагогу и обучающимся профиля «Музыкальная педагогика» соблюдать этапность процесса, осуществлять взаимодействие и сотрудничество.

Кроме того, в поле нашего внимания попали работы ведущих отечественных педагогов - Ю. К. Бабанского, И. П. Подласого, В. А. Сластенина, А. В. Хуторского и др., посвященные проблеме *методов* - способов организации учебной деятельности [9; 10; 1]. Рассмотрим методы обучения и активизации познавательной деятельности обучающихся.

Слово «*метод*» в переводе с греческого означает исследование, способ, путь к достижению цели. «Метод - в самом общем значении - способ достижения цели, определённым образом упорядоченная деятельность» [10, с. 98]. С этой точки зрения каждый метод обучения органически включает в себя обучающую работу преподавателя (например, изложение нового материала, организаторскую работу по применению знаний на практике и т.д.) и стимулирование активной учебно-познавательной деятельности обучающихся.

Рассмотрим возможность использования общепедагогических методов в процессе преподавания дисциплины «Музыка второй половины XX - начала XXI веков».

Большое значение в обучении имеет устное изложение (объяснение) изучаемого материала преподавателем. Для этого используются следующие методы: рассказ, объяснение, беседа.

Рассказ - это метод повествовательно-сообщающего изложения преподавателем описательного материала с применением приемов активизации познавательной деятельности обучающихся. Метод рассказа используется на всех лекционных занятиях в процессе изучения дисциплины «Музыка второй половины XX - начала XXI веков». Цель рассказа заключается в следующем: выделить главную мысль, сообщить новый материал. Так содержанием рассказа при изучении данной дисциплины могут стать сведения о композиторах, об истории создания музыкального произведения, которое предлагается к изучению.

Другая педагогическая функция рассказа - подготовка восприятия определенной образной сферы. К такому типу рассказа относится, например, вступительное слово преподавателя, которое настраивает обучающегося на восприятие определенного музыкального эпизода.

К данному методу предъявляется ряд педагогических требований: рассказ должен обеспечивать идейно-нравственную направленность преподавания; содержать только

достоверные и научно проверенные факты; включать достаточное количество ярких и убедительных примеров, фактов, доказывающих правильность выдвигаемых положений; иметь четкую логику изложения; быть эмоциональным; излагаться простым и доступным языком; отражать элементы личной оценки и отношения педагога к излагаемым фактам, событиям.

Объяснение - метод обучения, при котором преподаватель не столько сообщает новый материал, сколько анализирует его, поясняет и доказывает те или иные его положения.

Использование метода объяснения требует: точного и четкого формулирования задач, сути проблемы, вопроса; последовательного рассмотрения причинно-следственных связей, аргументации, доказательств; использование сравнений, сопоставлений, аналогий; привлечение ярких примеров; ясной логики изложения.

Поскольку в процессе преподавания дисциплины «Музыка второй половины XX - начала XXI веков» преподаватель не навязывает обучающемуся готовые ответы, а подводит его к ним, метод объяснения на занятиях используется крайне редко.

Беседа - диалогический метод обучения (от греч. dialogos-разговор двух). Сущность беседы заключается в том, что педагог путем умело поставленных вопросов побуждает обучающихся к рассуждениям и анализу в определенной логической последовательности изучаемых явлений и фактов.

Этот метод очень важен в педагогическом процессе, преподавания дисциплины «Музыка второй половины XX - начала XXI веков» и используется на семинарских занятиях, так как он:

- активизирует обучающихся;
- развивает их память и речь;
- делает открытыми знания обучающихся;
- имеет большую воспитательную силу;
- является хорошим диагностическим средством.

Поскольку преподавание данной дисциплины ориентировано не на информирование и не предоставление «готовых» знаний, а на развитие и личностный рост обучающихся, беседа на таких занятиях является доминирующим методом.

Таким образом, все педагогические принципы и методы должны учитываться в процессе преподавания дисциплины «Музыка второй половины XX - начала XXI веков» в комплексе. Так они будут способствовать созданию внутренних условий, при которых могут развиваться музыкальные потребности обучающихся.

Список литературы:

1. Хуторской А. В. Современная дидактика : учебник для вузов / А. В. Хуторской. – Санкт Петербург : Питер, 2001. – 544 с.
2. Педагогика : учебник / И. П. Подласый. – Москва : Высшее образование, 2008. – 540 с.

3. Кабалевский Д. Б. Прекрасное пробуждает доброе / Д. Б. Кабалевский. - Москва : Педагогика, 1973. - 336 с.

4. Рябов И. М. Опыт разработки учебных задач воспитания художественного мышления музыканта в ДМШ / И. М. Рябов // Актуальные проблемы музыкального образования : сб. статей. - Киев : Музична Украина, 1975. - 125 с.

5. Асафьев Б. В. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании / Б. В. Асафьев. - Ленинград : Советский композитор, 1973. - 144 с.

6. Леонтьев В. А. Деятельность. Сознание. Личность / В. А. Леонтьев. - Москва : Просвещение, 1982. - 304 с.

7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. - Санкт Петербург : Питер, 2001. - 721 с.

8. Остроменский В. Д. Восприятие музыки как педагогическая проблема / В. Д. Остроменский. - Киев : Музична Украина, 1975. - 199 с.

9. Педагогика : учеб. пособие для студ. пед. институтов / Ю. К. Бабанский, В. А. Сластенин, Н. А. Сорокин и др., под ред. Ю. К. Бабанского. - Москва : Просвещение, 1988. - 479 с.

10. Педагогика. Новый курс : учеб. для студ. педвузов : в 2-х кн. / И. П. Подласый. - Москва : ВЛАДОС, 2000. - Кн. 1 : Общие основы. Процесс обучения. - 576 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Дворянкин Олег Александрович,
старший преподаватель кафедры информационной безопасности
Учебно-научного комплекса информационных технологий
Московского университета МВД России имени
В.Я. Кикотя кандидат юридических наук*

ИГРЫ В ИНТЕРНЕТЕ - НОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ.

*Oleg A. Dvoryankin,
candidate of legal sciences,
lecturer at the chair of information security of
the Moscow MUR RS Kikot university.*

GAMES ON THE INTERNET - NEW INFORMATION TECHNOLOGIES.

Аннотация. В настоящей статье проведено изучение нового направления в Интернете - киберигры. Проведено исследование интернет игр (исторический аспект), отражены положительные и отрицательные стороны, виды, формы, характеристики, особенности, а также представлены характерные примеры. Показан прогноз развития интернет игр в будущем, а также рассказано о личной информационной безопасности, которая сможет обезопасить игрока в бушующем виртуальном мире.

Abstract. This article examines a new direction on the Internet - cyber games. A study of Internet games (historical aspect) has been conducted, positive and negative sides, types, forms, characteristics, features are reflected, and characteristic examples are presented. The forecast of the development of Internet games in the future is shown, and it is also told about personal information security, which will be able to protect the player in the raging virtual world.

Ключевые слова. Интернет, информационная безопасность, информационные технологии, онлайн игра, геймер, развлечение, культурный феномен, произведение искусства, COVID-19

Keywords. Internet, information security, information technology, online game, gamer, entertainment, cultural phenomenon, work of art, COVID-19

Игра как деятельность человека всегда была неотъемлемой частью социума и промежуточным шагом развития личности, присутствуя на всех его этапах: от обучения грамоте до имитации деловых ситуаций.

С развитием Интернета и виртуального пространства игра трансформировалась, став не просто элементом развлечений, а миром альтернативной реальности, погружаясь в который, человек, по сути, проживает еще одну жизнь: вступает в коммуникации, переживает ролевые ситуации, социальные взаимоотношения и т. д.

Вряд ли можно найти сегодня такого человека, который не любит играть в компьютерные игры. Ведь этот процесс очень увлекательный и способствует развитию не только физических, но и умственных способностей.

Интернет предложил любителям игр новый вариант досуга в виде онлайн-игр, которые стали крайне популярными в их среде.

Возникает вопрос: «Что такое онлайн-игра?»

По мнению разных экспертов, это разновидность видеоигры, для работы которой необходимо подключение к сети Интернет.

Процесс самой игры происходит на основе взаимодействия с такими же игроками (геймерами) в игровом пространстве в режиме «здесь и сейчас».

Теперь возникают следующие вопросы: «Откуда же появились онлайн-игры? Кто создал то, без чего сегодня не представляют своей жизни миллионы пользователей по всему миру?»

Мнения исследователей онлайн игр расходятся, но при этом сходятся на том, что первая сетевая «стрелялка» была разработана программистом Джоном Далеске в 1973 году под первую систему для электронного обучения «PLATO», и получила довольно многозначное название – «Empire», что в переводе с английского означает «Империя» (рис. 1).

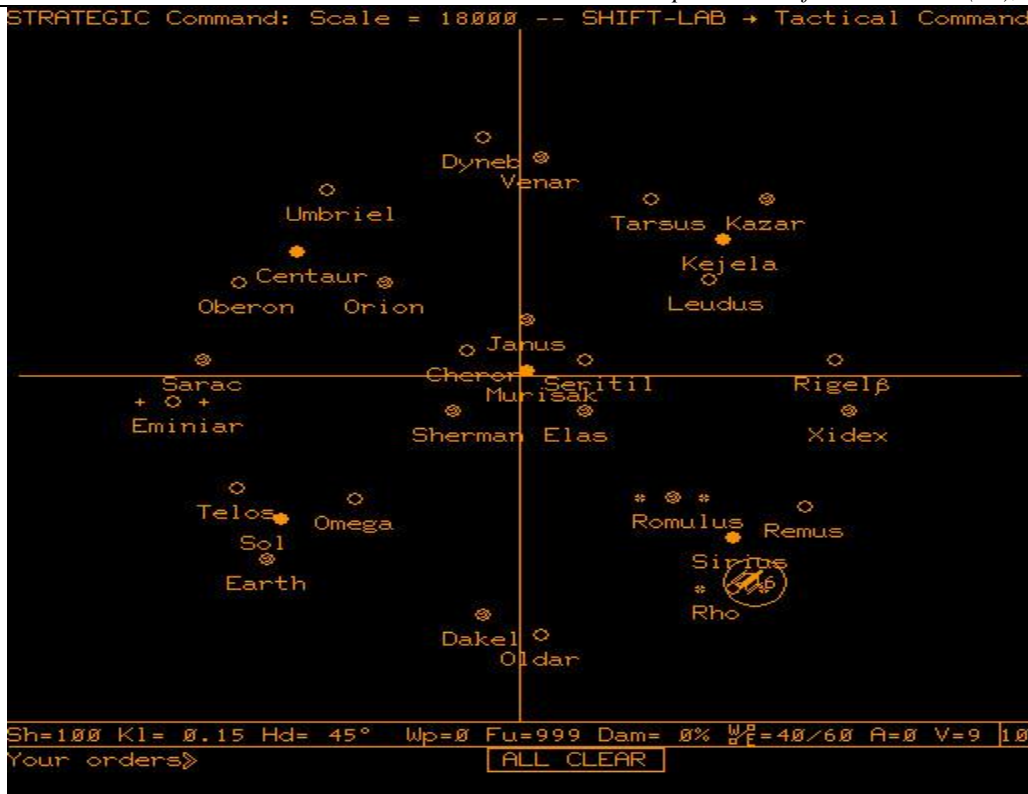

Рис. 1. Игра «Empire»

Это была стратегическая пошаговая игра максимум для 8 игроков.

Игроки управляли космическими кораблями, развивали промышленность, производили товары, покупали новые корабли [1].

Основной задачей, стоящей перед каждым игроком, было завоевание галактики, состоящей из 25 планет. И, конечно же, сделать это было возможно только в случае победы над всеми своими соперниками.

Несмотря на внешнюю простоту, игра имела довольно сложное управление: все команды вводились игроками с помощью клавиатуры, направления выстрела задавались в градусах. Однако «Empire» не была полноценной онлайн-игрой, ведь в те времена и Интернета еще не было.

В 1975 году программист Вилл Кроутер создает первую текстовую игру, построенной по правилам самой первой и популярной вселенной «Dungeons & Dragons». «Dungeons & Dragons» представляла собой дополнение к настольной игре на средневековую тематику «Chainmail».

Основным отличием являлось введение в игру различных фантастических существ и волшебных предметов. Впоследствии под управлением игроков оказались не военные отряды, а отдельные персонажи, действие игр было перенесено в подземелья. При этом ведущий в игре является как арбитром, так и рассказчиком. Игроки, в свою очередь создавали группу из нескольких персонажей, которая взаимодействуя с окружающим миром, разрешала по ходу сюжета игры различные конфликты, участвуя в сражениях и получая награды.

Вдохновленные этим студенты Массачусетского технологического института (США) в 1977 году создают свою версию этой игры, и дают ей название «Zork», которое при переносе на «FORTRAN» (первый язык программирования высокого уровня) было изменено на «Dungeon».

В 1979 году студенты кафедры информатики в английском университете Экссекса (Великобритания) Ричард Бартл и Рой Трабшоу создают многопользовательскую версию этой игры и дают ей название «Multi-User Dungeon». «Multi-User Dungeon» представляла собой, по сути, текстовый форум, где игроки сами писали себе истории и дополняли друг друга, создавая таким образом эпические приключения. Фактически, это были те же «Dungeon» только онлайн.

В 1980 году двумя однокурсниками из Университета Вирджинии (США) Джоном Тейлором и Келтоном Флинном, была разработана «Dungeons of Kesmai». Это была аналогичная игра, но с большим будущим. Особенностью игры стало то, что одновременно в нее могло играть до шести человек [2].

В 1985 году, когда уже появился первый персональный компьютер и был разработан протокол передачи данных по сети (TCP/IP), программисты Джон и Келтон решают пойти дальше, и, основав собственную компанию «Island of Kesmai», выпустили расширенную коммерческую версию под названием «Dungeons of Kesmai, Island of Kesmai», тем самым породив новую эру мировой индустрии и заработав себе титул создателей первой в мире коммерческой онлайн-игры.

Но, информационные технологии не стояли на месте, как и конкуренты новоиспеченной компании, и в том же году у «Island of Kesmai» появился серьезный конкурент от игровой студии «Lucasfilm Games» – онлайн-игра «Habitat».

В отличие от «Island of Kesmai», она имела полноценную графику и красочный интерфейс, но игрой ее можно было назвать с натяжкой.

«Habitat» была скорее виртуальной средой, где персонажи большую часть времени общались друг с другом и занимались повседневными делами. Кто-то ловил рыбу, кто-то копал песок на морском берегу, пытались отыскать клад, кто-то назначал свидание. Авторы постоянно добавляли новые возможности, считая, что будущее именно за таким интерактивным общением.

Перемещение по миру происходило просто: достаточно было подойти к правому или левому краю экрана – и персонаж попадал в соседнюю локацию.

Следующим этапом развития онлайн-игр стало появление первых коммерческих игр.

Так, в 1988 году была создана «Club Caribe» – первая в мире игра с абонентской платой, которая составляла 12 долларов США в час. «Club Caribe» представляла собой графический виртуальный мир

на основе аватаров (графических представлений пользователей) и при этом мало чем отличалась от «Habitat».

В дальнейшем, в 1990-х годах, с появлением современного Интернета стали стремительно развиваться и онлайн-игры. Постепенно технологии развивались и вот уже в наше время, когда появились браузер и графический интерфейс операционных систем, а пользоваться Интернетом может каждый – тысячи людей присоединялись к сообществам геймеров, а десятки новых игровых проектов, выходящих на рынок ежемесячно, начали за них борьбу. И в этой связи стоит отметить, что этот процесс продолжается и по сегодняшний день.

В США тем временем появлялись настоящие многопользовательские ролевые онлайн-игры (MMORPG) – с большим миром, увлекательной предысторией, красивой графикой и большим количеством возможностей. Самой известной среди них была «Neverwinter Nights».

«Neverwinter Nights», появившаяся в 1991 году стала первой графической ролевой онлайн-игрой.

Первая версия «Neverwinter Nights» поддерживала до 50 игроков одновременно и стоила 6 долларов США в час (рис. 2).

Рис. 2. Игра «Neverwinter Nights»

В «Neverwinter Nights» было все, чем могли похвастаться предшественницы, но ее главным козырем стала система «PvP» (игрок против игрока). Игроки объединялись в гильдии, формировали команды из четырех человек и сражались друг с другом. Пошаговая боевая система и отличный баланс открывали широкие возможности для прирожденных стратегов; активные гильдии регулярно проводили игровые собрания для своих членов. Игра сразу же стала хитом. Однако разработчики редко добавляли новый контент, что бесспорно никак не красило

игру. Но в то же время стоит отметить, что это не помешало «Neverwinter Nights» до самого закрытия быть очень популярной.

Тем временем развитие онлайн-игр продолжалось. В 1997 г. осуществили запуск сервера «Ultima Online», первой успешной онлайн-игры [3].

«Ultima Online» позволяла игрокам быть кем угодно: воином, вором, магом, простым торговцем и так далее (рис. 3).

Из-за отсутствия глобального чата игрокам приходилось взаимодействовать между собой. При

этом они могли не только разговаривать, но и грабить, и убивать друг друга. Все это со временем

сформировало систему репутации и в виртуальном мире «Ultima».

Рис. 3. Игра «Ultima Online»

Именно создателю «Ultima Online», программисту Ричарду Гэрриоту, мы должны быть благодарны за термин «MMORPG» (многопользовательская ролевая онлайн-игра, обычно в жанре фэнтези), и именно «Ultima Online» считается первой в мире «MMORPG».

Следующий этап развития онлайн-игр произошел в 1998 году, когда вышла более известная западным геймерам игра – «Everquest» (рис. 4).

Ее создатель программист Джон Смедли добавил в «Everquest» 3D-графику, что было более привлекательно для пользователей.

Рис. 4. Игра «Everquest»

Виртуальный мир «Everquest Норрат» стал настолько популярным, что игра получила 22

дополнения. Одной из главных особенностей «Everquest» была вариативность в выборе расы и

класса. Также особенностью «Everquest» была высокая сложность. Современным игрокам это может показаться ужасным, но в данной игре смерть каралась потерей снаряжения и части накопленного опыта. Находясь в таком суровом мире, где для прокачки нужно было убивать сильнейших монстров, а смерть означала откат на несколько шагов назад, игроки сильно вживались в роль своих персонажей и заводили реальные дружеские отношения с обитателями «Норрата».

На этом история онлайн-игр не закончилась, и в XXI веке продолжилось активное развитие онлайн-игр и количество любителей онлайн-игр продолжило расти год за годом. На сегодняшний день ассортимент онлайн-игр более чем широкий, обилие жанров и предложений делают процесс выбора интригующим. Можно каждый день выбирать новую игру и получать разные по силе и качеству эмоции.

Все многообразие компьютерных игр можно делить на группы, используя множество самых различных способов. Рассмотрим некоторые из этих способов.

1. Классификация игры по виду обзора.

1.1. Вид от 1-го лица (вид из глаз).

Вид, при котором мы видим виртуальный мир глазами главного героя. Такой вид наиболее удобен, чтобы вжиться в роль виртуального героя [4].

Так же хорошо подходит для прицеливания, поэтому применяется в «стрелялках».

1.2. Вид от 3-го лица (вид сзади).

Вид, при котором мы видим виртуальный мир со стороны, так, что главный герой оказывается перед нами в центре экрана. Позволяет лучше оценивать ситуацию, удобнее рассматривать окружающую обстановку. Главный герой всегда на виду, поэтому его внешний вид и анимации должны быть на высшем уровне.

1.3. Двухмерный или трехмерный вид сбоку (2D или 3D вид сбоку).

Вид сбоку позволяет видеть все перепады высот на уровне: ямы, пропасти, все этажи, платформы. Отсутствие третьего измерения значительно упрощает восприятие игрового мира, в нём легко ориентироваться.

1.4. Двухмерный или трехмерный вид сверху (2D или 3D TopDown).

Вид сверху отлично подходит для того, чтобы видеть расположение сразу многих игровых объектов: персонажей, войск, техники, наземных построек. Идеально подходит для игр, в которых нужно контролировать большое количество объектов.

2. Классификация по техническому исполнению.

2.1. Браузерные игры — игры, способные запускаться в окне браузера (программа для просмотра интернет страниц). Особое устройство браузерных игр позволяет играть в них с любого устройства, которое может подключаться к Интернету. Все популярные браузеры: «Google

Chrome», «Opera», «FireFox», «Internet Explorer», «Safari» — поддерживают запуск небольших программ внутри интернет-страниц, что и позволяет создавать браузерные игры. Примером Web-ресурсов, специализирующихся на браузерных играх, являются игры «@Mail.ru».

2.2. Клиентские – классические, те, в которых обмен данными с сервером происходит через клиента, специальную программу, написанную для запуска игры в операционной системе компьютера.

К таким играм относятся: «Ultima Online», «Ragnarök Online», «Lineage 2», «ArcheAge», «World of Warcraft», «EVE online», «Perfect World», «Aion». Из российских игр можно отметить: «War Thunder», «Аллоды Онлайн» и «Сфера».

3. Классификация онлайн-игр по количеству игроков.

3.1. Одиночная игра («Синглплеер», англ. - Singleplayer).

Тип игры, в которой игровой процесс рассчитан на одного игрока. Всеми противниками и союзниками в такой игре управляет компьютер.

3.2. Многопользовательская игра (Multiplayer).

Тип игры, в которой могут принимать участие сразу несколько игроков. Каждый игрок входит в игру через своё устройство (компьютер, консоль, мобильное устройство). Объединяющим звеном в сети устройств становится один из игроков (хостер) или специально предназначенный для этого компьютер (сервер).

3.3. Многопользовательская игра часто является дополнительным режимом для основной однопользовательской игры.

Отличительная особенность «Multiplayer» – игра состоит из отдельных партий, сессий, раундов, прохождений. Игроки или сами выбирают себе союзников и противников для партии, или это делает сервер с помощью случайного подбора. В каждой игре есть ограничение по количеству игроков в одной партии.

3.4. Массовая онлайн-игра (англ. «Massively multiplayer online game», «ММО»).

Тип игры, в которой может принимать участие огромное количество людей (десятки и сотни тысяч игроков). Такие онлайн-игры построены по принципу «клиент-сервер». Данный принцип предполагает, что основная часть игры располагается на специальном мощном компьютере, который постоянно подключен к Интернету (сервер). Игроки подключаются к игровому серверу через Интернет со своих устройств (клиент). На устройствах игроков установлена небольшая графическая часть игры (клиентская игра), или эта часть каждый раз загружается с сервера при очередном запуске игры (браузерная игра) [5].

Отличительная особенность «ММО» – игровой мир существует непрерывно (не разделен на партии как обычные многопользовательские игры). Игроки могут по своему усмотрению подключаться к этому миру в любое время.

Теоретически, количество игроков в ММО-играх ничем не ограничено.

4. Классификация онлайн-игр по жанру

Существуют разные классификации компьютерных игр по жанру, рассмотрим наиболее популярные из них.

4.1 Стратегические игры

Стратегическая игра – популярный жанр компьютерных игр, в котором залогом достижения победы является планирование и стратегическое мышление.

Смысл таких игр заключается в управлении некоторым ресурсом, который необходимо преобразовать в преимущество над противником при помощи оперативного плана, разрабатываемого с учетом меняющейся обстановки.

Различают пошаговые стратегические игры и стратегические игры в реальном времени.

4.1.1. Пошаговые стратегии — игры, в которых игроки производят свои действия по очереди. Разделение игрового процесса на ходы отрывает его от реальной жизни и лишает игру динамизма, в результате чего эти игры не так популярны, как стратегии в реальном времени [6].

С другой стороны, у игрока гораздо больше времени на размышление, во время совершения хода его ничто не торопит, что позволяет уделять больше времени планированию.

В стратегиях в реальном времени игроки производят свои действия одновременно. Наиболее популярные серии стратегий в реальном времени: «Warcraft» и «StarCraft».

4.1.2. Глобальные стратегии.

Наиболее сложные стратегии, в которых игрок управляет государством. В его руках — не только война и экономика, но и научный прогресс, освоение новых земель и дипломатия. Эти игры подразделяются на исторические, фантастические и космические. Наиболее известные представители жанра: «Civilization», «Master of Orion» и серия «Total War».

4.2. Стрелялки.

Стрелялки – жанр компьютерных игр, в которых успех игрока в большой степени зависит от его скорости реакции и способности быстро принимать тактические решения. Действие таких игр развивается очень динамично и требует напряжения внимания и быстрой реакции на происходящие в игре события. При этом в качестве основного средства прогресса в игре, как правило, используется какое-либо оружие.

4.3. MMORPG.

MMORPG – многопользовательская ролевая онлайн-игра, (обычно в жанре фэнтези), в которой игроки могут взаимодействовать друг с другом в игровом мире. Они могут помогать друг другу в выполнении заданий, обмениваться вещами, торговаться, сражаться в дуэлях. Игроку предлагается вымышленный герой, которым можно управлять.

4.4. Квесты.

Квест – приключенческая игра (бродилка), один из основных жанров игр, требующих от игрока решения умственных задач для продвижения по сюжету. Сюжет может быть predetermined или же давать множество исходов, выбор которых зависит от действий игрока.

4.5. Симуляторы.

Симуляторы – это программное обеспечение или устройства, имитирующие управление каким-либо устройством. Могут применяться как для обучения, так и для развлечения.

Широко известны игры-симуляторы автомобилей, наземных боевых аппаратов, космических кораблей, самолетов, вертолетов, подводных лодок и надводных боевых судов, поездов. Так же существует ряд игр-симуляторов реальной жизни.

Основным принципом симулятора является точное воспроизведение особенностей какой-то тематической области (например, автосимулятор должен максимально точно воспроизводить физические особенности машин). Для игры в компьютерные автосимуляторы применяется компьютерный руль. Любители автосимуляторов называют себя симрейсерами.

Автосимуляторы, например, делятся на два направления:

– аркадные симуляторы (например, серия «Need for Speed»). Такие игры рассчитаны на то, чтобы приятно провести время, поэтому управление сильно упрощено;

– реалистичные (например, «rFactor», «Live for speed» и «iRacing»). Такие игры убедительно имитируют поведение автомобилей и доступны лишь для умелых водителей. Даже те, кто участвует в реальных гонках, применяют автосимуляторы для тренировок и развлечения.

4.5.1. Экономические симуляторы.

Экономические симуляторы – стратегии, в которых военная сторона отсутствует в принципе, так что от игрока требуется только налаживать экономику. Иногда в них присутствуют соперники (конкуренты), но военных действий с ними все равно не происходит.

4.5.2. Экономические онлайн-игры.

В связи со всеобщим глобальным развитием сети Интернет набирают силу экономические онлайн-игры, то есть игры, представляющие собой некий мир со своими правилами и законами, в котором игроку предоставляется возможность заниматься активной коммерческой деятельностью: строить торговые и производственные предприятия и сооружения, заниматься разработкой природных ресурсов, вести активную финансовую и банковскую деятельность в рамках игрового пространства.

4.6. Файтинги.

Файтинг – жанр игр, имитирующих рукопашный бой малого числа персонажей в пределах ограниченного пространства, называемого ареной.

Менее значительными и необязательно присутствующими признаками жанра являются использование многочисленных шкал для изображения жизненно важных показателей персонажей и прорисовка бойцов на арене в профиль.

Важной особенностью файтингов является их нацеленность на соревнование, а не на сотрудничество игроков, что делает игры этого жанра подходящими для киберспортивных чемпионатов (командное или индивидуальное соревнование на основе видеоигр). Обычно файтинги предоставляют игроку возможность вести бой в режиме «один на один» против компьютерного противника или другого игрока, реже — позволяют сражаться одновременно трем или четырьмя противникам на одной арене.

4.7. Головоломки.

Головоломка или Пазл – это жанр игр, в центре внимания которых оказывается необходимость решения различных логических задач. В основе игровой механики лежит изучение неких правил, установление закономерностей, поиск комбинаций с целью достижения определенного результата. Это требует концентрации внимания и задействования логики.

4.8. Настольные игры.

С развитием компьютерных игр, на смену настольным играм пришли виртуальные аналоги, со временем выделившиеся в отдельную категорию, имеющую свой ряд отличительных признаков [7].

В настольных играх игроки бывают ограничены игровым полем, а все действия, как правило, происходят пошагово.

Нужно понимать, что представленная классификация игр по жанрам довольно условна. Во-первых, у многих жанров нет четкого, общепринятого определения. Во-вторых, разработчики не прекращают своих экспериментов, разбавляя устоявшиеся типы игровых механик новыми элементами. То есть современные игры могут принадлежать к одному или сразу нескольким жанрам, а то и вовсе представлять собой нечто новое.

Бесспорно, имеющееся многообразие видов и жанров игр, позволяет увлеченным игрокам всегда найти то, что будет по душе.

Но так ли это хорошо на самом деле и не лучше бы было, если бы было один-два безобидных жанра?

Проанализируем преимущества и недостатки игр, которые мы можем сегодня отметить.

Основным преимуществом такого варианта досуга является его доступность. Каждый человек, у которого есть доступ в Интернет и специальное техническое решение, будь то компьютер или телефон, может воспользоваться предложениями многочисленных сервисов. Большинство онлайн-игр предлагаются к использованию абсолютно бесплатно. Кроме того, нет совершенно никаких ограничений по времени. Можно зайти на игровой

портал когда угодно и находиться там столько, сколько позволяет свободное время.

Немаловажно, что онлайн-игры часто носят групповой характер. Таким способом люди знакомятся, находят друзей по интересам и очень весело проводят время. Игроки могут находиться в разных точках мира и при этом активно взаимодействовать в процессе игры [8].

Кроме того, есть игры, которые предусматривают возможность живого общения, что крайне привлекательно.

Онлайн-игры примечательны еще и тем, что они постоянно совершенствуются и обновляются без непосредственного участия игрока, то есть ему всегда доступен последний вариант продукта. Разработчики постоянно стараются угодить своим клиентам и прилагают к этому максимум усилий. В данном случае игра в долгосрочной перспективе может оставаться актуальной и интересной.

Еще одним преимуществом является то, что ассортимент онлайн-игр широкий: обилие жанров и предложений делают процесс выбора интригующим. Можно каждый день выбирать новую игру и получать разные по силе и качеству эмоции. Пользователям доступны все новинки и часто игровые сервисы изобилуют дополнительной полезной информацией.

Конечно, онлайн-игры могут быть полезными и обеспечивают современному человеку достойный досуг. В данном случае важно четко видеть грань между реальным и виртуальным миром, и контролировать время, отведенное на такое развлечение.

В то же время игры способны развивать следующие способности человека: навыки работы с трехмерными и двухмерными пространствами; внимание (селективность и распределение); объем рабочей памяти; логическое и стратегическое мышление (в играх определенных жанров); пространственное мышление. Как правило, геймеры принимают взвешенные, обдуманные решения, но также готовы идти на риск. По мнению некоторых авторов, готовность геймеров к риску может быть полезна в бизнесе.

Игры перестали быть просто развлечением. Виртуальные миры становятся новой площадкой для коммуникаций. В них проводят рабочие встречи, строят университетские кампусы и преподают, устраивают концерты.

Мир все быстрее движется в сторону перевода коммуникаций в игровую реальность. Самоизоляция, из-за пандемии (COVID-19), в которой находились жители всего мира в 2020 году, а некоторые страны и до сих пор находятся, только помогла этому процессу – вселенные игр вроде симулятора выживания «Fortnite» гораздо многограннее и функциональнее, чем «Zoom» (программа для организации видеоконференций). Они обладают большим набором инструментов для персонализации и позволяют собрать огромную аудиторию.

Наряду с этим, стоит отметить, что в будущем, возможно, игры трансформируют и систему образования. Конечно, они не заменят уроки целиком, а, скорее, станут дополнением к ним: навыки, полученные в играх, станут применять и в учебе, и в работе. Так, исследователи из Университета Глазго (Шотландия) выяснили, что игры развивают критическое и рефлексивное мышление, а еще развивают реакцию.

Преподаватели уже взяли на вооружение игры: например, учитель геометрии из Сан-Диего проводит уроки в ответвлении виртуальной реальности стрелялки «Half-Life». Летом 2019 года Институт развития Интернета (площадка для коммуникации представителей бизнеса, интернет-индустрии и власти по вопросам развития отрасли современных технологий), предложил включить в школьную программу факультативы по многопользовательским играм «Dota 2» или «World of Tanks» [9].

Российские эксперты считают, что эти игры развивают креативность, логику и умение работать в команде.

При этом возможны и негативные последствия тотального увлечения онлайн-играми – эмоциональная увлеченность, перерастающая в зависимость, полный уход в виртуальный мир, включая непоправимый ущерб здоровью самого геймера. Кроме того, многие игры основаны на интерактивном включении пользователя в процесс кровавого насилия, что часто отрицательно сказывается на психологическом состоянии несовершеннолетних игроков. Школьники, как правило, выбирают именно игры такого типа – там, где можно в виртуальном мире безнаказанно убивать, бить или взрывать.

Особенно эмоционально реагируют на агрессию в игре мальчики, они с упоением пересказывают кровавые сцены, перечисляют оружие, его достоинства. Конечно, понятна идея о необходимости разрядки и выхода агрессии в безопасном для социума направлении, но ребенок еще очень часто путает вымысел с действительностью.

Таким образом, споры о пагубном влиянии онлайн-игр на человеческую психику не утихают на протяжении двух первых десятилетий XXI века, а некоторые трагические события напрямую связывают с «жестокими видеоиграми». Рассмотрим несколько из наиболее шумевших событий.

В апреле 1999 года ученики старших классов 18-летний Эрик Харрис и 17-летний Дилан Клебольд пришли в школу американскую старшую школу в округе Джефферсон, штат Колорадо «Колумбайн» с оружием в руках. Старшеклассники убили двенадцать учеников и одного учителя, после чего застрелились.

В 2007 году в штате Огайо (США) 16-летний Даниэль Петрик застрелил родителей за то, что те запрещали ему играть в компьютерную игру в жанре стрелялки «Halo 3».

В 2012 году в США 14-летний Ноа Крукс набросился на мать, после того как она забрала у него диск с игрой «Call of Duty». Ноа пытался изнасиловать мать, а когда ничего не вышло, застрелил ее [9].

Террорист Андерс Брейвик (Anders Breivik), который в 2011 году устроил теракт в городе Осло (Норвегия), унесший жизни 77 человек, оказывается, готовился к массовому убийству, играя в жестокие игры. В частности, Брейвик любил играть в одну из частей серии стрелялки «Call of Duty», посвященных Второй мировой войне, холодной войне, борьбе с терроризмом, гипотетической Третьей мировой войне, войнам будущего и космическим войнам [9].

В последнее время и в России стали происходить события, связанные с тем, что ребята приносят в учебные заведения оружие и расстреливают всех, кто попадает им под руку.

Может и здесь свое влияние оказывают онлайн-игры?

Представленные примеры жестоких событий, произошедших по вине онлайн-игр, демонстрируют нам то, что онлайн-игры не всегда приносят только «добро» в общество, но нередко и становятся опасностью как для самого игрока, так и для окружающих его людей. В связи с чем родители стремятся ограничить время игровых сессий для своих детей, а федеральные каналы рассказывают о губительном воздействии компьютерных игр на мозг ребенка.

Стоит отметить, что Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) включила видеоигровую зависимость в список болезней и расстройств, однако статистика по этим данным является неоднозначной.

Однако, несмотря на представленные отрицательные стороны такого вида досуга, как игры, индустрия компьютерных игр (разработка, издание и продвижение игр) – одна из самых быстро развивающихся отраслей компьютерных технологий и одновременно глобального сектора развлечений.

Игры становятся культурными феноменами и признаются произведениями искусства.

Число геймеров, по данным экспертов, растет (2,5 млрд. игроков в 2020 г.), а сам гейминг становится высокооплачиваемой профессией. Формируется мощная экосистема [10].

Вокруг ядра, состоящего из разработчиков игр и издателей, развиваются профильные средства массовой информации (СМИ), специальные финансовые и рекламные инструменты; появляются специализированные физические площадки (интернет-кафе нового поколения, локации для кибертурниров и др.); разработке игр начинают обучать в высших учебных заведениях и др.

Кроме того, мировой рынок компьютерных игр становится глубже и масштабней. В последние пять лет, по оценкам аналитической компании «Newzoo», он рос в среднем на 11% в год и в 2020

г. достиг отметки в 152 млрд долларов США, обогнав ряд других конкурентных контентных рынков, в частности, речь идет о кино- и музыкальной индустриях, чей суммарный объем рынков составил всего 62 млрд долларов США. [10].

Ключевыми драйверами роста стали широкая доступность Интернета и компьютеризированных устройств.

Еще одно исследование, проведенное российской технологической компанией «Mail.ru Group», показало, что 87% интернет-аудитории России играет в игры чаще одного раза в месяц. Структура онлайн-сегмента сильно изменилась за последние 2 года – резко выросла доля социальных игр. Вырос также и средний возраст игрока – 33 года. На текущий момент 47% россиян являются активными интернет-пользователями, из них 68% активно играют в онлайн-игры [11].

Самая высокая доля платящих игроков среди пользователей онлайн-игр у сегмента массовая онлайн-игра (ММО). Многопользовательские игры отличает лояльная аудитория, которая готова тратить на платежи внутри игр порядка 1,1 тысяч руб. в месяц.

Рост аудитории, играющей в онлайн-игры, порождает в последние годы и такое новое направление в играх как киберспорт.

Под киберспортом понимается командное или индивидуальное соревнование на основе видеоигр. За последние пять лет киберспорту удалось выйти на новый уровень благодаря его признанию отдельной спортивной дисциплиной в Российской Федерации в 2016 году и полноценным видом заработка для профессионалов. Помимо формирования нормативной базы и привлечения спонсоров, такой шаг способствовал тому, что киберспортивные события стали более масштабными. Темпы роста объема рынка киберспорта в Российской Федерации является одним из самых высоких в мире – 20% в год по сравнению с общемировыми 18%. При этом, по разным оценкам, объем российского рынка киберспорта в 2020 г. составил 2,6-3,9 млрд рублей. [12].

В мире, по данным американской компании, проводящей маркетинговые измерения «Nielsen» в киберспорт регулярно инвестируют представители разных отраслей – производители геймерского оборудования, банковский сектор, страхование, производители автомобилей, сферы общественного питания и др. В Российской Федерации ситуация обстоит иначе: финансовая поддержка в большинстве случаев оказывается эпизодично.

В этой связи сегодня растет и популярность онлайн-трансляций процесса прохождения игр в режиме реального времени, или так называемого игрового стриминга. Он давно перестал быть развлечением для геймеров и стал новым перспективным форматом распространения игрового контента и новым способом заработка. Пользователи готовы не только играть, но и

смотреть, как играют другие, потому что именно стриминг дает полное представление о том, что представляет собой компьютерная игра. Подобные видео размещаются на популярных видеоплощадках или соцсетях.

Кроме того, стоит отметить, что эпидемия коронавирусной инфекции (COVID-19) оказалась своеобразным драйвером игрового рынка. Люди, сидя дома, стали искать доступные развлечения. По оценкам американской компании, проводящей маркетинговые измерения «Nielsen» среднее игровое время выросло на 30-40%. В Китае, например, массовый карантин спровоцировал активный рост национального игрового рынка: +25,2% по сравнению с четвертым кварталом 2019 г., до 10,3 млрд. долларов США, по данным китайской Ассоциации разработчиков игр. Причем драйвером роста выступил именно мобильный сегмент [13].

Таким образом можно задать несколько вопросов для прояснения положений и особенностей игр в интернет-индустрии: «Почему игры в Интернете сегодня так привлекают людей? О чем думает и что представляет себе человек, играя на компьютере или смартфоне?»

Можно придумать множество ответов на эти вопросы, но самым банальным будет наверно возможность окунуться в другой мир с другими законами и правилами, а также почувствовать реальную власть и превосходство над другими игроками.

Бесспорно, индустрия игр будет и дальше продолжать совершенствоваться, пока будут совершенствоваться информационные технологии, и будет существовать азарт игроков, а он, скорее всего, нигде не исчезнет.

И в заключение необходимо задать главный вопрос: «Куда ведут наше общество игры в сети Интернет?»

Сложный вопрос. Одни не раздумывая ответят, что игры – зло и они приводят к деградации играющего в них человека, и, как следствие, к деградации общества, другие – используют возможности компьютерных игр с пользой для самообразования и саморазвития.

Таким образом, можно констатировать, что от каждого из нас зависит «зло» или «пользу» принесут обществу современные игры. Но при этом самое главное – находясь в интернет пространстве и увлекаясь, занимаясь кибериграми подумайте о своей личной информационной безопасности.

Информационная безопасность в данном сегменте Интернета – это ваша спасительная соломинка.

Список использованной литературы:

1. История онлайн-игр. [Электронный источник]. URL: https://gamesisart.ru/istoriya_onlayn_igr.html (дата обращения: 20.09.2021).
2. История онлайн-игр. [Электронный источник]. URL: <http://guideswow.ru/drugie/istoriya->

i-klassifikaciya-onlajn-igr.php/ (дата обращения: 20.09.2021).

3. История онлайн-игр. [Электронный источник]. URL: <https://pro-spo.ru/internet/4012-istoriya-onlajn-igr/> (дата обращения: 22.09.2021).

4. Разбор: типы и виды онлайн-игр. [Электронный источник]. URL: <https://www.rubaltic.ru/press/razbor-tipy-i-vidy-onlajn-igr/> (дата обращения: 20.09.2021).

5. Классификация компьютерных игр. [Электронный источник]. URL: https://gamesisart.ru/game_class_all.html (дата обращения: 20.09.2021).

6. Описание игровых жанров. [Электронный источник]. URL: http://apps.ru/index/genres_of_games/0-52 (дата обращения: 20.09.2021).

7. Онлайн-игры. Классификация. [Электронный источник]. URL: <http://igamer.biz/populyarnyjshie-zhanry-onlajn-igr-v-sovremennom-mire/> (дата обращения: 22.09.2021).

8. Преимущества геймификации: о чем

говорят исследования. [Электронный источник]. URL: <https://newtonew.com/tech/preimushchestva-gejmifikacii-o-chem-govorjat-issledovaniya> (дата обращения: 20.09.2021).

9. Статистика. [Электронный источник]. URL: <http://security.mosmetod.ru/internet-zavisimosti/statistika> (дата обращения: 20.09.2021).

10. Компьютерные и видеоигры (российский рынок). [Электронный источник]. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Компьютерные_и_видеоигры_\(российский_рынок\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Компьютерные_и_видеоигры_(российский_рынок)) (дата обращения: 22.09.2021).

11. Видеоигры и киберспорт. [Электронный источник]. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/mediaindustriya-v-2020-2024/videoigry-i-kibersport.html> (дата обращения: 22.09.2021).

12. Исследование. [Электронный источник]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10444597> (дата обращения: 22.09.2021).

13. Индустрия компьютерных игр. [Электронный источник]. URL: <https://dcenter.hse.ru/> (дата обращения: 22.09.2021).

*Дворянкин Олег Александрович,
старший преподаватель кафедры информационной безопасности
Учебно-научного комплекса информационных технологий
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ - БУДУЩАЯ НОВЕЙШАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

*Oleg A. Dvoryankin,
candidate of legal sciences, lecturer at the chair of information security of the Moscow MUR RS Kikot university.*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IS THE FUTURE LATEST INFORMATION TECHNOLOGY OF THE INTERNET

Аннотация. В настоящей статье проведено изучение одного из новейших направлений в науке и непосредственно в Интернете – это искусственный интеллект. Представлены его виды, характеристики, особенности, положительные и отрицательные стороны. Исследованы основные формы организации искусственного интеллекта, его влияние на различные сферы жизнедеятельности людей. Также представлен прогноз его развития и рекомендации по личной безопасности при его использовании.

Abstract. This article examines one of the newest trends in science and directly on the Internet – what is the artificial intelligence. Its types, characteristics, features, positive and negative sides are presented. The main forms of the organization of artificial intelligence, its influence on various spheres of human activity are investigated. The forecast of its development and recommendations for personal safety when using it are also presented.

Ключевые слова. Интернет, информационная безопасность, искусственный интеллект, транспорт, медицина, образование, полиция, ЖКХ, аналитика, биометрия

Keywords. Internet, information security, artificial intelligence, transport, medicine, education, police, housing, analytics, biometrics

Ежедневное развитие технического прогресса, в первую очередь с учетом информационных технологий Интернета, порождает появление новых областей развития в науке. Особое внимание на сегодняшний день уделяется области искусственного интеллекта (ИИ).

Несмотря на то, что данная область стала популярна только в последнее время, многие эксперты активно обсуждают вопросы, касающиеся развития и применения технологий искусственного интеллекта в различных сферах жизнедеятельности человека.

Так, еще в мае 2018 года Указом Президента Российской Федерации была принята национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» сроком до 2024 года [1].

Цели Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» – сделать интернет доступным для всех, покрыть крупнейшие города связью 5G, защитить информацию граждан, бизнеса и государства, повысить эффективность основных отраслей экономики, подготовить кадры для работы в цифровой среде, увеличить долю затрат на развитие цифровой экономики в ВВП (внутренний валовой продукт) страны в 3 раза.

В данной программе отмечается необходимость развития «сквозных» технологий, то есть перспективных технологий, радикально меняющих ситуацию на существующих рынках или способствующих формированию новых рынков. Одной из таких технологий является искусственный интеллект.

В связи с этим изучение сферы искусственного интеллекта считается актуальным и необходимым в настоящее время.

Сам термин «искусственный интеллект» появился в 1956 году, когда был использован американским информатиком Джоном Маккарти на конференции в Дартмутском университете (двухмесячный научный семинар по вопросам искусственного интеллекта, проведенный летом 1956 года в Дартмутском колледже, США). Его авторству принадлежит первый язык программирования для задач искусственного интеллекта – «Lisp» [2].

Поясняя свое определение, Джон Маккарти указывает: «Проблема состоит в том, что пока мы не можем в целом определить, какие вычислительные процедуры мы хотим называть интеллектуальными. Мы понимаем некоторые механизмы интеллекта и не понимаем остальные. Поэтому под интеллектом в пределах этой науки понимается только вычислительная составляющая способности достигать целей в мире».

В 1965 году американский ученый Джозеф Вайценбаум из Массачусетского технологического института (Кембридж, штат Массачусетс, США) создал компьютерную программу «Элиза», которая могла вести несложные диалоги. Можно сказать, это был первый чат-бот, прообраз современной «Siri» (голосовой помощник).

На этом исследования не закончились и разработки в области искусственного интеллекта продолжались.

Робот «Фредди», разработанный в 1973-м исследователями из Эдинбургского университета (Эдинбург, Шотландия), использовал зрение для поиска и сборки моделей. В 1979-м появилась «Стэнфордская тележка» – первый контролируемый компьютером автономный автомобиль, подобие современных беспилотных автомобилей.

После некоторого спада новый всплеск интереса к искусственному интеллекту произошел в середине 1990-х. Самым известным успехом этого периода можно считать победу, одержанную в 1997 году суперкомпьютером «IBM Deep Blue» над чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым [3].

Впрочем, каких бы успехов ни достигали разработчики, всегда находились скептики, заявлявшие, что даже если компьютер научится хорошо решать какие-то задачи, это еще не означает, что машина действительно самостоятельно мыслит.

Большая часть современных ученых сходятся во мнении, что искусственный интеллект – это совокупность методов и инструментов решения различных сложных прикладных задач, использующих принципы и подходы, аналогичные размышлениям человека над их решением (такие технологии еще называют когнитивными).

Сегодня обычно речь идет о программах, которые по мере накопления данных сами учатся их классифицировать, распознавая изображения, тексты, аудиофайлы и любые другие объекты, с каждым разом совершенствуясь и выполняя поставленную задачу все лучше. То есть искусственный интеллект приобретает способность, до сих пор действительно считавшуюся исключительно человеческой прерогативой, – способность к обучению.

Также можно сказать, по данным других исследователей, что искусственный интеллект – это не формат и не функция, это процесс и умение думать и анализировать данные.

Сейчас искусственный интеллект определяют, как свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека.

При слове «искусственный интеллект» многие представляют разумных человекоподобных роботов, которые стремятся завоевать мир. Однако искусственный интеллект не предназначен заменить людей. Его целью является расширение человеческих умений и возможностей [4].

В этой связи возникает вопрос: «В чем заключается важность искусственного интеллекта?»

Искусственный интеллект:

1. Позволяет автоматизировать повторяющиеся процессы обучения и поиска за счет использования данных. Однако искусственный интеллект отличается от роботизации, в основе которой лежит применение аппаратных средств.

Цель искусственного интеллекта – не автоматизация ручного труда, а надежное и непрерывное выполнение многочисленных крупномасштабных компьютеризированных задач.

Такая автоматизация требует участия человека для первоначальной настройки системы и правильной постановки вопросов.

2. Делает существующие продукты интеллектуальными. То есть создается впечатление, что машина на самом деле «думает», хотя это не так.

Как правило, технология искусственный интеллект не реализуется как отдельное приложение, а функционал искусственного интеллекта интегрируется в имеющиеся продукты, позволяя усовершенствовать их, точно так же, как технология умного помощника «Siri» была добавлена в устройства «Apple» нового поколения.

Таким образом, голосовой помощник «Siri» стал «умным» дополнением к уже имеющему «не умному» устройству – телефону.

3. Адаптируется к условиям, в которых оказывается благодаря алгоритмам прогрессивного обучения.

Таким образом, обучение происходит на бесконечном анализе поступающих извне данных, которые обрабатываются искусственным интеллектом, и позволяют ему обучаться посредством анализа поступившей информации.

Искусственный интеллект обнаруживает в данных структурах закономерности, которые позволяют алгоритму освоить определенный навык: алгоритм становится классификатором или предикатором, то есть может как проводить классифицировать поступающую информацию, так и прогнозировать на ее основе необходимые данные.

Таким образом, по тому же принципу, по которому некоторый алгоритм осваивает игру в шахматы, он может научиться предлагать подходящие продукты онлайн. При этом адаптируется к поступлению для анализа новых данных по мере из поступления [5].

4. Осуществляет более глубокий анализ больших объемов данных с помощью нейронных сетей (математическая модель, а также ее программное или аппаратное воплощение, построенная по принципу организации и функционирования биологических нейронных сетей (нейросети) – сетей нервных клеток живого организма) с множеством скрытых уровней.

Несколько лет назад создание системы обнаружения мошенничества с пятью скрытыми уровнями было практически невозможным. Все изменилось после колоссального роста вычислительных мощностей ЭВМ и появлением «больших данных» (совокупность непрерывно увеличивающихся объемов информации одного контекста, но разных форматов представления, а

также методов и средств для эффективной и быстрой обработки). Для моделей глубокого обучения искусственного интеллекта необходимо огромное количество данных, так как именно на их основе они и обучаются.

Глубинные нейросети (нейронные сети, которые имеют много слоев, отсюда и название «глубинные» или «глубокие» сети) позволяют искусственному интеллекту достичь беспрецедентного уровня точности.

К примеру, работа с голосовым помощником «Alexa», поисковой системой «Google Search» и сервисом «Google Photos» осуществляется на базе глубокого обучения (совокупность методов машинного обучения, основанных на обучении представлениям, а не специализированным алгоритмам под конкретные задачи), и чем чаще мы используем эти инструменты, тем эффективнее они становятся [6].

Таким образом, становится очевидно, что технология искусственного интеллекта является крайне важной для дальнейшего развития современной науки.

Проанализируем, как используют искусственный интеллект в деятельности российских компаний.

В последнее время все чаще в литературе и средствах массовой информации отмечается, что появляются новые технологии в области искусственного интеллекта, которые помогают сделать более простым и удобным выполнение ряда функций в профессиональной деятельности людей, а также происходит автоматизация многих процессов в организациях.

Исследование «Цифровая экономика от теории к практике: как российский бизнес использует ИИ», проведенное российской ассоциацией электронных коммуникаций и национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» при поддержке компании «Microsoft» показало, что наиболее часто используемым типом решений на базе искусственного интеллекта в России являются виртуальные помощники: их применяют 38% руководителей и ведущих специалистов. На втором месте оказались прогнозный анализ (35%) и машинное обучение (35%) [7].

При этом большинство компаний планируют в ближайшие пять лет в большей степени использовать прогнозный анализ и виртуальных помощников – 39% и 38% соответственно (рис. 1).

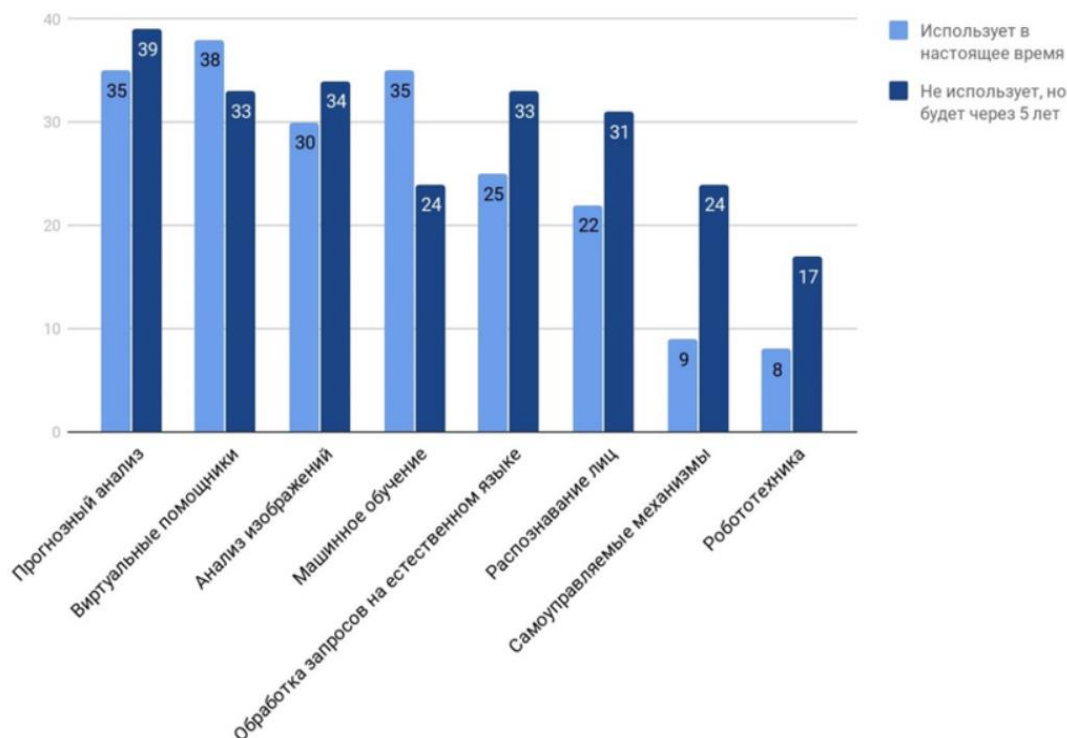

Рис. 1 – Технологии искусственного интеллекта в российских компаниях [7]

Также ожидается, что в течение ближайших 5 лет применение искусственного интеллекта покажет взрывной рост в двух областях: самоуправляемые механизмы, например,

беспилотный транспорт (с 9% до 24%) и робототехника (с 8% до 17%).

Проанализируем также области использования искусственного интеллекта в российских компаниях (рис. 2).

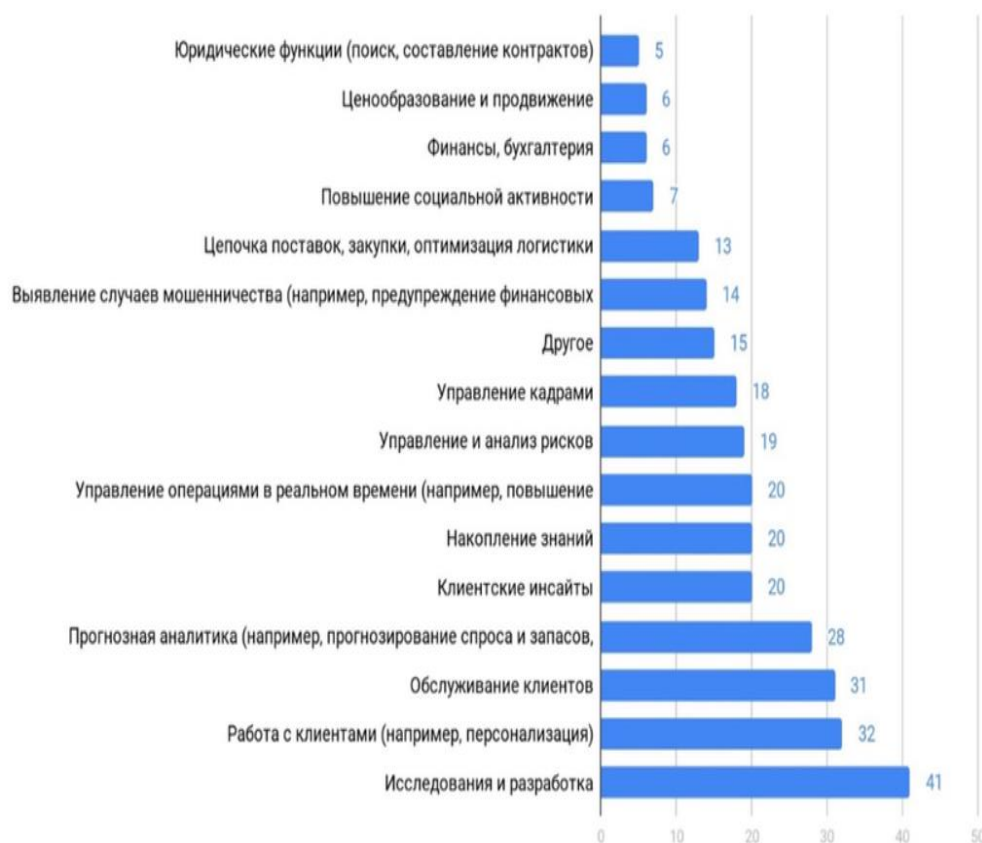

Рис. 2 – Области использования искусственного интеллекта в российских компаниях [7]

Так, на представленной диаграмме (рис. 2) видно, что наибольшее применение искусственный интеллект найдет в исследовании и разработке, на втором месте находится работа с клиентами, далее идут – обслуживание клиентов, прогнозная аналитика. Меньше всего искусственный интеллект используется для юридических функций, ценообразования и продвижения, а также в области финансов и бухгалтерии.

Данный факт объясняется недоверием данных отраслей к новой технологии, так как все эти области требуют максимальной точности в принятии решений, что на сегодняшний день не гарантирует применение искусственного интеллекта.

Так, в литературе по искусственному интеллекту эксперты отмечают, что на данный момент выполнение многих монотонных задач выполняют обученные системы на базе нейронных сетей. Однако данные системы в большинстве своем пока еще нуждаются в управлении и поддержке человеком, хотя и максимально считаются приближенными к полностью автономным системам, работающим на основе своего «мозга» – нейронной сети. Таким образом, полноценное использование искусственного интеллекта во многих областях на сегодняшний день остается невозможным.

Но в то же время стоит проанализировать примеры, которые демонстрируют нам успешное применение искусственного интеллекта в современном обществе.

На основе распознавания лиц властями Китая в 2015 году был запущен проект по созданию национальной базы данных. Для осуществления целей данного проекта в стране была построена сеть камер видеонаблюдения. С помощью данной системы Китай планирует создать огромную базу информации о гражданах, которая будет объединена с базами полиции, банков и онлайн-сервисов. Таким образом, Китай планирует ввести «рейтинг общественной надежности». Каждому жителю будет присваиваться определенное количество баллов, исходя из его поведения [8].

На основе этих баллов ему будут открывать (или закрывать) доступ к таким привилегиям как туристические визы, социальные пособия или выгодные ставки по кредитам.

Похожая система распознавания лиц работает и в нашей стране.

Последние два года в Москве тестируют систему видеонаблюдения, позволяющую идентифицировать нарушителей, которые находятся даже в многолюдных местах [9].

Стоит отметить, что благодаря данному решению уже были задержаны несколько десятков правонарушителей. На базе этой системы на период режима самоизоляции во время эпидемии коронавирусной инфекции в 2020 году были выдвинуты проекты по отслеживанию перемещения людей по городу, тем самым

выявленные нарушители режима привлекались к ответственности.

И вот уже в октябре 2021 года в московском метрополитене запустили систему биометрии «Face Pay». Данная система позволит пассажирам бесконтактно оплачивать проезд, т.е. надо будет лишь посмотреть в камеру на турникете. Все дальнейшие операции сделает искусственный интеллект.

Не менее важное применение искусственный интеллект нашел в медицине.

В России на данный момент разрабатывают системы, которые смогут диагностировать раковые опухоли. Для этого нейронную сеть обучают, используя тысячи различных снимков. Система позволяет проводить диагностику вновь поступившего снимка с точностью до 96% [10].

Интересные решения разрабатываются для сферы здравоохранения компанией «Третье мнение». В числе продуктов компании – сервисы распознавания патологий на рентгенограммах, маммограммах, компьютерной томографии легких, системы мониторинга, позволяющие усилить контроль за состоянием пациента во время нахождения его на лечении в стационаре [10].

Система мониторинга оказала существенное влияние в 2020 году при лечении больных коронавирусной инфекцией. Система устроена таким образом, что на основе камер, установленных в палате, отслеживается физическая активность пациентов в течение дня, так как нахождение в лежачем положении ухудшает циркулирование воздуха в легких более чем в два раза и увеличивает риск развития пневмонии. Отметим, что перед использованием системы в конкретной палате у каждого пациента берется согласие на обработку персональных данных

В конце 2019 года в СМИ появилась информация о том, что медицинские учреждения стали применять искусственный интеллект для того, чтобы предсказать здоровье пациента и тем самым определить необходимость в госпитализации. Такие системы на входе получают информацию о том, какой образ жизни ведет пациент, какие на данный момент имеет заболевания, имеющиеся вредные привычки [10].

Кроме того, имеются системы, позволяющие выявить вероятность возникновения приступа эпилепсии с точностью, близкой к 100%.

Искусственный интеллект позволяет по данным электрокардиограммы делать заключение о вероятности смерти пациента. Системы предсказывают сбои в сердечном ритме и на основе этого делают заключение.

Все системы, используемые в системе здравоохранения, имеют схожий принцип: система первоначально обучается на огромной выборке реальных пациентов, после чего систему можно использовать для полноценной работы.

Отмечу, что в данном случае очень важно обучить систему работать именно на реальных данных, так как в данном случае речь идет о

здоровье человека и очень важно получить результат, который будет иметь минимальную погрешность.

Активно растет количество транспортных средств, которые оборудованы системами помощи водителю на дороге (ADAS). Данные системы работают на базе видеокamer, датчиков, радаров и позволяют распознавать объекты. Системы ADAS позволяют распознавать пешеходов, знаки и светофоры [11].

Особое внимание в развитии искусственного интеллекта в сфере транспорта уделяется сфере логистики. Сфера логистики на сегодняшний день является важной в силу того, что от того, насколько развита данная сфера, во многом зависит, как быстро будут доставляться товары и насколько эффективной окажется путь товародвижения.

В сфере ЖКХ искусственный интеллект позволяет оценивать текущее состояние жилого дома, делать прогнозы по потреблению воды, газа, электроэнергии.

В судебной системе искусственный интеллект позволяет делать объективные заключения, так как на него не действуют эмоции людей, искусственный интеллект не берет взятки, вероятность возникновения ошибки при разбирательстве по делу становится минимальной [12].

Таким образом, станет возможным создать эффективную и справедливую судебную систему.

Кроме этого достижения в области искусственного интеллекта создают новые беспрецедентные возможности для правоохранительной и правоприменительной деятельности, прежде всего, по направлению идентификации фигурантов или транспортных средств, связанных с уголовными делами и другими нарушениями.

Так, МВД России разработала систему «Паутина», которая активно прошла тестирование в г. Москве и Московской области, и уже распространена на весь Центральный Федеральный округ Российской Федерации. Данная система позволит сотруднику органом внутренних дел (полиции) отслеживать угнанные и покинувшие место ДТП автомобили, а также позволит водителям обжаловать штрафы, выписанные с помощью видеокamer. [13].

В промышленности искусственный интеллект позволяет автоматизировать некоторые действия сотрудников, заменив их думающей машиной. Тем самым у работников появляется больше возможностей и времени уделить внимание тем вопросам, которые искусственный интеллект на сегодняшний день не способен решить.

Искусственный интеллект в области промышленного производства – это повсеместная автоматизация производства, вплоть до полного исключения людей из этого процесса. Например, компания «LG» запланировала к 2023 году запустить предприятие, которое будет полностью находиться под управлением искусственного

интеллекта, который будет контролировать процесс от покупки необходимых материалов до контроля качества товара и его отправки по назначению.

Кроме того, искусственный интеллект будет держать под контролем выработку (износ) производственных механизмов и другие параметры вплоть до контроля выполнения заданного плана [12].

В сельском хозяйстве искусственный интеллект применяется для слежения за развитием посадок, влажностью грунта и воздуха, присутствием в почве нужных удобрений и общего ухода за растениями. К примеру, машины обучились обнаруживать сорняки и очень осторожно удалять их (путем выдергивания без повреждения остальных посадок или обработки ядохимикатами). Интеллектуальные машины в состоянии идентифицировать болезни растения или вредителей по изображениям, и кроме того целенаправленно доставить в нужную точку нужные химикаты. Это существенно экономит пестициды и гербициды.

Не так давно появившиеся дроны (беспилотный летательный аппарат) уже нашли свое применение в задаче распознавания.

Норвежской компанией «eSmart Systems» было разработано совершенно новое интеллектуальное решение для энергетических сетей. Компания использует в своей новинке такое устройство как дроны, которые в последнее время получают все большее распространение. Дроны применяют для обнаружения различных неисправностей на линиях электропередач. Предварительно дроны проходят обучение и по его окончании могут распознавать элементы установок ЛЭП, что позволяет им проверять целостность проводов, изоляторов и других частей [14].

Данное решение позволит быстро обнаружить неисправность на линии, которая часто находится в труднодоступных местах. В таких случаях эффективнее на поиск неисправности отправить бригаду дронов, чем бригаду людей.

Также необходимо отметить, что искусственный интеллект позволяет изменять характер розничных продаж, оптимизируя выпуск товаров потребления в соответствии с запросами покупателей, а также повышая качество логистики.

Складские роботы, разработанные американской некоммерческой организацией «Kiva», используемые компанией «Amazon», сокращают время транспортировки, более рационально размещают товары на складах, что позволило снизить расходы на 20%.

Наряду с этим можно добавить, что, например, динамика рынков ценных бумаг и финансовых активов, обусловленная сложными закономерностями, требует нового подхода и новейшего проведения анализа экспертных знаний.

И уже в этой отрасли появились первые успехи, связанные с применением искусственного

интеллекта. Программы, дающие советы по формированию инвестиционных пакетов уже существуют, хотя их массовое развитие пока сдерживается соображениями информационной безопасности.

Существует и еще одна отрасль применения искусственного интеллекта.

В конце февраля 2020 года в сети Интернет появилась информация о том, что изучение искусственного интеллекта станет внедряться для изучения в школах страны. Таким образом, предполагается, что охват школ, в которых появится новый предмет, к 2024 году будет составлять более 50%. Данное введение позволит уже с подросткового возраста получить теоретическую и практическую базу в данном направлении, что позволит в еще большей степени иметь возможности в освоении данной сферы. Кроме того, отмечается, что учителя также пройдут курсы для получения квалификации по искусственному интеллекту [15].

На сегодняшний день искусственный интеллект в сфере образования находит применение для проведения индивидуальных занятий с учеником – репетиторство; созданы и активно применяются системы, позволяющие автоматизировать оценивание знаний учащихся.

Интересным применением искусственного интеллекта становится распознавание и анализ поведения учащихся во время обучения. Так же системы на основе искусственного интеллекта позволяют оценивать то, как учащиеся воспринимают тот или иной материал – отслеживают их реакцию; позволяют оценивать профессиональное мастерство преподавателей.

Безусловно, технологии искусственного интеллекта способны изменить любые отрасли, но их возможности не безграничны.

Главное ограничение искусственного интеллекта заключается в том, что обучение возможно только на основе данных, другими способами – невозможно. Это означает, что любые неточности в данных отразятся на результатах и даже могут очень существенно, что приведет к отрицательным итогам.

Наряду с этим, современные системы искусственного интеллекта **заточены** под выполнение четко определенных задач.

Система, предназначенная для игры в покер, не сможет раскладывать пасьянсы или играть в шахматы. Система, настроенная на выявление мошенничества, не сможет водить машину или предоставлять правовую помощь [16].

Более того, система искусственного интеллекта, предназначенная для выявления мошенничества в сфере здравоохранения, не сможет с той же степенью точности выявлять махинации с налогами или претензиями по гарантиям.

Другими словами, эти системы характеризуются очень узкой специализацией. Они

предназначены для выполнения одной конкретной задачи, и им далеко до многозадачности человека.

Кроме того, самообучающиеся системы не являются автономными.

Образы технологий искусственного интеллекта, которые мы видим на экранах телевизоров и кинотеатров, по-прежнему являются элементами фантастики. Тем не менее, компьютеры, способные анализировать сложные данные (многозадачные) для освоения и совершенствования конкретных навыков, уже не редкость и они существуют.

Среди основных препятствий для полноценного внедрения искусственного интеллекта можно выделить отсутствие информационно-технологической инфраструктуры, нехватку квалифицированных специалистов, а также законодательные проблемы [17].

Последние можно условно разделить на «проблемы формы» и «проблемы содержания».

«Проблемы формы» связаны с отсутствием логически выстроенной, понятной и прозрачной системы законодательных и подзаконных правовых актов в рассматриваемой сфере, когда в основу правового регулирования закладывается минимальное число базовых законов, положения которых получают развитие в подзаконных актах.

«Проблемы содержания» касаются отдельных направлений внедрения искусственного интеллекта в государственное управление, требующих тщательной правовой регламентации и конкретизации. Среди них можно выделить:

- 1) отнесение искусственного интеллекта к субъектам права;
- 2) правовой статус сети Интернет и возможности использования ее инфраструктуры в государственном управлении;
- 3) сферы применения искусственного интеллекта в государственном управлении;
- 4) механизмы воздействия на искусственный интеллект и принятия решений и т.д.

Совершенствование законодательства с учетом указанных проблем должно носить комплексный характер и осуществляться поэтапно [18].

Причем законодательный подход должен сочетать решение разнообразных задач не только в области применения электронных технологий, но и в рамках гражданского, административного, уголовного, налогового и финансового права.

Таким образом, значимость развития искусственного интеллекта на сегодняшний день не вызывает сомнения. Каждый, кому удалось столкнуться с возможностями, которые предоставляет использование искусственного интеллекта, несомненно, хотел бы добиться получения еще больших впечатляющих результатов. Ведь в действительности использование данной технологии в производстве, медицине и других областях позволило добиваться

результата в разы быстрее, практически не затрачивая при этом человеческие ресурсы.

Несмотря на наличие некоторых проблем для полноценного внедрения искусственного интеллекта в современную жизнь есть все предпосылки ведь данная сфера продолжает успешно и эффективно развиваться.

Государствами и коммерческими компаниями предпринимаются попытки научить системы, основанные на искусственном интеллекте принимать решения, действовать так, как это сделал бы человек, и во многом такие попытки оказываются успешными.

Однако полностью заменить человека искусственным интеллектом на сегодняшний день не представляется возможным.

Таким образом возникает главный и основополагающий вопрос: «Так что же такое искусственный интеллект сегодня?»

Мнения экспертов расходятся, но при этом некоторые точки соприкосновения все же существуют. Итак, объединяя различные мнения можно предположить и отметить, что машина, которая действительно умеет «думать» или же это всего лишь желание создателей показать всем, что даже у техники может быть «разум».

При этом в заключение считаю целесообразным отметить, что как бы не развивалась человеческая мысль, искусственный интеллект, информационные технологии, главным все равно останется информационная безопасность, т.е. защита себя, как индивидуума в новой информационной эпохе.

Берегите себя.

Список использованной литературы:

«Цифровая экономика РФ». [Электронный источник]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 10.10.2021).

Афанасьева Д.В. Применение искусственного интеллекта в обеспечении безопасности данных // Известия ТулГУ. Технические науки. 2020. №2. [Электронный источник]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-obespechenii-bezopasnosti-dannyh> (дата обращения: 10.10.2021).

Искусственный интеллект (ИИ). [Электронный источник]. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/>

Продукт: Искусственный интеллект (ИИ) (дата обращения: 12.10.2021).

Бедняков И.Л., Развейкина Н.А. Возможности применения искусственного интеллекта в судопроизводстве // Вестник Самарского юридического института. 2019. №2 (33). [Электронный источник]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-sudoproizvodstve> (дата обращения: 12.10.2021).

Каблучко Ю.В. Применение искусственного интеллекта в банковской сфере // Вопросы науки и

образования. 2018. №16 (28). [Электронный источник]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-bankovskoy-sfere> (дата обращения: 12.10.2021).

Бессмертный И. А. Системы искусственного интеллекта: учебное пособие для вузов / И. А. Бессмертный. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 157 с. – (Высшее образование).

Васильев А.П., Абрамов А.Х. Искусственный интеллект на основе нейронных сетей // Academy. 2018. №5 (32). [Электронный источник]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyu-intellekt-na-osnove-neyronnyh-setey> (дата обращения: 08.10.2021).

Система распознавания лиц в Москве. Как используется и как будет развиваться. [Электронный источник]. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Как_устроена_система_распознавания_лиц_в_Москве (дата обращения: 08.10.2021).

ИИ: новая революция в области данных. [Электронный источник]. URL: <https://www.intel.ru/content/www/ru/ru/analytic/s/artificial-intelligence/overview.html> (дата обращения: 10.10.2021).

Прорыв в онкологии: нейронную сеть научили распознавать раковые клетки. [Электронный источник]. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/6d1ebc7d> (дата обращения: 08.10.2021).

Беспилотные автомобили в России. [Электронный источник]. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Беспилотные_автомобили_в_России (дата обращения: 10.10.2021).

Современные системы содействия водителю (ADAS). [Электронный источник]. URL: <https://www.nvidia.com/ru-ru/self-driving-cars/adas/> (дата обращения: 10.10.2021).

«МВД запустило систему «Паутина» для розыска авто и обжалования штрафов» электронное издание «РБК» [Электронный источник]. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/04/2021/607f96499a79476f48cdde73> (дата обращения: 10.10.2021).

Forbes. Разбор полетов. Как помочь взлететь промышленному дрону. [Электронный источник]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/364063-razbor-poletov-kak-pomoch-vzletet-promyshlennomu-dronu> (дата обращения: 08.10.2021).

Эксперты рассказали, как можно внедрить искусственный интеллект в школы. [Электронный источник]. URL: <https://rg.ru/2020/02/27/eksperty-rasskazali-kak-mozhno-vnedrit-iskusstvennyj-intellekt-v-shkoly.html> (дата обращения: 12.10.2021).

Солнцева О.Г. Аспекты применения технологий искусственного интеллекта // E-Management. 2018. №1. [Электронный источник]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspекты->

primeneniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta
(дата обращения: 12.10.2021).

Загоруйко Ю. А. Искусственный интеллект.
Инженерия знаний: учебное пособие для вузов / Ю.
А. Загоруйко, Г. Б. Загоруйко. – Москва:

Издательство Юрайт, 2020. – 93 с. – (Высшее образование).

Иванов В. М. Интеллектуальные системы:
учебное пособие для вузов / В. М. Иванов. –
Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 91 с. –
(Высшее образование).

УДК: 130.2+211.5

ГРНТИ: 13.07.25+21.31.35

Mashchytska Volha

*Belarusian State University of Culture and Arts
Rabkorovskaya st., 17, Minsk, Republic of Belarus*

POSTSECLAR RELIGIOSITY AND ITS CONCEPTUAL VERSIONS: FROM "INVISIBLE RELIGION" TO "RELIGION WITHOUT ESSENCE"

УДК: 130.2+211.5

ГРНТИ: 13.07.25+21.31.35

Мащыцько О.В.

*Белорусский государственный университет культуры и искусств
Рабкоровская ул., 17, Минск, Республика Беларусь*

ПОСТСЕКУЛЯРНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ И ЕЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВЕРСИИ: ОТ "НЕВИДИМОЙ РЕЛИГИИ" К "РЕЛИГИИ БЕЗ СУЩНОСТИ"

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.4.74.148

The article is devoted to the theoretical reconstruction of the of the conceptual version of postsecular religiosity. All the theories clame that the traditional religion can survive today through cover-up it's religious identity. This is accompanied by the marginalization of religious organizations and an increase in the influence of religion at the level of individual interest. Theological analysis is limited mainly by negative characteristics when describing post-secular religiosity: the devaluation of transcendence and the rejection of dualism (Daniel Hervier-Leger), the absence of doctrinal boundaries (Thomas Luckmann), the weakening of the ideological core of the doctrine (Roberto Cipriani). The author argues that post-secular religion is an implicit ideology in terms of the way it functions. In the late XX - early XXI century, a number of researchers (U. Eco, S. Zizek, G. Marcuse and others) noted that the imaginary post-ideology of modern society is associated with the formation of a specific type of ideology, which can be designated as "implicit". The post-Christian secular world is also "implicitly" religious. The author reveals the commonality of the processes taking place in the field of religion with the characteristics of the "post-ideological" world and concludes that the religiosity of the post-secular society is most productive to study precisely as part of an implicit ideology.

Статья посвящена теоретической реконструкции основных концептуальных версий постсекулярной религиозности. Во всех рассмотренных концепциях утверждается, что традиционная религия может выжить сегодня через сокрытие своей религиозной сущности. Это сопровождается маргинализацией религиозных организаций и повышением влияния религии на уровне индивидуального интереса. Религиоведческий анализ при этом ограничивается главным образом отрицательными характеристиками при описании постсекулярной религиозности: *девальвация трансцендентности и отказ от дуализма (Даниэль Эрвье-Леже)*, отсутствие доктринальных границ (Томас Лукман), *ослабление идеологического ядра вероучения (Роберто Киприани)*. Автор утверждает, что по способу функционирования постсекулярная религия является неявной идеологией. В конце XX – начале XXI века ряд исследователей (У. Эко, С. Жижек, Г. Маркузе и др.) отмечали, что мнимая постидеологичность современного общества связана с формированием специфического типа идеологии, который можно обозначить как «неявный». Постхристианский секулярный мир также является «неявно» религиозным. Автор выявляет общность процессов, происходящих в области религии с характеристиками «постидеологического» мира и делает вывод о том, что религиозность постсекулярного общества наиболее продуктивно изучать именно как часть неявной идеологии.

Key words: secularism, post-secular, diffuse religion, religion of values, invisible religion, implicit ideology.

Ключевые слова: секуляризация, постсекулярный, рассеянная религия, религия значений, невидимая религия, неявная идеология.

Since the middle of the twentieth century, researchers dealing with the problems of religion have increasingly begun to use the concept "post-secular". Its popularization is associated with the name of J. Habermas [1]. The concept of the postsecular is usually

associated with two aspects. On the one hand, this is a certain moral legitimation of religious fundamentalism, which looks like a defense of the rights of religion against the atheism and agnosticism of the Western world (religious "minority" in the secular "majority")

[2]). Another aspect is associated with the awareness of the fact that the loss of the monopoly of institutional religiosity on the sacred leads to a seemingly paradoxical effect – an increase in the potential for the influence of religion on society. The latter is due to new forms of functioning of post-secular religiosity.

These new forms of functioning have not yet received a systematic understanding in the research literature. O. Spengler noted that a myth stands at the origins of culture; at the time of the decline of culture, a return to myth is inevitable. With the growth of non-institutionalized religiosity, P. Sorokin linked the transition from a sensual type of culture to an idealistic one. T. Lukman used the concept of "invisible religion" to designate the essence of the modern religious situation. M. Eliade and A. Toynbee pointed out the importance of the role of non-traditional religiosity of the Eastern type in modern Western culture. "New paganism" (V. Krutous), remythologization, new archaism, "new sectarianism" (MN Epstein), "fictitious sectarianism" (T. Olenich), "quasi-religion" (M. Brinkerhof and J. Jacob), "Faith without belonging" (G. Davey), "patchwork belief" (D. Hervier-Leger), "secularized esotericism" (W. Hanegraafairmin), pseudo-religion (J. Wach), "cult environment" (K. Campbell) – far from a complete list of those concepts that are used to describe the essence of post-secular religiosity. It is often viewed as part of the ideology of consumption (Z. Bauman) or one of the aspects of postmodern sensibility. In the latter case, the emphasis is on rejecting transcendence, giving value to this-worldly meanings (S. Hunt, M. McGuire, V. Velancourt).

Despite the diversity of definitions, there is the main idea: the recognition of the fact that the marginalization of religious organizations is accompanied by the degeneration of religion and an increase in its influence at the level of individual interest. It turns out a paradox: the spread of religiosity is inversely proportional to the spread of religion (if the latter is understood as a social institution). The purpose of this article is a theoretical reconstruction of the main versions of the functioning of postsecular religiosity.

D. Hervieu-Leger focuses on the mutation of religious individualism in the study of the current state of religion. He distinguishes between two basic meanings of individual religiosity. First, individualism is pointed out as the feature of modern religion that distinguishes it from the ritualized traditional type. D. Hervieu-Leger calls it "interior religion", as opposed to "external". Secondly, the concept of individual religiosity presupposes the personal certification of religious beliefs by the believer himself. The logic of the individualization of religion is associated with Christianity, in ontological and anthropological aspects - from the beginning of the formation of the Christian doctrine, in ethical - from the Reformation. [3, c.164-165]

The mutation of religious individualism is examined by D. Hervieu-Léger using the example of the New Age. This teaching absorbed the main tendencies inherent in the concepts of renewal in

traditional religions, and at the same time significantly radicalized them, thanks to which today it becomes the main representative of implicit religiosity [3, p. 166]. Thus, the tendency associated with the search for authenticity, which is given in personal experience, experience, functions within the New Age as a statement of truth-in-itself. As a result, the main religious goal is individual self-improvement, and the ideal is complete self-realization of the individual. Logically, the absolute individual conditioning of religious experience makes doctrinal systems, dogmas that offer ready-made formulas for understanding reality superfluous. When the truth received from others is rejected, it turns out that a person himself chooses whom to call God, and the choices turn out to be potentially inexhaustible.

Another consequence of considering individual experience as the main criterion of authenticity is the complete devaluation of transcendence in the modern type of religiosity. In the New Age, this trend is realized in the concept of salvation in this world (this-worldly salvation), which presupposes a monistic vision of reality. In the spirit of postmodernism, the New Age proclaims "the rejection of all dualisms." Thus, the mutation of individualism passes into the ontological channel, pouring out into pantheism and rejecting the transcendent. The consequence of the transfer of transcendence to the profane sphere is the convergence of religion and science. Power over nature acquires a sacred meaning, it is achieved through the implementation of physical and mental abilities. Therefore, paranormal phenomena are of such importance for post-secular religiosity: out-of-body experiments, travel to "past lives", communication with spirits and aliens are considered as not contradicting science, as a manifestation of power over the world, obtained through self-realization. [3, c.165-166]

Individualism makes membership in a religious organization secondary (if not meaningless) and actualizes the question of what type of religion is capable of existing in these conditions. To describe the functioning of individual religiosity, D. Hervier-Leger uses the concepts of "belief without belonging" and "free-floating believers" [3, p. 167]. "Belief without belonging" occurs when a person who does not belong to a religious organization identifies himself as belonging to a particular religion. The linguistic formulas of such a religious self-identification are "spiritually I feel like a Christian, but I don't belong to any confession", "I feel close to Buddhism". To become a "free-floating believer", one does not need to belong to a group, it is enough to read certain literature, visit thematic Internet sites. Participants in one movement "recognize" each other, although they are not institutionally related to each other. This method corresponds to the type of New Age distribution. It is a religion in the sense of a common vision of reality, which falls under the concept of "ideology".

R. Kipriani uses the concept of "scattered religion" ("religion of meanings") to describe the functioning of post-secular religiosity. This term means that, despite the marginalization of church religion, its inherent

values operate at the level of legitimation of actions laid down by the previous centuries of the dominance of the religious worldview. Therefore, another name used by R. Kipriani for this type of religiosity is "religion of meanings" [4, p. 292-294]. The presence of "scattered religion" is clearly visible in non-ecclesiastical forms, especially in the area of ethics and politics.

R. Kipriani notes that the religion of meanings is becoming the dominant form of post-secular religiosity, becoming a kind of "antidote" to secularization, a compromise between secularization and religion [4, p.301]. However, her research is associated with a number of difficulties due to the same "scattered" nature of religion, its vague, indefinite doctrinal outlines, which are difficult to empirically define. Because of this, the task of identifying a scattered religion, identifying features that would allow it to be recognized as a phenomenon, acquires special significance.

R. Kipriani names the following features. First, it is not an authoritarian nature (which is a logical consequence of out-of-institutionality), which naturally leads to openness to options for religious self-identification, religious and moral pluralism. Secondly, a decrease in the originality of religious content, leading to a weakening of the ideological core of the doctrine and negligence in relation to theological, doctrinal and confessional boundaries. R. Kipriani also calls "surrender of demands" or less orthodoxy. Non-authoritarianism is paradoxically combined with the passivity of the bearers of this type of religiosity - the "scattered" nature of the latter leads to inertia, even automatism, in accepting this form of religious identification. Subjects of "scattered religion" are not inclined to enter into conflicts in the name of their "ideal referents", do not dispute other points of view. The next characteristic is dynamism (which is both a feature and one of the reasons for the lack of clear characteristics). Finally, religion functions primarily as a way of transmitting and disseminating values, a means of dispersing meanings, it is a religion of meanings, and not a religion of rituals and beliefs. [5]

One of the first who tried to describe features of the existence of religion in the "secular world" was T. Luckman. The result was the emergence of the concept of "invisible religion" [6]. This term is associated with T. Luckmann's attempts to break the deadlock of the classical sociology of religion. The methodological framework of research in the latter suggests that religion becomes a social fact either as an institutionalization of ritual or as doctrinal ideas. Such a framework leads to the identification of religion with the church, and they also lead the post-secular sociology of religion to a dead end, since the existing forms of religiosity are not considered as a subject of research. T. Luckman understands invisible religion as "an institutionally non-specialized social form of religion that arises when church religion disintegrates" [7, p. 389]. Other names used by T. Luckmann for this type of religiosity are individual religion, private religion.

To describe the way the invisible religion functions, T. Luckmann addresses the problem of the religious component of any social experience. The objectification of meaning, the constitution of the symbolic universe, presupposes going beyond the biological nature of man - transcending. It always has a religious character. Therefore, any objectification of meaning in society, leading outside the limits of everyday experience, is a religious phenomenon: "religion is rooted in the main anthropological fact: the transcending of the biological nature of man." The worldview, being universal for society and being supra-individual, performs a religious function and is an elementary social form of religion [6, p. 69]. At the same time, worldview constructs are perceived as "natural", taken for granted, that is, they are an implicit form of religiosity [6, p. 53]. Institutional religiosity, in turn, is secondary to this elementary form of individual religion. In this, the position of T. Luckmann is similar to the concept of O. Rosenstock-Huessi, who considers the premises of a person in time and space to be the basis of any social order, which go beyond the capabilities of their senses. Since any social integrity is in relation to an individual person "unnatural", "transcending", it can be considered as religious in the broad sense of the word [8].

The concrete individual, of course, does not build a worldview and does not create sacred universes. He falls into an already existing social order and an existing system of meanings. Humanity as a reality brings human nature beyond itself: an objective view of the world becomes a subjective orientation system. The internalization of implicit religiosity occurs through socialization. The system of absolute meanings forms the basis of subjective priorities and becomes a part of identity. The main mechanism for the objectification of meaning in society (and, therefore, according to the logic of T. Luckmann, the main mechanism for the transmission of invisible religion) is language: "The logic and taxonomy contained in the worldview are stabilized in the syntactic and semantic structures of the language" [6, p. 54], "The internal form of the language (explicit and contextual elements, cryptotypes) - represent a comprehensive model of the world. Together with language, a person assimilates its internal form, "natural" logic and taxonomy of worldview. " Through language, the worldview as an elementary social type of religion is assimilated by any member of society. Language is a meaning that is "constantly available" [6, p. 56]. Considering the transcending meaning of language, through it the profane level of reality becomes sacred. In the interpretation of language as a religious phenomenon, one can again note the similarity with the position of O. Rosenstock-Huessi. Believing that any social community is the result of transcending, he also calls language as the main means of its creation [8].

The more clearly the "sacred cosmos" is articulated within the framework of the worldview, the greater the likelihood that the religious ideas internalized by the individual will be formulated clearly, in explicated terms. This is a case of "visible",

ecclesiastical religiosity. Moreover, the process of institutionalization of religion, according to T. Luckman, sooner or later leads to a number of contradictions, the main of which are the following:

1. The discrepancy between the official formulations of absolute meanings and subjective experiences. Specialized religious concepts may cease to function as integrative elements of the subjective system of absolute meanings. This contradiction can reach critical states, since the immutability of dogma ceases to be correlated with the fickleness of subjective religious experience.

2. As a social institution, church religiosity cannot be limited to sacred issues, which inevitably leads to difficulties that are resolved in theology through the concept of "visible and invisible church".

3. Another source of contradictions is the general process of autonomization of individuals, the liberation of individual consciousness from the social structure. As a result, primary social institutions are losing their influence, and this process concerns not only religion.

4. In the era of globalization, the factor of religious pluralism is added. The struggle between religions to have a monopoly on the constitution of the system of absolute values of society leads to relativization and skepticism about these claims. As a result, this struggle has no winners. The depth of the impact of this factor increases with the speed of social change. [6, p. 76-89]

All these factors together lead to the modern marginalization of church religion, as well as to its so-called "internal" secularization. T. Luckman calls "external" secularization the process by which church religion becomes a marginal phenomenon, is pushed to the periphery. "Internal secularization" is a process by which a teaching that is churchly in the doctrinal sense becomes secular [6, p. 35-36]. For example, when the importance of religious teachings for relieving stress, treating depression is emphasized, if religiosity is perceived as part of a healthy lifestyle, or the doctrine is reduced exclusively to a code of ethics. Common to external and internal secularization is the departure of religious values from the "semantic space" of society.

A complex process in which the consequences of the institutionalization of religion and the global transformation of the social order play a decisive role, leads to the transformation of religion into a private, subjective one. This is not the decline of Christianity, but part of a more revolutionary transformation - the replacement of institutional religiosity with new social forms of religion. Therefore, according to T. Luckman, institutional religiosity cannot serve to assess the state of religion in modern society. This is just one of many forms of religiosity: "Many phenomena of modern church religion get more meaning if we put them on the second, not the first," [6, p. 101]. The decline of church religiosity is accompanied by the growth of the influence of non-church religion. Invisible religion (sometimes called "pseudo-religion") dominates society in terms of the proliferation of systems of absolute value. Therefore, T. Lukman considers the very concept of secularization to be erroneous, using more often the expression "so-called secularization" [7,

p. 72, 76, 90]. Thus, secularization is not the absence of religion, but the presence of a new type of religion. Secularization is a new type of sacralization that has a global character.

Given such a position of religion in modern society, its scientific description encounters methodological difficulties associated precisely with such characteristics as "implicitness", "non-institutionalism", "non-confessional". T. Luckman, asking about the way of objectification of the "sacred space" in the era of the dominance of invisible religion, dwells on the method of content analysis of popular literature, radio, cinema, television. Its result was the identification of the following features of the invisible religion:

1. It is a "bricolage" of selected values of traditional religious systems, archaic beliefs, former dominant religious ideologies [7].

2. Doctrinal blurring, a tendency to "level out" ideological differences, the unimportance of doctrinal teaching for church members [6, c, 34]. T. Lukman points to the process of "doctrinal alignment" in Protestantism, as well as between Catholicism, Protestantism and Judaism. Because of it, dogmatic differences are not essential in relations between denominations.

3. Consumer orientation. Attitude to culture and "sacred space" as a buyer [6, p, 96-98]. If religion is a private matter, then a person can choose from an assortment of "absolute meanings" what he needs, guided by personal preferences.

4. The sacred status of the individual. As an example, T. Luckman considers the "inner man" in the New Age. Self-realization, self-expression become a "lifelong" task that has absolute meaning. Individuality plays a unique role as a source of "absolute" meaning. One of the aspects of self-expression and self-realization is sexuality. [6, c, 109-111]

Thus, the decline of church religiosity is accompanied by an increase in the influence of non-church religion. Invisible religion dominates society in terms of the proliferation of systems of absolute value, and traditional Christian rhetoric survives to the extent that it hides its Christian essence. The revealed features of the invisible religion allow T. Luckman to assert that the modern type of religiosity is an ideology in terms of its mode of functioning. In the absence of institutional, doctrinal, ritual boundaries, the "attitude of people to the conditions of their existence," which presupposes an appeal to the sacred, comes to the fore.

S. Zizek believes that the new social form of religion is ideology in the absolute sense. Traditional religion fulfills an ideological function. The first criticism of ideology in history S. Zizek calls the Book of Job, in which three theologians present discursive strategies to legitimize suffering, while Job himself presents their refutation [9, p. 163]. Many secular ideologies are mutations of traditional religion, since, on the one hand, they are formed as counter-religions, substitutes for religions, and with the arc, they are associated with global ideological claims. It is significant that the term "ideology" was introduced by

Destiute de Tracy at the beginning of the 19th century, in the era of the intensification of the process of secularization. The term refers to a doctrine of ideas that provides a solid foundation for policy and ethics. Previously, this function was performed by a religious doctrine. In the middle of the 20th century, the American-German philosopher E. Vogelien introduced the concept of "secular mysticism" (intramundane religion, intramundane mysticism) to describe "political religions", which was considered an explanatory construct to describe the substitution of ideology for religion [10]. Thus, ideology initially plays the role of a secular substitute for religion when the religious type of consciousness changes to a secular one. However, in the modern world, the situation is being radicalized. Post-secular religion becomes an ideology in the full sense of the word.

This is due to the new forms of the functioning of religiosity, which S. Zizek defines as the existence of a religion devoid of essence. Analyzing the new way of being of religious ideas in the era of secularization, S. Zizek draws attention to the fact that the abundance of things devoid of essence is specific to our time: decaf coffee, fat-free cream, non-alcoholic alcohol, virtual sex, war without military losses (Colin Powell), multiculturalism as the experience of the Other, devoid of otherness. It is logical to continue the analogy in relation to more global things: society without society (E. Laclot and C. Mouffe "society does not exist"), politics without politics (J. Baudrillard "political is dead", "emptiness of politics") and, finally, irreligious religion. [9, c.21-23]

The functioning of a non-religious religion is associated by S. Zizek with two aspects. First, it is the process of globalization of religion. Its essence lies in the fact that from the point of view of the specifics of the structure of modern secular society, religion is no longer identified with a certain cultural order. Since religion is not integrated into a particular social order, it is capable of autonomous existence in different cultures. The second aspect is related to the deprivation of religion of its religious essence. In this case, the essence is understood as a connection with the transcendent, and religion is taken in the Western theistic version. The religiosity of a post-secular society presupposes the reduction of religion to non-religious tasks that have traditionally been secondary to it. This process to some extent resembles the aforementioned "internal secularization" of T. Luckman and is in line with the postmodernist attitude of rejection of the transcendent.

To describe a religion devoid of religious essence, S. Zizek cites a number of phenomena as an example. The first of these he calls "disavowed" or displaced faith. This designates a faith that is held for cultural reasons. It is assumed that we follow a set of norms, rules, values by virtue of tradition and habit, not really believing [9, p.8]. Many researchers pay attention to the transmission of religious traditions in this form. For example, Y. Ryzhov points out the preservation of traditional religions as an ethnocultural phenomenon [11]. T. Lukman also points out that this way of

broadcasting is depriving religion of its essence: "What the fathers preach, but do not practice, will be assimilated by the sons as rhetorical systems, and not as a system of absolute meanings" [6, p. 89].

The second phenomenon is called by S. Zizek "the suspended faith". This is a faith that is not recognized, which is "guarded as a kind of obscene secret" [9, p. 7]. S. Zizek 's text is not transparent enough to clarify what exactly is meant by this type of faith. Suppose that this describes the departure of religion from the public to the private sphere, when a secular position becomes privileged in a liberal society. In such a society, the believer is doomed to a kind of division into two hypostases: the secular in the public sphere and the religious in the private. Subsequently, criticism of this situation was presented in the works of J. Habermas.

A third example is polytheistic premodern religions suppressed by traditional religiosity. Their implicitness is due to their inclusion in the mythological foundations of culture, in the collective unconscious. E. Bailey also emphasized this type of postsecular religiosity in the concept of implicit religion [12]. Instead of the concept of "religion," he suggests using the "sacred", which allows one to go beyond institutional religiosity to culture as a whole. The use of the concept of "sacred" emphasizes that it is not limited to religion. Religion is "obviously," clearly sacred. But there are many other forms of religiosity that qualify as sacred "implicitly." E. Bailey uses the concept of implicit religion to address the problems of the sacred dimension of culture. Any system of symbols, beliefs, values provides for a reverent status, a "leap of faith", thanks to which relative principles have the character of absolute standards. If we view culture as a system of values, trusting them requires extra-empirical faith. It is no accident that one of the etymologies of the concept of culture is raised to cult.

As the fourth phenomenon, S.Zizek points to the Jewish heritage, widely understood as a unique experience of meeting a radically Other. This includes the experience of transcendence as a cultural phenomenon, understood as going beyond a certain confessional framework. The Gnostic and mystical tradition of Christianity adjoins the Jewish heritage, which is interpreted not so much as a religious, but as a philosophical and occult phenomenon. Moreover, it is emphasized that a reference to Christianity is permissible today only in this form. [9, c.20]

The fifth non-religious religion is Western Buddhism, understood as a phenomenon of secular pop culture, fully fitting into the ideology of late capitalism [9, p.21-24]. Meditative practices designed to develop an indifferent attitude towards fierce competition are reduced to adaptation to the capitalist system. Religion is reduced to psycho-training.

Summing up the results of the theoretical reconstruction of a number of concepts of post-secular religiosity, the following should be noted. By the way it functions, it differs significantly from traditional religion and is, in essence, an implicit religious ideology. Therefore, it is productive to study it in this

capacity. Certain features of this ideology are present in any modern manifestation of religiosity.

It is necessary to note the correlation of the processes taking place in the field of religion with the characteristics of the "post-ideological" world. At the turn of the 20th and 21st centuries, a number of researchers (U. Eco, S. Zizek, G. Marcuse and others) noted that the post-ideology of modern society is associated not so much with the absence of ideology, but with the formation of its specific type, which can be designated as "implicit". This term covers a wide range of phenomena, ranging from Western-centrism and multiculturalism and ending with the ideology of consumption and transhumanism. They are not interpreted as ideological, being taken for granted as a system of evidence, the norm. The secularized post-Christian world is also "implicitly" religious. It is most productive to study the religiosity of a secular society precisely as part of the general ideological transformations of modern culture.

Religious and sociological analysis reveals some helplessness in describing post-secular religion, limiting itself for the most part to negative characteristics: religion without essence (S. Zizek), faith without belonging (D. Ervieux-Leger), weakening of the ideological core of the doctrine (R. Kipriani), doctrinal blur (T. Lukman). It should also be noted that in the conditions of the implicit functioning of ideology, its meaningful analysis is practically meaningless: it is difficult to analyze in the form of a doctrine, a system of ideas, a list of provisions or a system of values due to the dynamism of development and the vagueness of boundaries. Meanwhile, this phenomenon may be more accessible for study from the side of linguistic analysis, in which the emphasis is on abstraction from the content and focus on the form or mode of functioning. The importance of language in the study of post-secular religious ideology was emphasized by T. Lukman, R. Kipriani, S. Zizek. Thus, the consideration of the phenomenon of implicit religion as part of modern "post-ideological ideology" opens up new research prospects, considering the possibility of using methodological and theoretical and achievements of contemporary philosophy in learning the language of ideology.

Bibliography

1. Хабермас Ю. Расколотый Запад /Юрген Хабермас; [пер. с нем. О.И. Величко и Е.Л. Петренко]. М. : Весь мир, 2008. –186 с.
2. Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI) Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – 112с.
3. Hervieu-Leger D. Individualism, the Validation of Faith, and the Social Nature of Religion in Modernity // *The Blackwell Companion to Sociology of Religion*/ Ed. Fenn R.K. Blackwell Publishing, 2001. – P. 161-176.
4. Cipriani R. Religion as Diffusion of Values. «Diffused Religion» in the Context of a Dominant Religious Institution: The Italian Case // *The Blackwell Companion to Sociology of Religion*/ Ed. Fenn R.K. Blackwell Publishing, 2001. – P. 292 – 305.
5. Cipriani R. Religiosity, Religious Secularism and Secular Religions // *International Social Science Journal*, 1994, № 140. P. 277–284.
6. Luckmann T. *The Invisible Religion. The Problem of Religion in Modern Society* / T. Luckmann. NY, London : The Macmillan Co., 1967. – 128 p.
7. Luckmann T. *Moralizing Sermons, Then and Now* // *The Blackwell Companion to Sociology of Religion*/ Ed. Fenn R.K. Blackwell Publishing, 2001. – P. 388-403.
8. Розеншток-Хюсси О. Человеческий тип как форма для чеканки, или повседневные истоки языка // *Язык рода человеческого* / О.Розеншток-Хюсси. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. – С. 89-182.
9. Жижек С. *Кукла и карлик. Христианство между ересью и бунтом.* – М.: Изд-во «Европа», 2009. – 336 с.
10. Voegelin E. *The New Science of Politics.* Chicago: The University of Chicago Press, 1952. – 210p.
11. Рыжов Ю.В. *Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве.* М., Смысл, 2006. – 328 с.
12. Bailey E. *Implicit Religion: An Introduction.* – London : Middlesex University Press, 1998. – 114 p.

ПЕДАГОГІЧЕСКІЕ НАУКИ

УДК 619:618.14-002:615.849

Полякова Наріна Васильєвна
викладач кафедри музичного мистецтва,
Миколаївського національного університету
імені В.О.Сухомлинського

РОЗВИТОК КРЕАТИВНОГО МИСЛЕННЯ НА ЗАНЯТТЯХ З МУЗИЧНО-ТЕОРЕТИЧНИХ ДИСЦИПЛІН У МАЙБУТНІХ ВЧИТЕЛІВ МУЗИЧНОГО МИСТЕЦТВА

Poliakova N.V.
teacher of the department of musical art
Nikolaev National University
named after VO Sukhomlinsky

DEVELOPMENT OF CREATIVE THINKING IN CLASSES ON MUSIC AND THEORETICAL DISCIPLINES IN FUTURE TEACHERS OF MUSIC ART

Анотація. В статті розглядається розвиток креативного мислення у підготовці майбутнього вчителя-музичного мистецтва, що дає можливість не лише нестандартно подавати новий матеріал, але й захопити учнів до вивчення предмету. Проаналізовано, що одними із найважливіших предметів у музичній педагогіці є цикл музично-теоретичних дисциплін. Без знання теоретичної бази, вчитель нової епохи не буде мати можливість розкривати всі спектри емоційної сторони музичного твору. Виявлено, що даний цикл ніколи не був предметом розгляду розвитку креативного мислення. Причина цього факту досі залишається невідома, але саме тому виникла необхідність до дослідницької діяльності.

Summary. The article considers the development of creative thinking in the preparation of future music teachers, which gives the opportunity not only to submit new material in a non-standard way, but also to encourage students to study the subject. It is analyzed that one of the most important subjects in music pedagogy is a cycle of music-theoretical disciplines. Without knowledge of the theoretical basis, the teacher of the new era will not be able to reveal all the spectra of the emotional side of the musical work. It was found that this cycle has never been the subject of consideration of the development of creative thinking. The reason for this fact is still unknown, but that is why there is a need for research.

Ключові слова: креативне мислення, музичне мистецтво, теорія музики, гармонія, поліфонія, підготовка вчителів.

Key words: creative thinking, music art, music theory, harmony, polyphony, teacher training.

Постановка та обґрунтування актуальності проблеми. В сучасних проблемах музичної освіти на перший рівень виходить підготовка вчителя нової формації – освіченого викладача, який володіє високою культурою, багатим творчим потенціалом. Саме тому ключовим завданням вищої освіти є професійна підготовка майбутнього вчителя – розвиток його навченості, волі і моралі, що інтегрує інші особистісні якості спеціаліста. Даний підхід до змісту освіти створює потребу розвитку мислення, особливо креативного, творчого, що є важливою частиною на уроках мистецтва.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Актуальність досліджуваної проблеми зумовлена гострою необхідністю освітнього простору у компетентних кадрах, які є професійно зацікавленими та зможуть творчо реалізувати свій потенціал. Актуалізується проблема культуровідповідності у підготовці майбутнього вчителя музичного мистецтва. Проблему фахової професійної підготовки вчителя музичного мистецтва у системі вищої мистецької освіти у своїх працях опрацьовували наступні науковці, як Е. Абдулін, О. Апраксіна, Н. Гузій, О. Щолокова, Д.

Кабалевський, О. Олексюк, О. Отич, Г. Падалка, О. Ростовський, О. Рудницька, Л.С.Аристова, та інші. В той час як музично теоретичні дисципліни в системі виховання сучасного креативно-мислячого вчителя не були предметом спеціального дослідження.

Метою статті є дослідити розвиток креативного мислення на заняттях з музично - теоретичних дисциплін, як засіб формування професійної підготовки майбутніх вчителів музичного мистецтва.

Виклад основного матеріалу дослідження. Кожен здобувач освіти окрім того, що повинен вміти швидко приймати рішення, та ще й уміти критично, креативно (творчо) мислити, а для цього потрібен творчий вчитель, котрий навчить та на власному прикладі покаже як це потрібно робити.

Більшості студентів вступивши до вищих навчальних закладів (далі ВНЗ) не має сформованих професійних якостей. Саме тому перед здобувачами вищої освіти повинні бути поставлені різноманітні задачі, які в подальшому визначають специфіку їх майбутньої діяльності. Тоді мотивація до навчання (а надалі професійний

інтерес) буде вище, що відповідно дасть розвиток творчих, креативних можливостей.

Головною метою музичної освіти є: «Формування культурної та інших компетентностей, цінностей у процесі пізнання мистецтва та художньо-творчого самовираження в особистому та суспільному житті, поваги до національної та світової мистецької спадщини.» [2, пункт 19].

Кажуть коли людина може вирішити будь-яку задачу нетривіальним, нестандартним способом, при цьому виявляти певний ступінь оригінальності, тоді кажуть що у неї креативне критичне мислення. Що ж таке креативність? Це певні творчі здібності, які можуть бути набутими, або вродженні, завдяки яким можливо характеризувати людину, готову прийняти і створити щось абсолютно нове.

Що ж таке критичне мислення?

«Критичне мислення – складне й багаторівневе явище. Мислити критично означає вільно використовувати розумові стратегії та операції високого рівня для формування обґрунтованих висновків і оцінок, прийняття рішень». Тобто якщо вчитель нового покоління вміє критично та творчо вирішувати поставлені перед ним задачі, учні, у такого вчителя, будуть мати приклад для наслідування, та стимул для росту інтелекту та творчості [3].

Взагалі навчальна програма у ВНЗ сприяє формуванню креативності, творчості, гнучкості мислення, розвитку художньо-образного мислення, логічного та критичного мислення; розвитку моральності та духовності; сприяють до любові та поваги народних звичаїв, історії рідного народу та загалом до традицій народів світу. Головну роль в даних процесах відіграють розуміння, сприймання, аналіз та пояснення мистецьких творів під час занять, що дає можливість подальшого розвитку та формуванню в образного прийняття світу, яке розпочалось ще на уроках музичного мистецтва, та розуміння себе в ньому. Людина котра має змогу розуміти задум автора (композитора, художника, архітектора) розвиває не лише вміння висловлювати думку, але й збагачує свій словесний запас, що є актуальним для майбутніх вчителів. Завдяки умінням та навичкам які студенти отримують під час занять у ВНЗ, потім у майбутньому, саме на уроках мистецтва, зуміють запалити у школярів любов до мистецтва, власними новими ідеями, і бажанням створювати щось своє вводячи власні новації, зміни, доповнення. Окрім цього приходить розуміння, майбутньої професії [4].

На заняттях з музично - теоретичних дисциплін, викладач максимально причетний до розвитку слухового аналізу, візуалізації, порівняння, а також критики творів мистецтв. Саме завдяки критичному мисленню можливі нові інтерпретації та аранжування музичних творів, можливість створення яких вивчаються на заняттях курсу музично - теоретичних дисциплін.

До вище названого курсу відносяться наступні предмети:

- Теорія музики;
- Сольфеджіо;
- Гармонія;
- Музична література;
- Фольклор;
- Аналіз музичних творів;
- Поліфонія;

Кожен предмет має безпосередньо вагомий внесок в розвиток професійного вчителя музичного мистецтва.

На кожному уроці «Теорії музики», «Сольфеджіо» студенти вивчають не лише будови акордів, інтервалів, ладів, але й отримують можливість розвитку музичного слуху, відчуття метроритму, розвитку внутрішнього гармонічного слуху. Для розвитку креативного мислення можливе використання новітніх технологій, нового виду інструменти (наприклад цифрове фортепіано, чи електроскрипку) для створення вокально-інструментальних канонів під час сольфеджування, а якщо учень, або студент не володіє високим рівнем читання нот, можливе використання інтернет ресурсів таких як NoteTrainer (програма для формування навичок читання нот... ціль якої сформувати стійку асоціацію «нота на нотному стані»). Після чого студенти повинні навчатися використовувати свої знання в подальшому викладацьку житті. Цікаво подана інформація сприяє кращому розвитку творчих здібностей учнів, студентів, а отже підтверджує інтерес до предмета [5].

«Гармонія» один із найскладніших музичних дисциплін. На заняттях перед майбутніми педагогами стоять складні задачі на вивчення не лише побудови музичного твору, але і розуміння його створення, розкладення на алгоритми, послідовності акордів, їх види, розташування, та розв'язання. Але навіть на такій «сухій» математичній дисципліні можливий креатив, адже якщо поставити перед собою запитання: «А як би я далі розвивала, чи розвивав, музичну тему, який би вийшов твір?», і далі створиться зовсім новий образ, новий твір, який вже буде власним надбанням. На уроках гармонії досить часто студенти стикаються із невідомими для них мелодичними та гармонічними ходами, секвенціями, саме розпізнавання, розуміння, а надалі і використання в практиці, сприяє виробленню конкретних умінь і навичок, які в подальшому забезпечать необхідний професійний рівень студентів.

«Музична література», «Фольклор» – найбільш масштабний предмет, який поєднує в собі вивчення музичної культури кожного народу, кожної країни. В даному циклі дисциплін поєднанні всі спектри емоцій, і де як не тут розкривати креативність, творчість. На заняттях можна розповідати про творчий політ автора, фантазувати як композитори виконували власні твори на музичних вечорах, розкривати образи із

опер, і відчувати ті ж емоції що і дійові герої опер, балету, тощо. Студенти мають змогу підготувати будь-який креативний виклад нової теми, наприклад: інсценування фрагменту опери, балету, виконання в новому стилі уривки арій, та інше. Можливість вмикати фантазію досить важлива на практичних заняттях, адже саме завдяки їй виникає співтворчість, цілісне сприйняття твору, яке базується на співпереживанні автору, та дійовим героям, самостійному творчому осмисленні, оцінці та інтерпретації образного змісту твору [6].

«Аналіз музичних творів» та «Поліфонія».

Ці предмети із циклу музично-теоретичних дисциплін досить інформаційно насичені, вивчення яких не можливе без попереднього вивчення теорії музики, гармонії. В них поєднано всі дисципліни музично-теоретичного циклу.

Адже для того щоб зробити аналіз музичного твору необхідно знати відомості про композитора (які вивчаються в предметі «Музична література»), будову акордів та їх ладову приналежність (що вивчається в курсі «Гармонія» та «Теорія музики»). Проте й тут можливе креативне мислення, яке дає нам змогу знайти щось нове, цікаве.

Студентська науково-дослідна діяльність є одним із найважливіших засобів підвищення рівня підготовки фахівців вищої школи та якості освіти, вони можуть творчо застосовувати новітні досягнення науково-технічного прогресу на практиці. Науково-дослідницька діяльність майбутніх вчителів музичного мистецтва здійснюється під час підготовки до семінарських занять, написання рефератів, доповідей, індивідуальних науково-дослідних завдань (ИД), є обов'язковою частиною навчально-виховного процесу для всіх студентів. Ця діяльність зумовлена потребами особистісного розвитку студентів, які мають більшу обізнаність, професійні знання та навички.

Використовуючи інтегровані методи на заняттях музично-теоретичних дисциплін відбувається більш об'ємніший виклад теми. Що дає можливість залучити більше уваги студентів, також, цікаве спостереження, що проведення паралелей із захопленням присутніх примножує в кілька разів захоплення до предмету, що є важливою часткою розвитку майбутніх вчителів мистецтва. Завдяки поєднанню теоретичних та практичних навичок здобутих на лекціях з музично-теоретичних дисциплін, музичної літератури, фольклору, АМТ, поліфонії студент має можливість розкрити всі свої творчі здобутки, зробити аранжування класичного твору, а якщо не має високих інструментальних навичок, то підготувати презентацію із використанням інноваційних технологій в якій ми наживо можемо побачити процес написання твору, чи картини. Вміння використовувати міжпредметні зв'язки, зацікавленість до вподобань присутніх на заняттях, вміння пояснювати матеріал «мовою учнів, або студентів», дає поштовх для креативного викладу нового матеріалу, що в подальшому

впливає на взаєморозуміння учня та вчителя, а також слугує прикладом для майбутньої роботи в школі.

1. Для розвитку креативного мислення, насамперед, необхідно створити сприятливі умови, такі як: атмосферу довіри, співпраці та творчості. Вміння креативно мислити дає можливість творчо, цікаво підготуватися до викладу теми, і це стосується викладачів ВНЗ та студентів, яких вони виховують для подальшої роботи з учнями. Завдяки розвитку асоціативно-образного мислення, виявленню та активізації фантазії, уяви студента, можливо створення ним власних образів у художньо-практичній діяльності, творів мистецтва та багато іншого. Взагалі творчість на заняттях музично-теоретичних дисциплін є головним видом роботи, адже мистецтво – це і є творчість, креативність, новизна [1].

Висновки. Отже головним завданням циклу музично-теоретичних дисциплін є: розвиток умінь сприймати художній зміст твору; інтересу до музичного мистецтва; пізнання культурної спадщини народів світу; формування творчих навичок; розвитку уяви, можливості візуалізувати; формування музичного смаку;

Формування креативного мислення студента, збагачення його свідомості, формування професійно-інтелектуальних вмінь та навичок стало головним завданням професійної підготовки вчителя музичного мистецтва. На даному етапі розвитку освіти України все більше уваги звертається на інтегровані зв'язки як можливість формування системних знань і формування креативного, творчого мислення. Цей процес можливий завдяки сприйманню, аналізу музичних творів різних форм, жанрів і епох, отримання досвіду що забезпечується вивченням таких предметів як теорія музики, сольфеджіо та гармонія, музична література, фольклор, аналіз музичних форм та поліфонія.

2. Список використаних джерел.

1. Аристова Л.С. Методика музичного навчання та виховання. / Л.С.Аристова – Миколаїв «Ліон», 2021. – 340с.

Алексюк А. М. Педагогіка вищої школи. / А. М. Алексюк - К., 1998. – 257 с.

Дутчак У.В. Естетичне виховання особистості в системі мистецької освіти: сучасні наукові підходи. / У.В. Дутчак // Наукові записки: Серія: Психолого-педагогічні науки. – Ніжин: Видавництво НДУ ім. М. Гоголя, 2007. - №2 – С.156-159.

Скляр О.О Музично-теоретичні дисципліни у розвитку професійного інтересу майбутнього вчителя музики. / О.О Скляр. // Збірник наукових праць Науковий вісник Мелітопольського державного педагогічного університету імені Богдана Хмельницького. Серія: Педагогіка. — 2012. — № 9. — С. 157-162.

Твердохліб Н.В. Дисертація. Розвиток креативності майбутніх учителів музичного

місцтва в педагогічних коледжах./ Н.В. Твердохліб / Вінниця – 2018. – 206 с.

Юрчак В.В. Актуальні питання музично-теоретичної підготовки майбутнього вчителя

музики: Методичні рекомендації для викладачів мистецьких факультетів педагогічних університетів. / В.В. Юрчак //– Кіровоград: КДПУ імені Володимира Винниченка, 2006. - 102 с.

Burlyayeva V.A.

State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute", Professor, Vice-Rector for Academic and Scientific Work, Doctor of Sociological Sciences, Nevinnomyssk

Solovieva N.V.

State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute", Associate Professor, Nevinnomyssk

Chebanov K.A.

State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute", Associate Professor, Nevinnomyssk

METHODS FOR RESOLVING CONFLICTS IN AN EDUCATIONAL ORGANIZATION AND THE ROLE OF A LEADER IN CONFLICT MANAGEMENT

Бурляева В.А.

Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт», профессор, проректор по учебной и научной работе, доктор социологических наук, г. Невинномысск

Соловьева Н.В.

Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт», доцент, г. Невинномысск

Чебанов К.А.

Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт», доцент, г. Невинномысск

СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ В УПРАВЛЕНИИ КОНФЛИКТАМИ

[DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.4.74.145](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2021.4.74.145)

Resume. The article presents the structural methods of resolving conflict situations, methods of managing an acute conflict situation, tactical styles of behavior of the parties involved in the conflict; the analysis of situations in which the head of an educational organization is a direct participant in the conflict is presented, his ability to influence the development of conflict confrontation, to manage the resolution of disagreements remain preferable; Tips have been prepared that can help reduce the stress of educational workers.

Аннотация. В статье представлены структурные способы разрешения конфликтных ситуаций, способы управления остроконфликтной обстановкой, тактические стили поведения сторон, участвующих в конфликте; представлен анализ ситуаций, в которых руководитель образовательной организации оказывается непосредственным участником конфликта, его способности воздействовать на развитие конфликтного противоборства, управлять разрешением разногласий остаются предпочтительными; были подготовлены советы, которые могут помочь уменьшить стресс работников образовательных организаций.

Keywords: *conflict, subject of the conflict, management, leader, technologies, techniques, method, interpersonal relations.*

Ключевые слова: *конфликт, субъект конфликта, управление, руководитель, технологии, приемы, способ, межличностные отношения.*

Технологии разрешения организационных конфликтов во многом характеризуют ход его развертывания и результаты. В силу этого они считаются одним из основных объектов конфликтного управления, которое исполняется с помощью специализированных способов.

Структурные методы разрешения конфликта в образовательной организации ориентированы главным образом на его предотвращение и предполагают комплекс мероприятий в основном организационного и консультативного характера. Разговор может идти о совершенствовании условий

работы, верном распределении ресурсов, вознаграждении, изменении структуры образовательной организации, концепции управления ею, обеспечении жесткого соблюдения правил внутренней жизни, традиций, стереотипов действия, должностной этики.

В общем виде структурные способы разрешения конфликта содержат четыре главных варианта:

- пояснение условий работы,
- применение координационных и интеграционных элементов,
- формирование общеорганизационных комплексных целей,
- применение концепции вознаграждений (2).

Одним из наилучших тактических способов управления, предотвращающих отрицательные результаты конфликтных обстановок, является своевременное разъяснение того, какие итоги ожидаются от каждого работника и подразделения в рамках делегированных возможностей и ответственности, четко сформулированной политики и конкретных правил поведения в образовательной организации.

Еще один способ управления остроконфликтной обстановкой - это использование координационных и интеграционных механизмов. Первый, являясь одним из наиболее распространенных, предполагает собой поочередное использование цепи команд, которая упорядочивает связь людей в рамках определенной иерархии полномочий. Например, два или более сотрудника имеют разногласия по конкретному вопросу, конфликта можно избежать, обратившись к их общему руководителю с просьбой принять нужные в сформировавшейся ситуации решение (2).

С целью осуществления интеграции как механизма управления конфликтом и, что главное - предотвращение его появления, можно применять создание специализированных служб, целевых групп и др. с целью осуществления взаимосвязи между функциями в рамках управленческой структуры.

Результативным тактическим способом преодоления конфликтной ситуации является формирование общеорганизационных комплексных целей. Эффективная реализация этих целей требует общих усилий отдельных педагогов, групп, подразделений и т.д. Немаловажно, чтобы каждый из участников четко осознавал свою значимость и роль в общем процессе.

Логическим продолжением шагов, предпринятых в представленных выше методах управления конфликтом, выступает способ вознаграждения, который можно применять с целью оказания, прежде всего позитивного воздействия на поведение людей в том случае, если руководитель видит, что отдельные работники продуктивно помогают в достижении общеорганизационных целей и стремятся подойти к решению трудностей комплексно.

Практика показывает, что регулярное применение скоординированной концепции поощрения тех, кто результативно включается в общую плодотворную работу, помогает людям быстрее, нежели наказание, осознать ключевые принципы поведения в коллективе в конфликтных ситуациях(1).

Политика межличностных взаимоотношений является способом управления конфликтной обстановкой. В данном случае применяемые тактические способы ориентированы на то, чтобы заставить или уверить конфликтующие стороны прекратить агрессивные действия и, начав переговоры между собой, отыскать приемлемое разрешение проблемы.

Реализуя эту стратегию, руководитель сначала уверяет работников в том, что конфликт препятствует достижению в работе нужных целей. Далее он устанавливает причины появления конфликта, его пределы и вместе с участниками пытается отыскать пути выхода из него. Если стороны не хотят руководствоваться убеждениями и рациональным аргументам, то к ним требуется применять управленческие способы влияния.

В рассматриваемой стратегии также имеется несколько тактических способов разрешения конфликта. Они лежат в плоскости межличностных взаимоотношений и могут быть представлены пятью главными стилями: уклонение, смягчение, принуждение, компромисс, разрешение проблемы.

Определенное применение того или иного стиля зависит от характера поведения участников конфликта.

Можно выделить несколько тактических стилей поведения участников конфликта. Например, когда обе стороны недостаточно заинтересованы в решении конфликта (это случается, если они имеют близкий ранг, или конфликт недостаточно развился), но стараются сберечь между собой видимость хороших взаимоотношений, они могут применять стратегию уклонения или ухода от конфликта. Если конфликт имеет индивидуальные причины, этот подход благоприятен, так как предоставляет им возможность успокоиться, осознать обстановку и прийти к заключению, что для противостояния нет причин и его развитие бессмысленно (3).

Если же конфликт объективен, то стратегия ухода от конфликта приводит к проигрышу, как его участников, так и организации в целом, поскольку затягивается время, а предпосылки, спровоцировавшие конфликт, не только сохраняются, но и имеют все шансы усугубиться.

Если одна из сторон в предмете конфликта не заинтересована, а ранг ее оказывается наиболее высоким, то она может придерживаться стратегии адаптации или сглаживания, предоставив другой стороне приобрести то, что для нее важнее, а самой, оставаясь без выигрыша, по крайней мере не проиграть. Данный стиль также ослабляет напряженность страстей и предоставляет возможность лишней раз осмыслить обстановку и

сберечь на перспективу хорошие взаимоотношения.

В случае, когда более высоким оказался ранг у заинтересованного оппонента, у него появляется соблазн применять тактический метод принуждения либо решения конфликта силой в свою пользу, в следствии чего другой, более слабый оппонент оказывается в проигрыше. Использование подобного стиля зачастую сопровождается запрещенными силовыми приемами, запугиванием, шантажом и т.п. Поскольку, как правило, проигравшая сторона с поражением не смиряется, конфликт в любой момент способен вспыхнуть с новой силой и неизвестно чем впоследствии завершится.

Если ранг оппонентов схож, и они в одинаковой степени заинтересованы в преодолении конфликта, то могут использовать стратегию примирения через поиск компромисса, т.е. договора, в рамках которого выгоды и утраты делятся приблизительно поровну. Поскольку при этом обе стороны оказываются не в проигрыше, такой стиль широко применяется на практике, однако рационального решения при этом принять, как правило, не получается, так как сам вопрос остается нерешенным.

Иногда на компромисс идут и оппоненты, прибывающие в разных рангах, но заинтересованные в решении одной задачи, так как это помогает сохранить время и силы. Компромисс дает возможность, таким образом, сберечь взаимоотношения и что-то приобрести, вместо того чтобы всего лишиться.

Совершенной считается стратегия окончательного разрешения конфликта. Суть её заключается в поиске и устранении факторов появления конфликта в рамках добровольного партнерства сторон. Данная стратегия выгодна всем. Во-первых, она превращает оппонентов в партнеров, а, следовательно, улучшает обстановку в организации. Во-вторых, проблема не «загоняется внутрь», а перестает действовать. В-третьих, приобретаемые сторонами выгоды, даже если они и распределяются неравномерно, все равно превосходят те, которые могут быть получены при любой другой стратегии. В основе данной стратегии лежит отношение к конфликту как к нормальному явлению, которое следует преодолеть и изжить.

Отдельные типы конфликтов, например, склоки или интриги, требуют к себе повышенного интереса, а для их разрешения могут быть применены иные, более характерные способы. Склоки и сплетни рушат коллектив изнутри, порождая сомнение членов коллектива друг к другу, подогревая возмущение и разочарование руководителями, поощряя раскольнические группировки и перебежчиков. Когда разделение доходит до определенного уровня, внедряется новый лидер, способный остановить конфликты и подчинить конкурирующие стороны официальному руководству.

Организаторов интриги необходимо вызвать на откровенный разговор, дав понять, что могут быть приглашены все втянутые в нее лица. Не стоит сразу винить человека, а необходимо попробовать понять, что им руководит. Выяснив трудности и поняв реальный ресурс их появления, можно попробовать применить один из представленных выше тактических способов разрешения конфликта. Лицам, занимающимся интригами и не стремящимся принять во внимание разумные аргументы, можно пригрозить публичным разоблачением.

При этом главная задача руководителя – стимулирование «самопомощи». Нельзя брать на себя проблемы работников и возвращать им готовые решения, иначе они потеряют способности самостоятельно справляться с проблемами совместной деятельности и утратят уверенность в себе. Считается, что конструктивное решение конфликтов зависит, как минимум, от четырех факторов:

1) адекватность восприятия конфликта, т.е. точности в оценке действий, намерений, позиций и поступков как собственных, так и оппонентов. Угроза состоит в проблеме изначально исключить отрицательной установки в отношении противной стороны и в возможности развития предвзятости в оценке другого;

2) доступность и эффективность общения. Известно, что открытое выражение взглядов и эмоций закладывает базу для построения в дальнейшем доверительных отношений между оппонентами и приводит к наиболее значительной результативности переговоров;

3) формирование атмосферы обоюдного доверия и партнерства, потому что только доверительные отношения способствуют разрешению конфликтной ситуации. Это связано с тем, что в основе любого конфликта лежит трудная ситуация, решение которой допустимо лишь на основе обоюдного доверия сторон;

4) установление существа конфликта, т.е. прежде чем выбрать конкретную стратегию и тактику управления конфликтной обстановкой, руководитель должен рассмотреть фактические предпосылки появления конфликта. Для этого следует установить, какие интересы людей и каким образом затронуты в конфликте; определить, что считается реальной причиной конфликта, а что представляет основание для его появления; выяснить и рассмотреть предшествующие взаимоотношения участников конфликта.

Как субъект конфликта руководитель образовательной организации выступает в роли одного из оппонентов, отстаивающего собственную точку зрения, интересы и занимаемую позицию во взаимоотношениях с подчиненными.

Чаще всего непосредственным участником конфликтного противоборства руководитель образовательной организации становится в тех ситуациях, когда не соблюдает служебную этику, отходит от норм трудового законодательства или

допускает несправедливую оценку деятельности и поведения подчиненных.

К нарушениям должностной этики относится такое поведение, как дерзость, высокомерие и пренебрежение; неисполнение обещаний и обман; злоупотребление своим положением, сокрытие невыгодной для себя информации, нетерпимость к мнению других. Эти особенности, как правило, присущи людям с деформированной волей, не обладающими навыками культуры общения, склонным к унижению подчиненных.

Такие люди вполне сознательно «забывают», а порой действительно не ведают, что обман и ложь, чванство и спесь - изьяны, унижающие человеческое достоинство, продукт скверного характера и беспомощного ума, выражение безудержного самомнения и максимального нарциссизма.

Руководитель, ослепленный чувствами, высокой раздражительностью, не считается с тем, что, например, ненормативная лексика не считается сильными доводом, а злоба - своего рода слабость. Резкие выражения, злословие и насмешки, скрытые истины, напыщенность в первую очередь противопоставлены начальнику. Они портят его взаимодействие с подчиненными и партнерами, лишают его расположения к себе, порождают неприязнь и агрессивность и, в конечном счете, препятствуют нахождению «общего языка» с оппонентами - язык, ведущий к взаимопониманию и совместной работе (4).

Необходимо, чтобы руководитель соблюдал общепризнанные нормы культуры общения. Он обязан сдерживать свой темперамент, показывать выдержанность и достоинство.

Современно мыслящий руководитель образовательной организации, обладающий четким пониманием о моральных нормах, знает Всеобщую декларацию прав человека, в которой, в частности, провозглашено, что каждый человек имеет право:

- на труд, свободный выбор деятельности, справедливые и благоприятные условия труда и защиту от безработицы;
- без какой-либо дискриминации на равную оплату за равный труд;
- на справедливое и удовлетворительное поощрение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи (5).

Именно руководителю образовательной организации в первую очередь следует придерживаться принципа, что все люди равны перед законом, который считается одним из краеугольных камней социального единства, общественного прогресса.

Даже будучи субъектом конфликта, руководитель образовательной организации должен подавать пример уважительного отношения к законам, стремления к партнерскому взаимодействию.

Необъективность руководителя, порождающая конфликт, может являться результатом как заниженной, так и завышенной

оценки деятельности и поведения подчиненных. Из числа типичных погрешностей завышения оценок называют дружеское расположение на основе неофициального общения, стремление прослыть добрым и великодушным, личное предпочтение и т.п. Занижение оценок оказывается допустимым в результате намеренного стремления к наказанию, личной антипатии или «шлейфа» плохой репутации, неумелости работника выразительно показать проделанную работу и др.

Руководитель образовательной организации согласно своему статусу и ролевому положению не может отходить в сторону от реальных трудностей, ждущих решения, вызывающих к тому же острые дискуссии, противоречия и расхождения. Он должен всячески помогать, активно способствовать правильному сопоставлению несхожих представлений, противоборству суждений, выяснению несовпадающих интересов и целей, стараться придать им функциональную, плодотворную, созидательную нацеленность (8).

Естественно предположить, что в моменты, когда руководитель образовательной организации выступает не одной из конфликтующих сторон, а в качестве посредника или арбитра, его значимость должна выражаться по-иному, различаться рядом особенностей. При изменившихся условиях иные формы приобретают задачи и функции управляющего (7).

В связи с этим нужно напомнить, что руководство персоналом, как и руководство в целом, есть совокупность средств и способов, обеспечивающих слаженный труд определенного количества людей. Оно предполагает совокупность мер, предусматривающих взаимосвязанное воздействие психофизических, технических, финансовых, социальных, правовых и морально-этических условий. Такой комплекс безусловно включает улаживание конфликтов.

Руководство конфликтами, как и руководство персоналом в целом, должно считаться со сложностью и многоаспектностью трудовых взаимоотношений по всем линиям - между работодателем и сотрудниками; между администрацией организации и профсоюзным комитетом, рекомендацией рабочего коллектива; между руководителем и подчиненными; между отдельными сотрудниками или группами-смежниками, исполняющими взаимосвязанные трудовые операции.

Рабочие отношения формируются под воздействием условий социальной среды и функционального взаимодействия, зависят от правовых норм и трудовых традиций, служат базой конструктивного разрешения конфликтов, образующихся в процессе трудовой деятельности.

Руководитель образовательной организации должен быть выразителем лояльности (корректности, благожелательности) в отношении к сотрудникам.

Очевидно, стремление руководителя видеть подчиненных исполнительными, по-настоящему

преданными общему делу, это не должно препятствовать тому, чтобы работники были активными оппонентами своему начальнику.

Главное для руководителя - воодушевлять сотрудников, гарантировать их согласованное взаимодействие, защитить от незаслуженных обид, порождающих разлад, отвести от эгоизма и болезненной конкурентной борьбы, избежать увеличения дисфункционального конфликта. Если руководитель образовательной организации выступает одной из противостоящих сторон, он должен стараться находить точки соприкосновения межличностных интересов, сближения внутригрупповых и межгрупповых позиций (9).

Вместе с тем руководителю в ту же меру порученных ему обязанностей необходимо «ориентироваться на человека», уделять максимум внимания настрою людей и удовлетворению их разнообразных нужд. Ему важно понимать своих подчиненных и партнеров, знать об их интересах и предпочтениях, быть по возможности осведомленным о семейных обстоятельствах и жизненных трудностях, а также о других особенностях, с тем чтобы наиболее осознанно сохранять у людей, связанных единым делом, трудовой энтузиазм, вселять в них уверенность в успехе, не дать им переключаться на несущественные, второстепенные мелочи, лишь заслоняющие основное.

Необходимо отталкиваться от того, что сотрудники образовательной организации - это объединение личностей, взаимодействующих индивидуальностей, необходимо принимать каждого человека таким, каков он есть в данный период - со всем хорошим и плохим в нем.

Посредничество руководителя образовательной организации по размеру управленческой деятельности, затрачиваемой на улаживание конфликтов среди персонала, безусловно, зависит от масштабов и технической оснащенности компании, интеллектуального и квалификационного потенциала сотрудников, морально-психологического климата в коллективе, состояния социальной инфраструктуры, региона и самой организации. Все это в обычных обстоятельствах пронизано сложным переплетением социально-трудовых отношений, которые на поверку могут быть разнотипными - конструктивными или деструктивными, стимулирующими организованность и совместную работу или, наоборот, вносящими разрозненность и снижающими результативность коллективной деятельности (10).

Очень важно объективно судить о сотрудниках, быть разумно осмотрительным в применении имеющихся в распоряжении руководителя как материальных, так и моральных средств одобрения и наказания.

Таким образом, при появлении ситуаций, в которых руководитель образовательной организации оказывается непосредственным участником конфликта, его способности

воздействовать на развитие конфликтного противоборства, управлять разрешением разногласий остаются предпочтительными.

В нынешнем деловом обществе нельзя пересмотреть важность умения управляться со стрессовыми ситуациями. Далее нами были подготовлены некоторые советы, которые могут помочь уменьшить стресс работников образовательных организаций:

- необходимо находить время для развлечений даже если Вы никогда не развлекались, так как большую часть собственной жизни человек проводит на работе;

- научитесь расслабляться, так как успокоение считается главной частью любой программы по управлению стрессом, ведь когда Вы отдыхаете, то даете своему мозгу возможность расслабиться, а как результат, у Вас появляется хорошая возможность зарядить свои «батареи», пока они еще не разрядились полностью;

- научитесь говорить - «НЕТ!», постоянно помните, что древняя мудрость гласит: «Можно быть хорошим для нескольких человек некоторое время, но нельзя быть хорошим для всех постоянно»;

- следите за собственным самочувствием и «впустите» в свою жизнь спорт, так как постоянные и активные физические упражнения считаются одним из наилучших шагов к благополучию, а спорт не только укрепит ваш дух и тело, но кроме того избавит вас от большого числа расстройств;

- модернизируйте собственную деятельность и не делайте свою работу сложнее, чем она может быть;

- ищите во всем позитивные стороны и будьте оптимистом и со временем вы будете крайне удивлены, в какой степени улучшится ваш подход к работе, коллегам и к самому себе;

- научитесь распоряжаться своим рабочим графиком, чтобы он не стал распоряжаться вами;

- перестаньте бороться с изменениями и не бойтесь идти на уступки, вместо того чтобы пытаться плыть против течения, научитесь уступать неизбежным изменениям и даже жить с ними;

- не стоит относиться к переменам как к собственной проблеме, так как эти перемены касаются не только Вас;

- корректируйте свои убеждения, так как в некоторых случаях бывает весьма легко потерять понимание о настоящем положении дел;

- перестаньте ощущать себя жертвой изменений и, вместо этого, будьте их самым большим поклонником.

- контролируйте свою ярость, так как злость по поводу тех вещей, которые Вы не можете поменять обессиливают Вас и абстрагируют от проблем, с которыми Вы в силах совладать;

- не стоит волноваться по пустякам, а в случае если Вам не терпится понервничать, то хотя бы поберегите Ваше беспокойство для чего-то действительно значимого.

Таким образом, конфликт и стресс может помочь отдельному рабочему коллективу и образовательной организации в целом быть в русле случающихся событий, он дает возможность установить, что необходимо для формирования и улучшения всех областей. Способность управлять конфликтом и стрессом может быть решающим для выживания коллектива в целом.

Конфликт и стресс также ставят сотрудников перед необходимостью регулярно контактировать друг с другом и знать друг о друге немного больше. Члены коллектива начинают правильнее понимать своих коллег, становятся наиболее восприимчивыми к проблемам других людей. Люди учатся оценивать потребность понимания норм и желаний другого и невозможность быть независимым от общества, живя в нем.

Таким образом, работающие в образовательной организации люди различны между собой, а, следовательно, и по-разному воспринимают обстановку, в которой они находятся. Отличие в восприятии зачастую приводит к тому, что люди не соглашаются друг с другом и это несогласие появляется тогда, когда обстановка действительно несет конфликтный характер.

Конфликт определяется тем, что осознанное поведение одной из сторон (человек, группа или организация в целом) вступает в разногласие с интересами другой стороны. То есть конфликт - это отсутствие согласия между двумя или более сторонами.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

Конфликт - это противоречие, но не всякое противоречие становится конфликтом. Для появления конфликта нужно несколько дополнительных условий, и прежде всего, разногласие должно осознаваться человеком, при этом восприниматься как важная для него проблема, требующая решения. Именно эта важнейшая отличительная черта конфликтов порождает сопутствующие им чувственные переживания.

Управление спорами и конфликтами в организациях - это направленное влияние по уничтожению (минимизации) факторов, породивших конфликт, или на коррекцию поведения участников конфликта.

Существует ряд результативных технологий управления конфликтной обстановкой, каждая из которых подразумевает ряд тактических методов. Ученые выделяют три основных технологии управления конфликтами: нормативная, или морально-правовая, реалистическая, идеалистическая (интегративная).

К способам разрешения, предотвращения и управления трудовыми конфликтами относятся: индивидуальные, т.е. способы влияния на отдельную личность; структурные, т.е. способы по уничтожению организационных трудовых споров; межличностные способы или манеры поведения в рамках спора или конфликта; переговоры; встречные агрессивные действия, эту категорию способов используют в крайних случаях, когда исчерпаны возможности всех предыдущих групп.

Кроме переговорных и структурных способов урегулирования трудовых споров можно отметить и административно-правовой способ. Этот способ характерен для трудовых споров между сотрудником и руководителем, которые могут быть решены при помощи нормативных актов.

Подводя итог вышесказанному можно сделать заключения, что главное состоит в том, что необходимо обрести способность с пользой применять любой из способов, обдуманно делать тот или иной выбор, отталкиваясь от конкретной конфликтной ситуации.

Список использованных источников

1. Алавердов А.Р. Управление персоналом: Учебное пособие. М.: МФПУ Синергия, 2013. - 192 с.
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. Москва, 2013. - 512 с.
3. Балашов А.П. Основы менеджмента: учебное пособие. М.: Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2012. - 288 с.
4. Бурляева В.А., Олешкевич Т.А., Соловьева Н.В., Чебанов К.А. Проблемы решения конфликтов через формирование общекультурных компетенций. Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 4 (84). С. 14-20.
5. Бухалков М.И. Управление персоналом: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2012. - 400 с.
6. Егидес А.П. Психология конфликта: учебное пособие. М.: МФПУ Синергия, 2013. - 320 с.
7. Зеленков М.Ю. Конфликтология: учебник. - М, 2012. - 324 с.;
8. Мелихов Ю.Е. Управление персоналом: портфель надежных технологий: учеб.-практ. Пособие. Изд.-торг. корпорация «Дашков и К». - 2-е изд. - М.: Дашков и К, 2010. - 342 с.
9. Цветков В.Л. Психология конфликта. От теории к практике: учебное пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. - 183 с.
10. Анохин С.В. Современный менеджмент: стратегия на инновации // Эксперт. - 2014. - №6. - С. 44-45.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.9.07
ГРНТИ 15.81.61

Menzul E. V.

*PhD in Psychology, Associate Professor,
Head of the Department of Pedagogy, Psychology and Psycholinguistics
Samara State Medical University*

Vasilevskaya E. A.

*PhD in Psychology, Senior Lecturer of the Department of Pedagogy,
Psychology and Psycholinguistics
Samara State Medical University*

Ivanova S. V.

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Pedagogy,
Psychology and Psycholinguistics
Samara State Medical University*

ANTICIPATORY COMPETENCE IN THE STRUCTURE OF COPING BEHAVIOR IN RESIDENT DOCTORS

Мензул Елена Владимировна

*кандидат психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой педагогики, психологии и психолингвистики
Самарский государственный медицинский университет*

Василевская Елена Александровна

*кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры педагогики, психологии и психолингвистики
Самарский государственный медицинский университет*

Иванова Светлана Владимировна

*кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры педагогики, психологии и психолингвистики
Самарский государственный медицинский университет*

АНТИЦИПАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В СТРУКТУРЕ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ВРАЧЕЙ-ОРДИНАТОРОВ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.4.74.152

Summary. The work is devoted to the study of the problem of anticipation as a psychological mechanism in the process of forming prognostic competence among resident doctors. Theoretical approaches and concepts to the problem of intuitive behavior – anticipation are considered in domestic and foreign psychology. The diversity of views on the study of the problem of anticipation and its multidimensional and multidimensional nature are substantiated; the structure of anticipation consistency among resident doctors is empirically studied; spatial, temporal and personal-situational components of the development of the ability to predict in resident doctors and coping behavior strategies are identified; the interrelationships between anticipation consistency and preferred coping strategies by resident doctors are established.

Аннотация. Работа посвящена исследованию проблемы антиципации как психологического механизма в процессе формирования прогностической компетентности у врачей-ординаторов. Рассмотрены в отечественной и зарубежной психологии теоретические подходы и концепции к проблеме интуитивного поведения – антиципации. Обосновано многообразие взглядов к изучению проблемы антиципации и ее многоаспектность, и многомерность. Эмпирическим путем изучена структура антиципационной состоятельности у врачей-ординаторов; выявлены пространственный, временной и личностно-ситуативный компоненты развития способности к прогнозированию у врачей-ординаторов и стратегии копинг-поведения; установлены взаимосвязи между антиципационной состоятельностью и предпочитаемыми врачами-ординаторами копинг-стратегиями.

Key words: anticipation, coping strategies, resident doctors, anticipatory coping

Ключевые слова: антиципация, копинг-стратегии, врачи-ординаторы, антиципаторный копинг.

Постановка проблемы.

В отечественной и зарубежной психологии возрастает исследовательский интерес к проблеме интуитивного поведения – антиципации. Изучение проблемы антиципации в контексте способности

человека прогнозировать, предвидеть и предвосхищать результаты своей профессиональной деятельности попадает в поле научных интересов А.В. Брушлинского, Б.Ф.

Ломова, В.Д. Менделевича, Н.П. Ничипоренко, Л.А. Регуш, И.М. Фейгенберга и др.

И.М. Фейгенбергу принадлежит концепция вероятностного прогнозирования. Идея концепции заключается в обосновании возможности человека сделать предположение относительно вероятных результатов своей деятельности [1].

В. Вундт раскрывает содержание антиципации путем способности человека предвосхищать результаты определенного действия задолго до того, как это действие будет произведено [2, С. 54-55].

К. Халл оформляет антиципирующие схемы поведения личности в практической деятельности, устанавливает взаимосвязь антиципации с умственной деятельностью и основную роль отводит ожиданию [3, С.115-117].

Б.Ф. Ломов и Е.Н. Сурков также говорят о процессе ожидания будущих событий в аспекте временно-пространственного упреждения [4, С. 174-177].

В.Д. Менделевич акцентирует внимание на прогностической компетентности, позволяющей предвосхищать ход событий, с высокой степенью вероятности прогнозировать развитие ситуаций. В данном представлении уровень антиципационных способностей занимает важное место в системе личности, регулируя деятельность человека [5, С. 50-59].

В настоящий период выделяют два основных подхода к изучению антиципации:

1. Как способность человека не только предположить возможный исход событий до момента его наступления, но и возможность представить способ разрешения проблемной ситуации задолго до ее настоящего завершения.

2. Как возможность подготовиться к реакции на какую-либо ситуацию до её наступления.

Анализ последних исследований и публикаций.

Основным объектом современных психологических исследований многих авторов является взаимосвязь антиципации, интуиции и мышления.

В медицинской психологии довольно часто встречаются понятия «антиципационные способности» и «антиципационная состоятельность». Причем антиципационная состоятельность характеризует определенные уровни развития антиципационных способностей в системе личности.

В.Д. Менделевич сформулировал антиципационную концепцию неврозогенеза, которая связана с антиципационными способностями [5].

В некоторых исследованиях антиципационная состоятельность раскрывается в структуре совладающего поведения – копинг-стратегии. Также здесь рассматривают психологические защитные механизмы [6].

Ученые представляют диапазон способности к антиципации, проводя эту способность через

целостный процесс взаимодействия человека с окружающей средой [6].

Наряду со способностями к антиципации в исследованиях обосновывается и противоположная характеристика – антиципационная несостоятельность, представляющая собой не в полной мере сформированную способность личности предвосхищать ход событий и собственное поведение в различных жизненных фрустрирующих ситуациях.

Исследования Л. А. Регуш выделяют в структуре прогностических способностей конкретное качество мыслительных процессов – аналитичность [7].

В исследованиях Р.Р. Абитова раскрывается взаимосвязь антиципационной состоятельности с психологическими защитами и копинг-стратегиями личности в условиях нормы, а также психосоматических и невротических расстройств как средств психологической компенсации в единстве их функционирования [8].

Многообразие взглядов к изучению проблемы антиципации раскрывает ее многоаспектность и многомерность. Следует отметить, что лишь немногие публикации посвящены проблеме использования врачами антиципации при принятии медицинских решений.

Цель исследования: изучение антиципаторного копинга у врачей-ординаторов.

Методики: тест антиципационной состоятельности В.Д. Менделевича; «Стратегии копинг-поведения» К. Карвера; «Копинг-поведение» Э. Хайма; коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Задачи исследования:

1) изучение структуры антиципационной состоятельности у врачей-ординаторов;

2) изучение стратегий копинг-поведения у врачей-ординаторов;

3) установление взаимосвязи между изучаемыми свойствами (коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

В исследовании приняли участие 40 ординаторов 6 курса СамГМУ.

Изложение основного материала.

В данном исследовании мы изучали *антиципаторный копинг* у врачей-ординаторов.

Изучение антиципационной состоятельности позволило нам определить пространственный, временной и личностно-ситуативный компоненты развития способности к прогнозированию.

У 76% испытуемых выявлены выраженные личностно-ситуативные антиципационные способности – способности предвосхищения в процессе межличностного взаимодействия. Пространственный компонент антиципационной состоятельности выражен у 50 % испытуемых, которые продемонстрировали способность предвосхищать движения предметов в пространстве, координировать движения и проявлять моторную ловкость; временной – у 66 %

испытуемых, для них характерно умение распределять своё время.

Изучение копинг-механизмов Э. Хайма позволило выявить следующие показатели (Рисунок 1).

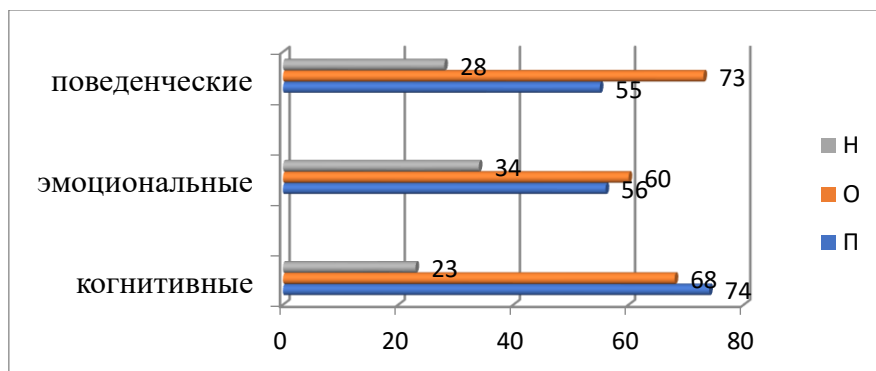

Рисунок 1. Показатели использования копинг- механизмов ординаторами

Установленная взаимосвязь предпочтений врачей-ординаторов с различными антиципационными способностями с использованием копинг-стратегий раскрывает следующие особенности.

У врачей-ординаторов с выраженными личностно-ситуативными антиципационными способностями обнаружена взаимосвязь с такими копинг-стратегиями, как «проблемный анализ» ($r = 0,36$), «придача смысла» ($r = 0,33$), «установка собственной ценности» ($r = 0,34$), «оптимизм» ($r = 0,37$), «сотрудничество» ($r = 0,38$), «конструктивная активность» ($r = 0,36$).

У врачей-ординаторов с выраженным пространственным компонентом антиципационной состоятельности установлена тесная взаимосвязь с такими копинг-стратегиями, как: «игнорирование» ($r = 0,33$), «установка собственной ценности» ($r = 0,36$), «пассивная кооперация» ($r = 0,35$), «обращение» ($r = 0,34$), «отвлечение» ($r = 0,36$).

У врачей-ординаторов с выраженным временным компонентом антиципационной состоятельности установлена взаимосвязь с копинг-стратегиями: «проблемный анализ» ($r = 0,33$), «относительность» ($r = 0,36$), «оптимизм» ($r = 0,34$), «отвлечение» ($r = 0,38$), «сотрудничество» ($r = 0,36$).

Для изучения стратегий копинг-поведения у врачей-ординаторов мы использовали методику «Стратегии копинг-поведения» К. Карвера. К. Карвер выделяет следующие активно-адаптивные копинг-стратегии: «активный копинг»; «планирование»; «поиск активной общественной поддержки»; «положительное истолкование и рост»; «принятие»; пассивно-адаптивные копинг-стратегии («поиск эмоциональной общественной поддержки»; «подавление конкурирующей деятельности»; «сдерживание»); неадаптивные копинг-стратегии («фокус на эмоциях и их выражение»; «отрицание»; «ментальное отстранение»; «поведенческое отстранение»).

Полученные результаты позволили выявить доминирующие, пассивные и активные адаптивные и неадаптивные копинг-стратегии. Среди

доминирующих копинг-стратегий преобладают активные адаптивные, такие как «положительное истолкование и рост», «планирование», «поиск активной общественной поддержки», «активный копинг». Одновременно врачи-ординаторы используют и пассивные стратегии – «сдерживание», «поиск эмоциональной общественной поддержки» и «подавление конкурирующей деятельности», а также неадаптивные копинг-стратегии – «ментальное отстранение» и «фокус на эмоциях и их выражении».

Стратегиями копинга являются: стратегии активного копинга - 58% врачей-ординаторов; планирования - 84% врачей-ординаторов; поиска активной общественной поддержки - 100% врачей-ординаторов; принятия – 76% врачей-ординаторов; положительного истолкования и личностного роста – 100% врачей-ординаторов.

Неоптимальными стратегиями признаны стратегии обращения к религии (10%), сдерживания попыток активного копинга (25%), отрицания (44%), фокуса на эмоциях и их выражении (20%), ментального и поведенческого отстранения (20% и 20% соответственно), стратегия юмора (57%).

Субъективная оценка врачами-ординаторами оптимальности стратегий копинга показала следующее: планирование (80%), поиск активной общественной поддержки (64%), положительное истолкование и личностный рост (70%), принятие (50%).

Подавление конкурирующей деятельности (32%), обращение к религии (13%), отрицание (23%), поведенческое отстранение (21%), использование алкоголя и наркотических веществ (0%) оцениваются как стратегии преодоления низкой степени оптимальности.

Полученные результаты отражают содержание антиципаторного копинга: копинг, нацеленный на оценку; копинг, нацеленный на проблему; копинг, нацеленный на эмоции. Антиципаторный копинг входит в структуру антиципационной компетентности врачей, что позволяет им

предвидеть ответ на предполагаемое стрессовое событие и помогает сформировать психологическое равновесие.

Выводы и перспективы.

Выявленные взаимосвязи между антиципационной состоятельностью и предпочитаемыми врачами-ординаторами копинг-стратегиями отражают содержание антиципаторного копинга: копинг, нацеленный на оценку; копинг, нацеленный на проблему; копинг, нацеленный на эмоции. Антиципационный копинг выступает как механизм целеполагания, планирования и контроля действий.

Перспектива дальнейших исследований направлена на изучение динамики совладающего поведения в результате применения специальных психокоррекционных методик, направленных на развитие антиципационной состоятельности и адаптивных копинг-стратегий у врачей - ординаторов.

Список литературы

1. Умеренкова А.В. Вероятностное прогнозирование и эффект обманутого ожидания / Умеренкова А.В. // Теория языка и межкультурная коммуникация – 2009. – № 1 (5). – С. 81-85
2. Пантелеева Г. В. Определение термина антиципация в отечественной психологии/ Пантелеева Г. В. // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2019. – № 8 (174). – С. 282-288
3. Скрипник Т.В. Антиципирующие схемы поведения личности в практической деятельности

УДК 159.9
ГРНТИ.15.81.57

психологов/ Скрипник Т.В. // Омский научный вестник. – 2009. – № 1 (75). – С.115-117

4. Нигматуллина М.М. Подходы к изучению понятия антиципация и прогнозирование / Нигматуллина М.М. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 11-1 (50). – С. 174-177

5. Ничипоренко Н.П., Менделевич В.Д. Феномен антиципационных способностей как предмет психологического исследования / Ничипоренко Н.П., Менделевич В.Д. // Психологический журнал. – 2014. – Том: 27. – № 5. – С. 50-59

6. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы исследований / Рассказова Е.И., Гордеева Т.О. // Психологические исследования. – 2011. – 2014. № 3 (17). – С. 4

7. Зеер ЭФ., Степанова Л.Н. Психологические особенности взаимосвязи прогностических способностей и саморегуляции поведения студентов / Зеер ЭФ., Степанова Л.Н. // Педагогическое образование России. – РГПУ. – 2017. – № 2. – С. 46-52

8. Граница А. С. Взаимосвязь антиципационной состоятельности и интуитивности при невротических расстройствах (клинико-психологические аспекты) дисс. ...к.наук 19.00.04 – Медицинская психология. ФГБОУ ИВО МГмедико-стоматологический университет имени А.И. Евдокимова. – 2020. 195 с.

Protsenko O.O.,

Doctor in Law of jurisprudence,

*Associate Professor of the department of forensics and psychology,
Odessa state university of internal affairs, Odessa*

TACTICAL-PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE CHILD'S INTERVIEW IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Проценко Елена Александровна,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и психологии
Одесского государственного университета внутренних дел,
г. Одесса*

ТАКТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОПРОСА (ДОПРОСА) РЕБЕНКА В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Проценко Олена Олександрівна,

*кандидат юридичних наук,
доцент кафедри криміналістики та психології,
Одеського державного університету внутрішніх справ, м. Одеса,
<https://orcid.org/0000-0002-6175-4194> +380961079798*

ТАКТИКО-ПСИХОЛОГІЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ОПИТУВАННЯ (ДОПИТУ) ДИТИНИ В КРИМІНАЛЬНОМУ ПРОВАДЖЕННІ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.4.74.151

Summary. The tactical and psychological features of the organization in preparation for the survey (interrogation) of minors in the criminal proceedings of victims of violent criminal offenses. The stages of

preparation according to the requirements of the legislation for conducting the interrogation (interrogation) of a minor in the pre-trial investigation and psychological features during the tactics of interrogation of a minor witness, victim, suspect are considered.

Анотация. Исследованы тактические и психологические особенности организации при подготовке к проведению опроса (допроса) несовершеннолетних лиц в уголовном производстве пострадавших от насильственных уголовных правонарушений. Рассмотрены этапы подготовки по требованиям законодательства о проведении опроса (допроса) несовершеннолетнего на досудебном расследовании и психологические особенности во время тактики допроса несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего, подозреваемого.

Анотация. Досліджено тактичні та психологічні особливості організації при підготовки до проведення опитування (допиту) неповнолітніх осіб у кримінальному провадженні постраждалих від насильницьких кримінальних правопорушень. Розглянуто етапи підготовки за вимогами законодавства щодо проведення опитування (допиту) неповнолітнього на досудовому розслідуванні та психологічні особливості під час тактики допиту неповнолітнього свідка, потерпілого, підозрюваного.

Key words: criminal proceedings; pre-trial investigation; investigative (search) actions; tactics; juvenile witness, victim, suspect; poll; interrogation.

Ключевые слова: уголовное производство; досудебное расследование; следственные (розыскные) действия; тактика; несовершеннолетний свидетель, потерпевший, подозреваемый; опрос; допрос.

Ключові слова: кримінальне провадження; досудове розслідування; слідчі (розшукові) дії; тактика; неповнолітній свідок, потерпілий, підозрюваний; опитування; допит.

Постановка проблеми. Останнім часом насильницькі кримінальні правопорушення відносно дітей різної вікової категорії набувають значних масштабів в Україні. Непоодинокі повідомлення в мережах ЗМІ та Інтернет, про тяжкі та особливо тяжкі злочини, вчинені дорослими та неповнолітніми відносно дітей. Кількість випадків сексуального насильства щодо дітей продовжує збільшуватися, як результат - втрачене життя дитини. Насамперед, це пов'язано з пандемією COVID-19, яка внесла корективи в повсякденне життя громадян України. Більшість дітей не відвідували заклади освіти, не проводилась робота батьками та освітянами по роз'ясненню наслідків вживання наркотичних засобів, алкоголю та постійного перебування в заборонених соціальних мережах Інтернет, що негативно діють на психіку дитини. Насильницькі кримінальні правопорушення негативно впливають на нормальний здоровий розвиток дітей, що спричиняють розлад психіки, як результат скоєння самогубств серед малолітніх та неповнолітніх осіб. Сьогодні ставить перед слідчими органів досудового розслідування Національної поліції України необхідність в професійному підході до психологічних особливостей та тактики проведення слідчих (розшукових) дій з дітьми різного віку, для отримання доказів.

Актуальними проблемами в практичних підрозділах слідства Національної поліції є :

- недостатній професійний рівень та практичний досвід кадрів слідства, що залучаються до проведення слідчих (розшукових) дій, а саме допиту з малолітніми та неповнолітніми особами на досудовому розслідуванні;

- не однократне опитування (допити) дітей, які постраждали від сексуального насилля, а також дітей, які стали свідками такого насилля та були залучені до скоєння сексуального насилля відносно інших дітей.

- відсутність єдиної практики опитування (допиту) дітей працівниками правоохоронних органів, прокуратури та суду з врахуванням особливостей дитячої психіки, розвитку, особливих вад;

- не залучаються слідчими до опитування (допиту) професіоналів - спеціалістів (психологів, психотерапевтів, суддів, прокурорів), що мають практичний досвід та практику в опитуванні (допиту) дітей.

- не унормовані вимоги законодавством України щодо спеціальної підготовки психологів, які мають бути присутні під час опитування (допиту) дитини, що постраждала від сексуального насильства, або стала свідком такого насильства, або скоїла таке насильство відносно іншої дитини.

- проведення слідчими опитування (допит) дитини в кабінеті слідчого, або в лікарні, якщо дитина госпіталізована, а в деяких випадках за місцем мешкання дитини та на самому місці події, залежно від часу скоєння кримінального правопорушення.

Більшість країн Європейського Союзу уже довели можливість запровадження спільних елементів практики опитування (допиту) дитини: коли дитина лише один раз приїжджає до спеціального приміщення і дає необхідні свідчення. Тому одним із найважливіших та основних завдань полягає в отриманні єдиної тактики проведення опитування (допиту) дитини для отримання максимально об'єктивної та повної інформації про обставини події від свідка, потерпілого та підозрюваного переважно спрямованого на отримання істинної об'єктивної інформації та доказів у вчиненому кримінальному правопорушенні, скоротивши при цьому до мінімуму кількість проведення опитувань (допитів) дитини.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Теоретичним підґрунтям для вивчення проблеми тактики допиту (опитування) малолітньої,

неповнолітньої дитини стали фундаментальні праці фахівців у галузі криміналістики, криминології, психології, кримінального права та процесу: Ю. П. Алєніна, В. Д. Басая, В. Д. Берназа, В. К. Весельського, А. Ф. Волобуєва, В. А. Журавля, А. В. Іщенко, О. А. Кириченка, В. П. Колмакова, В. О. Коновалової, В. С. Кузьмічова, В. К. Лисиченка, Є. Д. Лук'янчикова, В. Т. Маляренка, Д. Й. Никифорчука, М. А. Погорецького, Д. О. Савицького, М. В. Салтевського, Д. Б. Сергєєвої, О. В. Таран, О. Ю. Татарова, В. В. Тіщенко, Л. Д. Удалової, М. І. Хавронюка, П. В. Цимбала. Особливу увагу актуальним питанням тактики допиту приділили: В. О. Коновалова – тактику допиту свідків (1953); В. Ю. Шепітько – психологію та тактику допиту неповнолітніх (1991); В. К. Весельський – тактичні проблеми допиту (1999); Н. М. Максимішин – криміналістичні та процесуальні аспекти судового допиту (2009); Н. В. Павлюк – процес формування показань неповнолітніх (2011); О. М. Цільмак – зелені кімнати: психологічні особливості організації роботи з дітьми (2012); О. М. Процюк – кримінальну процесуальну регламентацію та тактику допиту неповнолітнього підозрюваного (2017); І. А. Жалдак – тактику проведення одночасного допиту двох чи більше вже допитаних осіб (2020).

Аналіз наукових досліджень дає змогу дійти висновку, що досі не здійснено окремого комплексного наукового дослідження, присвяченого вивченню проблем тактико-психологічних особливостей під час опитування (допиту) малолітніх, неповнолітніх свідків, потерпілих від насильницьких кримінальних правопорушень, а також підозрюваних, які причетні до скоєння таких дій. Це слугує підґрунтям можливого формування недостовірних показань малолітніми, неповнолітніми свідками, потерпілими, а також неповнолітнього підозрюваного, що спричиняє низький рівень методичного забезпечення процесуальної діяльності слідчих підрозділів та затягування розслідування і неодноразового допиту (опитування) дитини.

Метою статті є висвітлення тактико-психологічних особливостей при опитуванні (допиту) малолітнього, неповнолітнього свідка, потерпілого від насильницьких кримінальних правопорушень на досудовому розслідуванні.

Виклад основного матеріалу: Під час проведення досудового розслідування по насильницьким кримінальним правопорушенням, скоєних відносно малолітніх, неповнолітніх осіб, слідчий Національної поліції України здійснює провадження з неухильним дотриманням кримінальних процесуальних вимог законодавства України. При цьому проведення слідчих (розшукових) дій є головним засобом отримання (збирання) та верифікації даних щодо обставин кримінального правопорушення, а знання тактико-психологічних особливостей та правильно обрана

тактика їх проведення, своєчасне виявлення неправдивих даних забезпечує їх ефективність і досягнення поставлених завдань по встановленні істини по суті.

Кримінальний процесуальний кодекс главою 38 КПК України врегулював низку питань, пов'язаних із дотриманням правового статусу неповнолітніх, особливостей кримінального провадження за їх участю та суб'єктів, що приймають участь під час проведення слідчих (розшукових) дій. Допит, як одна з найважливіших і найчастіше практикованих слідчих (розшукових) дій є формою отримання доказової інформації, процесуальним засобом формування і верифікації доказів. Його суть полягає в отриманні від допитуваних (свідка, потерпілого, підозрюваного або обвинуваченого) словесну інформацію про обставини кримінального правопорушення й інші факти, що мають значення для встановлення об'єктивної істини та забезпечення правильного застосування закону.

Термін «допит» позначає різновид опитування, найбільш притаманний саме для першого підходу, в той час як методи опитування орієнтовані на збір об'єктивної та неупередженої інформації в межах розслідування[2].

Основні правила для слідчого по підготовці до проведення опитування (допиту) малолітньої або неповнолітньої особи (дитини) під час досудового розслідування.

1. Планування та підготовка до проведення опитування (допиту)- обміркування слідчим мети, цілі та структуру опитування (допиту), визначення важливої для слідства теми, збору інформації про малолітню або неповнолітню особу, врахування особливості законодавчих вимог, можливі непередбачувані обставини, а також практично забезпечити підготовку до допиту та підготувати детальний план його проведення - все це має відбуватися з урахуванням потреб розслідування в кримінальному провадженні в цілому.

2. Практичні заходи слідчого до проведення опитування (допиту)- визначення коло осіб, які повинні бути присутніми під час опитування (допиту), визначення місця та часу проведення допиту, перевірка справності обладнання для аудіо-відеозапису, підготовка місця проведення допиту (достатня кількість стільців та столів, а також їхнє правильне розташування; достатня кількість канцелярського приладдя, питної води, повітря, температурний режим). Заздалегідь слідчий повинен відвідати місце події, підготувати докази, які можуть використовуватися під час допиту, визначити ролі учасників слідчих (розшукових) дій та часових обмежень, додаткове вивчення матеріалів кримінального провадження. На даному етапі також необхідно слідчому звернути увагу, що під час допиту можуть виникнути непередбачені ситуації, це може бути погане самопочуття дитини, або близької людини, втрата свідомості, агресивна поведінка підозрюваного.

3. Підготовка письмового плану проведення опитування (допиту)- складений слідчим план підсумовує мету та додаткові цілі опитування (допиту). Підготовка письмового плану підвищує впевненість слідчого та надає можливість не залишити поза увагою важливі докази, невідповідності, обман, втрати контролю за дитиною.

4. Встановлення слідчим контакту на початку опитування (допиту) - уміння встановити та підтримувати контакт зі свідком, потерпілим та підозрюваним є найважливішою навичкою комунікації слідчого, що відіграє вирішальну роль в успішності проведення допиту. Проведення опитування(допиту) по факту насильницьких злочинів є стрессовою ситуацією для дітей, а тому необхідно докласти певних зусиль для зменшення відчуття занепокоєння дитини.

5. Роз'яснення процесуальних прав та порядку проведення опитування (допиту)- роз'яснення процесуальних прав та порядку передбаченого кримінального процесуального законодавства на початку проведення допиту тісно переплітається зі стадією встановлення контакту між слідчим та усіма учасниками слідчої (розшукової) дії. Під час даного етапу слідчий допомагає неповнолітньому свідку, потерпілому, підозрюваному зрозуміти мету допиту. Необхідно враховувати що ця розмова може бути першою в житті дитини з слідчим, а тому природно, що сама ситуація викликатиме підвищений рівень стресу та занепокоєння. Отже виникає необхідність проведення слідчої (розшукової) дії в приміщенні «Кризової кімнати, дружньої до дитини». Слідчому необхідно пояснити зрозумілою для дитини мовою процедуру проведення допиту, його права та обов'язки, а також базові правила проведення допиту[10].

6. Отримання інформації під час проведення опитування (допиту) – є найважливішим етапом, саме під час цього етапу власне і досягається завдання опитування (допиту) - отримання повної, точної та надійної інформації про події, яку слідчий верифікує під час досудового розслідування. Мета слідчого полягає в отриманні повної розповіді особи, розширення та уточнення показань, у разі необхідності (наприклад, з неповнолітніми підозрюваними) уточнення та перевірка розповіді допитуваного. На даному етапі отримання повної розповіді свідка, потерпілого, підозрюваного розпочинається з ініціювання слідчим відкритого запитання. Надалі необхідно підтримувати розповідь співрозмовника, використовуючи техніку активного слухання та спостереження за невербальною комунікацією. Під час допиту необхідно слідчому зберігати спокій, бути стриманим та ввічливим, навіть якщо деякі деталі в розповіді є неправдивими[10].

7. Завершення проведення опитування (допиту)- завершення опитування (допиту) є останньою стадією безпосереднього проведення слідчої (розшукової) дії. Опитування (допит)

повинно завершуватися у ввічливій та професійній манері поведінки слідчого. Мета завершення - це перевірка того, чи вся інформація (по епізодам) була достатньо охоплена, чи усі питання були поставлені та отримані відповіді; підбиття підсумків цієї інформації; пояснення подальших дій неповнолітньому свідкові, потерпілому, підозрюваному; сприяння позитивному ставленню до надання точної та достовірної інформації в майбутньому.

8. Оцінка результатів проведення опитування (допиту) - обміркування та усвідомлення власних навичок проведення опитування (допиту). З цією метою варто звернути увагу чи добре від застосував психологічні та тактичні прийоми під час допиту, на що звернути увагу, які навички можна вдосконалити. Особливо якісним від такої оцінки буде, якщо її здійснюватиме керівник слідчого підрозділу, чий зворотний зв'язок слідчий зможе використати для планування професійного розвитку.

Етапи підготовки слідчого до опитування(допиту) малолітньої або неповнолітньої особи (дитини) в «Кризовій кімнаті, дружньої до дитини». На теперішній час спеціальні знання тактико-психологічних особливостей при проведенні такої слідчої (розшукової) дії, як допит малолітньої або неповнолітньої особи, надають слідчим можливість запобігти повторній віктимізації дитини. «Кризова кімната, дружньої до дитини» повинна бути облаштована технічними засобами, які дають слідчому змогу належно записувати показання під час допиту, що сприяє запобіганню повторних допитів.

Етап підготовки слідчим приміщення «Кризової кімнати, дружньої до дитини» для проведення опитування (допиту) малолітньої та неповнолітньої особи:

- Перевірка температурного режиму, освітлення, достатність притоку повітря, наявність канцелярського приладдя, води, годинника для контролю часу проведення слідчої (розшукової) дії.

Етап підготовки документації (аудіо/відеозапис) слідчим для проведення опитування (допиту) малолітньої або неповнолітньої особи:

- Опитування (допит) з малолітніми або неповнолітніми (свідками, потерпілими) від кримінального правопорушення потрібно записувати з застосуванням аудіо відеозапису. Розпочинаючи запис, дитину необхідно поінформувати про це, використовуючи дружню до дитини лексику, що відповідає її вікові та рівню розвитку. Дитині потрібно дати можливість ставити запитання, щоб роз'яснити мету запису та його цільову аудиторію, якщо такі запитання в дитини будуть.

Етап підготовки залучення інших осіб під час опитування (допиту) у «Кризовій кімнаті, дружньої до дитини» :

- встановлення кола осіб, яких слідчий

повинен залучити та бути присутніми під час опитування (допиту), а саме: психологи чи представники державного органу опіки та піклування;

- з'ясування необхідності присутності батьків чи інших осіб, що супроводжують дитину, усередині кімнати для опитування з дітьми;

- недопущення батьків чи законного опікуна, якщо ця особа (ймовірно) є кривдник, до кімнати під час допиту;

- обмеження участі законного представника у виконанні окремих слідчих (розшукових) дій або усунення його від участі в кримінальному провадженні передбачена ч. 3 ст. 227 КПК України[2].

- забезпечення участі сторонньої особи під час допиту в кімнаті, якщо дитина сильно травмована чи має такі спеціальні потреби, що її опитування без сторонньої особи, яка її супроводжує, суперечитиме інтересам дитини;

- обмежуватись емоційною підтримкою дитини та роз'яснення представнику, особам, призначеним державним органом опіки та піклування, що вони не мають права брати участь в опитуванні (допиті), тобто ставити запитання чи заперечувати проти поставлених запитань;

- повідомлення дитини, що за межами кімнати для опитування (допиту), перебувають фахівці з повноваженнями щодо розслідування та захисту дітей і спостерігають за опитуванням (допитом). Дитині можна ставити запитання, щоб роз'яснити мету спостереження та ролі спостерігачів, якщо такі запитання в дитини виникнуть.

Етап планування опитування (допиту) малолітньої або неповнолітньої особи до початку проведення слідчої (розшукової) дії:

- отримання інформації щодо розповідей малолітньої або неповнолітньої особи, а також додаткові відомості про оточення дитини, ситуацію в родині, стан здоров'я й інші чинники (фахівці оперативного реагування, представники соціальних служб, медичні працівники, адміністрація школи, медичні висновки), які можуть впливати на стратегії опитування(допиту);

- отримання документації із школи, дошкільного закладу про дитину.

Етап планування опитування (допиту) щодо малолітнього або неповнолітнього потерпілого, повинен містити інформацію залежно від обставин:

- імена та контактні дані батьків або законних опікунів або інших піклувальників дитини (повна інформація з державних джерел);

- житлові умови дитини, зокрема розмір і склад домогосподарства; історію медогляду; історію розладів у стосунках батьків (зокрема, суперечки щодо опіки, домашнього насильства тощо);

- попередні травми, зокрема насильство щодо дитини вдома чи поза ним у минулому;

- домашнє насильство щодо братів або

сестер дитини в минулому;

- у минулому проблеми з психічним здоров'ям у родині дитини;

- у минулому залежність від шкідливих речовин (зокрема алкоголю та психоактивних речовин) у родині чи в близькому оточенні дитини;

- попередні судимості будь-кого з членів родини дитини;

- стан здоров'я дитини, зокрема хронічні захворювання, нервово-психічні розлади або інвалідність[8].

Етап взаємодії слідчого з психологом опитування (допиту) щодо малолітнього або неповнолітнього потерпілого містить:

- планування своїх ролей під час опитування(допиту) малолітнього або неповнолітнього потерпілого;

- вирішення слідчим з психологом, на основі зібраної інформації, кому з них доцільніше ставити запитання під час опитування (допиту);

- вирішення психологом характеру і формулювання запитань, щоб навмисно чи недбало викривляти запитання або ставити запитання, які не були явно погоджені на етапі планування зі слідчим.

Висновки та пропозиції. Таким чином, можемо констатувати, що опитування (допит) малолітньої, неповнолітньої особи, як одна з найважливіших і найчастіше практикованих слідчих (розшукових) дій, яка є формою отримання доказової інформації, процесуальним засобом формування і перевірки доказів. Опитування (допит) малолітніх, неповнолітніх свідків, потерпілих, підозрюваних має власні тактико-психологічні особливості, що обумовлені специфікою неповнолітніх, як його учасників. Це виявляється у певних процесуальних, тактичних, психологічних особливостях порядку проведення таких слідчих (розшукових) дій, психологічним впливом, що застосовує слідчий на неповнолітнього допитуваного в ході досудового розслідування. Отримання спеціальних знань про психологічні особливості та тактику допиту неповнолітніх під час розслідування кримінальних проваджень та судовому розгляді за фактами вчинення насильницьких кримінальних правопорушень слідчим Національної поліції України, прокурорам, суддям, психологам дасть можливість скоротити до мінімуму кількість проведення опитувань (допитів) неповнолітніх без втрати їх якості та психологічної травматизації дитини.

Список літератури:

1. Конституція України від 28.06.96 р. (із змінами та доповненнями) // Режим доступу URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>

2. Кримінальний процесуальний кодекс України: Закон України від 13.04.2012. // Режим доступу URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>

3. Кримінальний кодекс України: Кодекс, Закон від 05.04.2001 № 2341-III // Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2001, (№ 25-26) Офіційний веб-портал. //Режим доступу URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>

5. Конвенція про права дитини: ООН; Конвенція, Міжнародний документ від 20.11.1989. // Режим доступу URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_021#Text

6. Весельський В.К. Сучасні проблеми допиту (процесуальні, організаційні і тактичні аспекти): Монографія. - Київ: НВТ "Правник" - НАВСУ, 1999. - 126 с.

7. Колесник І.А. "Тактика виявлення та нейтралізації добросовісних помилок у показаннях свідків": автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / Національна юридична академія України імені Ярослава Мудрого. - Х., 2010.-19 с.

8. Методичні рекомендації щодо опитування дітей у межах розслідування: Метод. посіб. /

Автори-упоряд.: Г. Попов, І. Урумова, Т. Цюман; за заг. ред. Т. Цюман. К.: 2021. – 112 с.

9. Методичні рекомендації щодо опитування дітей, що стали свідками та/або жертвами насильства, а також вчинили насильство: Метод. посіб. / Автори-упоряд.: Д. Пукас, О. Калашник, О. Кочеміровська; Т. Цюман; за заг. ред. Т. Цюман. К.: ФОП КЛИМЕНКО, 2015. – 114 с.

10. Проценко О.О. Верифікація показань під час допиту неповнолітнього підозрюваного // Юридична психологія : наук.журн./ [ред. В.В. Черней (голова) та ін].- Київ: Нац.акад.внутр.справ, 2019-№2 (25)-с.

11. Скичко О.Ю. "Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии". - М.: Юрлитформ, 2006. - 183 с. : табл. - (6-ка криміналіста). - библиогр.: С. 167-182.

УДК 1
ГРНТИ 15

Yurina Alla Anatolevna
PhD, associate professor of the department
of Pedagogical psychology of Adyghe State University (ASU), Russia
Kochenkova Lyubov Pavlovna
PhD, associate professor of the department
of Pedagogics and pedagogical technologies of Adyghe State University (ASU), Russia

EMOTIONAL MODALITIES OF A MODERN TEACHER AND THEIR CORRECTION

Юрина Алла Анатольевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры педагогической психологии
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»,
Коченкова Любовь Павловна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики и педагогических технологий
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»,

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ МОДАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГА И ИХ КОРРЕКЦИЯ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.4.74.146

Abstract. In the article the authors analyze the theoretical approaches to the concept of "emotional modality" in the psychological and pedagogical literature; highlight the features of the manifestation of the emotional modalities of the teacher, methods and techniques for correcting the emotional modalities of the teacher. The results of the study on the implementation of the program of correction of emotional modalities of the modern teacher are presented.

Аннотация В статье авторы анализируют теоретические подходы к понятию «эмоциональная модальность» в психолого-педагогической литературе; выделяют особенности проявления эмоциональных модальностей учителя, методы и приёмы коррекции эмоциональных модальностей педагога. Представлены результаты исследования по реализации программы коррекции эмоциональных модальностей современного педагога.

Keywords: *emotional modality, teacher, correction, methods and techniques of correction, correction program.*

Ключевые слова: *эмоциональная модальность, педагог, коррекция, методы и приёмы коррекции, программа коррекции.*

Постановка проблеми. Современный педагог одновременно является индивидуальным субъектом профессиональной педагогической деятельности и транслятором общечеловеческих

знаний, ценностей, норм и требований. Следовательно, его субъективная характеристика складывается из двух составляющих: когнитивной (знаниевой) и аксиологической (ценностной).

Когнитивная включает в себя предметные, методические, дидактические знания и умения, соответствует профессиональным требованиям и компетенциям. Аксиологическая составляющая строится на эмоциональной модальности как профессиональном качестве педагога, которое оказывает влияние на деятельность учителя, определяет эмоциональный настрой и устойчивость, темп реакций, пластичность или ригидность, экстраверсию или интроверсию.

На сегодняшний день школа предъявляет высокие требования к эмоциональным модальностям педагога, которые обусловлены необходимостью обладать стабильными нервными процессами, высоким эмоциональным тонусом, собранностью, терпением, выдержкой и спокойствием в изменяющихся условиях профессиональной деятельности.

Анализ последних исследований и публикаций. В современной отечественной науке наблюдается количественный рост эмпирических исследований, затрагивающих проблемы формирования и развития эмоциональной сферы личности (Ю.А. Аксенова, В.Г. Бочарова, Ю.М. Горвиц, Т.И. Ерофеева, Е.В. Зворыгина, О.К. Конева, П.А. Кудин, Б.Ф. Ломов, А.А. Митькин, С.Л. Новоселова, Н.Н. Поддякова, К. Роу, Е.М. Трофимова, Л.Д. Чайнова и др.).

Для нашего исследования большое значение имели работы, посвященные психолого-педагогическим проблемам формирования личности педагога в процессе профессиональной деятельности (В.В. Белоус, Е.В. Бондаревская, Ю.П. Ветров, Б.З. Вульф, Г.М. Гогберидзе, Н.П. Клущина, И.Б. Котова, А.В. Непомнящий, В.П. Озеров, М.М. Поташник, О.В. Соловьева, Т.И. Шамова, В.К. Шаповалов, Е.А. Ямбург).

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Анализ существующей практики показывает, что неуклонно растёт число педагогов, у которых доминируют эмоциональные модальности – «гнев», «страх» и «печаль», а вот модальность «радость» встречается значительно реже. В то же время коррекция данного явления среди педагогов осуществляется в недостаточной степени. Эта проблема чрезвычайно актуальна ввиду широкой распространённости и неблагоприятного влияния на психическое, соматическое и социальное благополучие не только учителей, но и обучающихся, вследствие этого возникает проблема исследования: каковы методы и приёмы коррекции эмоциональных модальностей педагогов? Обозначенная нами проблема и её актуальность определили цель, задачи и гипотезу исследования.

Цель исследования заключалась в теоретическом обосновании и экспериментальном апробировании программы коррекции эмоциональных модальностей учителей.

В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о том, что коррекция эмоциональных модальностей современного

педагога будет успешной при условии внедрения специальной программы, включающей методы и приёмы, ориентированные на оптимизацию эмоциональной направленности, повышение эмоционального интеллекта и модальности «радость», а также снижение модальностей «гнев», «страх», «печаль».

Изложение основного материала.

Теоретический анализ проблемы показал, что эмоции человека являются предметом изучения учёных разных стран мира. В науке сложилось чёткое понимание, что их роль в процессе жизнедеятельности человека особая и отражена в первичных (временно-пространственная структура, модальность, интенсивность) и производственных (двухкомпонентность, двузначность, обобщенность) характеристиках (Л.М. Веккер) [2]. Особую актуальность в научной среде получила первичная характеристика эмоций – модальность.

Рассмотренные нами исследования позволили установить, чем эмоциональная модальность отличается от эмоций, реакций и чувств человека. Она интегрирует данные понятия и формирует единую направленность эмоционального фона: приятно/неприятно, удовлетворительно/неудовлетворительно и т.д.

Многоаспектность исследований, посвященных эмоциональным модальностям (Е.Ф. Бажин, Л.М. Веккер, В. Вундт, Е.А. Громова, П.А. Евсюткина, К. Изард, А.Р. Петрулите, Г.Х. Шингаров и др.), говорят о трансформации понимания данного понятия от первичной характеристики эмоций до интеллектуального чувства, которое возникает в процессе развития личности в ходе решения мыслительных задач с использованием широкого спектра эмоциональных процессов. Особое внимание в нашей работе будет уделено эмоциональным модальностям педагога.

В.Я. Пилиповский поясняет, что в процессе исследования личности современного педагога доминирующая роль отводится его эмоциональности, которая является ключевым фактором организации взаимодействия в учебной деятельности, от её направленности зависит успешность обучающегося, уровень его мобилизации к действиям и активизация познавательной активности. Эмоциональность проявляется в виде модальностей. Автор выделяет четыре ключевые эмоциональные модальности современного педагога: радость, гнев, страх, печаль [5, с. 101-102].

Учёными выделена определенная взаимосвязь между эмоциями различной направленности и педагогическим стажем: чем больше педагогический стаж учителя, тем ниже эмоциональные модальности «гнев», «печаль», «страх» и выше «радость» (Т.Г. Сырицо) [9]. Эмоциональный интеллект выступает индикатором эмоциональных модальностей педагога. Изучением его составляющих занимались А.С. Силаков (самосознание, саморегуляция, мотивация, эмпатия, социальные навыки) [8], Ю.Н. Кулюткин

(уровень самооценки и притязаний, коммуникативная толерантность; уверенность, профессиональные компетенции, эмпатические способности) [3] и т.д.

Эмоциональные модальности педагога на современном этапе развития и функционирования системы образования в Российской Федерации транслируются через их направленность: альтруистическая, коммуникативная, самоутверждающая, практическая, пугническая, романтическая, знаниевая, духовная, накопительная (А.Е. Ольшанникова) [4].

Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что современный педагог обладает эмоциональными модальностями, особенности которых определяются спецификой профессиональной деятельности.

По мнению Е.Ю. Азбукиной, коррекция – это одно из направлений работы педагога-психолога, которое отличается целенаправленным воздействием на один из субъектов образовательного процесса (обучающийся, педагог, родитель) для изменения его личностных, характерологических особенностей и т.д. В обобщенном виде коррекция ориентирована на трансформацию одной из сфер личности: интеллектуальную, аффективную, поведенческую, морально-нравственную или мотивационно-потребностную [1].

Р.А. Тимошенко говорит о том, что процесс коррекции, как отдельное направление деятельности педагога-психолога образовательной организации, позволяет: индивидуально выстраивать маршрут развития личности; дифференцировать приёмы работы с учётом личностных особенностей субъекта образовательного процесса, условий и специфики его социального функционирования; определять форму коррекционной деятельности (индивидуальную, общую, специально ориентированную); организовывать работу комплексного характера, где будут задействованы как все необходимые специалисты и учтены образ жизнедеятельности человека, его личностные возможности и перспективы дальнейшего становления и совершенствования [10, с. 5-8].

Одним из субъектов образовательного процесса является педагог. Процесс его профессионального роста оказывает существенное влияние на обучающихся, родителей и коллег. На сегодняшний день большая часть педагогических работников нуждается в коррекции их эмоциональных особенностей и проявлений.

В своей работе по коррекции эмоциональных модальностей мы ориентировались на классификацию методов Е.И. Рогова (метод просвещения, метод поддержки и сопровождения, методы коррекции эмоциональной сферы) [7]. В качестве приёмов была выбрана классификация Л.А. Рёгуш (саморегуляция, релаксация, визуализация, арт-терапевтические техники, коммуникативные игры, метафорические техники,

телесно-ориентированные приемы, медитативные техники) [6]. Таким образом, коррекция эмоциональных модальностей современного педагога направлена на изучение индивидуальных особенностей их проявления, выбор оптимальных методов и приёмов работы по их устранению.

Экспериментальное исследование включало три этапа: констатирующий, формирующий и контрольный.

В качестве эмпирических методов исследования были отобраны:

- методика «Диагностика доминирующей эмоциональной модальности у педагогов» (Л.А. Рабинович в модификации Т.Г. Сырицо);

- тест-анкета «Эмоциональная направленность» (Б.И. Додонов);

- методика «Диагностика «эмоционального интеллекта» (Н. Холл);

- методика «Дифференциальные шкалы эмоций (по К. Изарду)».

Эмпирической базой исследования явились «СШ №3», «СШ №7» и «гимназия №22» г. Майкопа Республики Адыгея. В качестве респондентов выступили педагогические работники образовательных организаций в количестве 72 человек. 36 человек были определены в экспериментальную группу (ЭГ). 36 человек вошли в состав контрольной группы (КГ).

Первичная диагностика показала, что наиболее распространенными эмоциональными модальностями среди педагогов экспериментальной и контрольной групп являлись: «гнев» (33%- ЭГ; 28%-КГ), «страх» (28%; 28%), «печаль» (22%; 22%). «Радость» диагностирована лишь у 17% испытуемых ЭГ и КГ соответственно.

Для испытуемых типичными являлись гностическая (78%; 72%), эстетическая (61%; 55%), коммуникативная (44%; 39%) и глорическая (44%; 39%) эмоциональные направленности. В недостаточной степени были развиты альтруистическая (39%; 33%), практическая (22%; 22%), пугническая (22%; 22%), романтическая (17%; 17%) и гедонистическая (33%; 33%). Данный факт свидетельствовал о потребности учителей в гармоничном существовании, стремлении пребывать в физическом, душевном и духовном комфорте, эффективно взаимодействовать и общаться с людьми.

Среди испытуемых преобладал средний (39%; 39%) и низкий (39%; 44%) уровни развития эмоционального интеллекта. Высокий уровень был диагностирован у 22% педагогов ЭГ и 17% респондентов КГ.

У педагогов экспериментальной и контрольной групп доминирующими являлись такие эмоции, как: страх (83%; 83%), отвращение (78%; 72%) гнев (67%; 67%), стыд (61%; 55%), вина (55%; 50%), презрение (50%; 44%). На недостаточном уровне развития находились такие эмоции как интерес (33%; 39%), радость (22%; 22%), удивление (17%; 22%).

Данные результаты подтвердили своевременность и актуальность программы коррекции эмоциональных модальностей педагога «Мир наших эмоций».

Целью программы была коррекция эмоциональных модальностей педагога.

Задачи программы:

1. Создание располагающей, доверительной атмосферы между участниками программы.
2. Стремление личности развиваться и совершенствоваться.
3. Повышение профессиональной компетентности педагога.
4. Оптимизация эмоциональной сферы респондентов.
5. Коррекция качественных характеристик эмоциональных направленностей.
6. Повышение уровня развития компонентов эмоционального интеллекта: эмоциональная осведомленность, управление эмоциями, самомотивация, эмпатия.

Программа рассчитана на 11 занятий длительностью 1 час. Периодичность встреч – 2 раза в неделю.

В качестве методов, используемых в процессе коррекции, мы отнесли следующие:

- метод просвещения (групповые дискуссии, тематические беседы и др.);
- метод поддержки и сопровождения (кейс-задания, квесты, метафоры и др.);
- методы коррекции эмоциональной сферы (игровые технологии, телесно-ориентированные упражнения, медитативные техники и др.).

Приемы:

- саморегуляция («Горячий стул», «Управление своими эмоциями», «Самоанализ эмоций педагога», «Сильные стороны», «Пять уровней эмоций» и др.);
- релаксация (диафрагмальное дыхание, прогрессивная мышечная релаксация и др.);
- визуализация («Черный ящик», «Эстафета чувств» «Декатастрофизация» и др.);
- арт-терапевтические техники («Ваши эмоции», «Эмоциональная диагностика», «Абстракция», «Материализация», «Деревья», «Я – педагог» и др.);
- коммуникативные игры («Кинопробы», «Эмоциональный термометр», «Ситуация из жизни педагога», «Разговор по телефону», «Низкая культура диалога» и др.);
- метафорические техники («Обмен печалью»; «Работа с коучинговым кубиком по схеме GROW» и др.);
- телесно-ориентированные приемы («Определи чувство», «Броуновское движение», «Моечная машина» и др.);
- медитативные техники (Мудрец из храма), «Концентрация на счете» и др.).

Специфической особенностью, разработанной нами коррекционной программы «Мир наших эмоций», является подразделение на три ключевых

раздела, ориентированных на изменение эмоциональных модальностей современного педагога:

Раздел 1. «Трансформация эмоций педагога» – направлен на снижение эмоциональных модальностей «гнев», «печаль», «страх», повышение «радости». Сюда входили занятия по темам: Эмоции в жизни педагога; Какая она, печаль современного учителя?; Проявление гнева в педагогической деятельности; Чего бояться учителя?; Работа, приносящая радость.

Раздел 2. «Повышение эмоционального интеллекта современного учителя» – ориентирован на повышение уровня развития эмоционального интеллекта в самом общем виде и его компонентов в частности (эмоциональная осведомленность, управление эмоциями, самомотивация, эмпатия). Темы занятий: Компоненты эмоциональной осведомленности; Мотивация и самомотивация в профессиональной деятельности учителя; Учимся управлять своими эмоциями.

Раздел 3. «Оптимизация эмоциональной направленности педагогического работника» – нацелен на сокращение негативных проявлений эмоций с учётом изменения ведущих потребностей личности. Данный раздел включал занятия по темам: Актуальные эмоциональные потребности современного педагога; Дифференциация эмоций учителя на рабочем месте; Я – учитель XXI века.

В дальнейшем был реализован контрольный этап исследования. После реализации программы коррекции «Мир наших эмоций», по её итогам прослеживалась положительная динамика у педагогов экспериментальной группы. Так эмоциональная модальность «радость» возросла с 17% до 38%, что повлекло за собой сокращение неблагоприятных модальностей «гнев» (с 33% до 28%), «страх» (с 28% до 17%), «печаль» (с 22% до 17%).

Среди испытуемых отмечена активизация всех потребностей человека. Отдельное внимание необходимо было уделить росту потребностей, которые напрямую определяют успешность педагогической деятельности. Глорическая эмоциональная направленность повысилась с 44% до 72%, акизитивная – с 28% до 39%, коммуникативная – с 44% до 61%, гностическая – с 78% до 83%, альтруистическая – с 39% до 50%; практическая – с 22% до 39%; пугническая – с 22% до 33%. Таким образом, педагоги стали активнее проявлять стремление в самоутверждении, у них возросло желание развиваться интеллектуально и оказывать посильную помощь субъектам образовательного процесса.

У педагогов наблюдался как общий рост уровня эмоционального интеллекта, так и его компонентов: эмоциональной осведомленности, умения управлять собственными эмоциями, самомотивации к успешной профессиональной деятельности, эмпатических способностей и умения безошибочно распознавать эмоции и чувства других людей. Низкий уровень сократился

с 39% до 22%, средний увеличился с 39% до 44%. В свою очередь, высокий повысился с 22% до 34%.

Интерес повысился с 33% до 50%; радость – с 22% до 33%; удивление – с 17% до 28%. Проявление негативных эмоций сократилось: горе – с 44% до 33%; гнев – с 67% до 50%; отвращение – с 78% до 61%; презрение – с 50% до 33%; страх – с 83% до 55%; стыд – с 61% до 44%, вина – с 55% до 33%.

В контрольной группе зафиксирован рост учителей со средним уровнем развития эмоционального интеллекта (с 39% до 44%) и сокращение численности испытуемых с низким уровнем с 44% до 39%. В количественном исчислении у одного педагога КГ отмечен естественный рост измеряемого показателя. Высокий уровень остался без изменений и составил 17%.

Среди респондентов контрольной группы наблюдались следующие тенденции: гнев увеличился с 67% до 72%, интерес – с 39% до 44%; страх сократился с 83% до 78%. Данные факты обусловлены изменениями, которые ежедневно происходят в профессиональной деятельности педагогов.

Таким образом, по результатам эмпирического исследования выявлены положительные результаты, которые были подтверждены методами математической и статистической обработки материалов. В контрольной группе, где формирующий эксперимент не проводился, существенных результатов не выявлено.

Эмпирическое исследование подтвердило выдвинутую гипотезу: коррекция эмоциональных модальностей современного педагога будет успешной при условии внедрения специальной программы, включающей методы и приёмы, ориентированные на оптимизацию эмоциональной направленности, повышение эмоционального интеллекта и модальности «радость», а также снижение модальностей «гнев», «страх», «печаль».

Выводы и предложения. Результаты теоретического и экспериментального исследования позволили сделать следующие выводы.

1. Современная система образования отличается постоянными инновационными изменениями и преобразованиями. Современный педагог – это уникальная многоаспектная, постоянно развивающаяся, творческая и идейная личность. Особое внимание в его профессиональном развитии уделяется доминирующей эмоциональной модальности, оказывающей прямое влияние на уровень развития эмоционального интеллекта и общей эмоциональной направленности.

2. Организация коррекции эмоциональных модальностей современного педагога ложится на плечи школьного педагога-психолога. От эффективности его деятельности зависит результативность образовательной организации, а

также успешность педагогической деятельности коллег.

Список литературы:

1. Азбукина Е. Ю. Особенности деятельности современного педагога // Вестник ТГПУ. 2009 №1(79). [Azbukina EY Features of the activity of the modern teacher. 2009. 1(79) (In Russ).]

3. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-deyatelnosti-sovremennogo-pedagoga> /jscientia. 2021.10.19.)

2. Беккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998 [Vekker LM Psyche and reality: a unified theory of mental processes. Moscow: Meaning, 1998. (In Russ).]

3. Кулюткин Ю. Н. Психологические знания и учитель // Вопросы психологии. 1983 №3. С.51-62. [Kuljutkin YN Psychological knowledge and teacher // Questions of psychology. 1983 3:51-62 (In Russ).]

4. Ольшанникова А. Е., Рабинович Л.А. Опыт исследования некоторых индивидуальных характеристик эмоциональности // Вопросы психологии. 1974 3:65-74. [Olshannikova AE, Rabinovich LA Experience of research of some individual characteristics of emotionality. 1974 3:65-74 (In Russ).]

5. Пилиповский В. Я. Требования к личности учителя в условиях современного общества // Педагогика. 1997 5. С.97-103. [Pilipovsky VY Requirements to the personality of the teacher in the conditions of modern society. Pedagogy. 1997 5:97-103 (In Russ).]

6. Регуш Л. А., Баева И. А., Орлова А. В. Тренинг педагогического мастерства // СПб: Питер, 2020. [Regush LA, Baeva IA, Orlova AV Training of pedagogical skill / St. Petersburg: Piter, 2020. (In Russ).]

7. Рогов Е. И. Эмоции и воля. М.: Владос, 2001. [Rogov EI Emotions and will Moscow: Vlados, 2001. (In Russ).]

8. Силаков А. С. Эмоциональная модальность деятельности педагога как фактор выбора субъект-субъектного стиля общения в системе «Учитель-ученик» // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. 4(28). [Silakov AS Emotional modality of the teacher's activity as a factor of choice of the subject-subject style of communication in the system "Teacher-student" // Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University. 2013. 4(28). (In Russ).]

4. <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-modalnost-deyatelnosti-pedagoga-kak-faktor-vybora-subekt-subektnogo-stilya-obscheniya-v-sisteme-uchitel-uchenik> /jscientia. 2021.10.20)

9. Сырицо Т. Г. Эмоциональность как профессионально-важное качество учителя: Автореферат дисс. канд. пед. наук. СПб, 1997. [Syritso TG Emotionality as a professional-important quality of the teacher: Avtoreferat diss. Cand. Ped. Sciences. SPb, 1997. (In Russ).]

10. Тимошенко Р. А. Диагностика и коррекция эмоций в процессе тренинга М.: Питер, 2016. [Timoshenko RA Diagnostics and correction of

emotions in the process of training Moscow: Piter, 2016. (In Russ).]

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81-23

Asta Balčiūnienė
 PhD, Associate Professor, Senior Researcher
 Klaipėda University
Laima Kuprienė
 PhD, Associate Professor
 Klaipėda University

STEREOTYPICAL FEATURES OF THE JEWISH IN THE WORLDVIEW OF THE LITHUANIAN SAMOGITIAN: LEXICOGRAPHIC DATA

СТЕРЕОТИПНЫЕ ЧЕРТЫ ЕВРЕЕВ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ЛИТОВСКИХ ЖЕМАЙТОВ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2021.4.74.149

Аннотация. До Второй мировой войны еврейское население в городах расположенных на территории литовского этнографического региона Жемайтии было довольно большим, поэтому жемайты и евреи поддерживали тесные контакты. В статье на основе анализа лексикографического материала рассматривается отношение жемайтов к евреям с этнолингвистической точки зрения. Анализ речевых образцов, выражающих эту точку зрения, основан на структурном подходе к значению в сочетании с когнитивным, следующим от значения слова к значению предложения. Считается, что стереотипный «образ» еврея состоит из определенного набора общих характеристик и черт, о которых анализ языкового выражения дает более подробную информацию. Анализ стереотипных характеристик связан с выражением аксиологической системы. Исследование показало, что в социокультурном контексте чаще всего фиксируются стереотипы о евреях как о соседях, неверующих, иностранцах, оценочная шкала которых включает положительную, нейтральную и отрицательную оценку.

Abstract. Before the Second World War, urban Jewish communities in the Lithuanian ethnographic region of Samogitia were quite large, thus Samogitians and Jews used to maintain rather close contacts. The paper focuses on Samogitians' view on Jews from an ethno-linguistic perspective, based on lexicographic material. The analysis of speech samples that express this opinion is based on a structural approach to meaning combined with a cognitive one, following from word meaning to sentence meaning. A stereotypical "image" of the Jew is believed to consist of a specific set of certain common characteristics and traits, which is further elaborated by an analysis of linguistic expression. The analysis of stereotypical features is related to the expression of the axiological system. The research revealed that, in the socio-cultural context, the scale of evaluation of the Jewish people included positive, neutral, and negative evaluations, with the prevalence of stereotypes of Jews as of neighbours, people of other religion, foreigners.

Ключевые слова: этнолингвистика, этнический стереотип, стереотипность, еврей.

Key words: ethno-linguistics, ethnic stereotype, stereotypical feature, Jewish.

European ethno-linguists pay close attention to the analysis of stereotypical images of Jews [7; 6 pp. 160–213 etc.], since before the mid-20th century, substantial Jewish diaspora populations existed in various countries. The stereotype of the Jewish people in Lithuanian culture has been studied rather comprehensively¹⁷, however, the attitude of the representatives of individual Lithuanian ethnographic regions towards Jews¹⁸ has not been analysed in greater detail. Therefore, the paper focuses on the image of the Jew formed in one of the ethnographic regions of Lithuania, in Samogitia, where people still speak the Samogitian dialect and have maintained a number of cultural and identity differences, and revealed in the Samogitian linguistic expression.

Thus, the aim of the paper is to identify the stereotypical traits of the Jew entrenched in the Samogitian linguistic worldview and their evaluation, recorded in lexicographic sources.

Empirical material. The choice to examine not all Lithuanians', but only the Samogitian attitude towards Jews and therefore to narrow the scope of research materials, is also related to the following reasons: a) from the ethno-linguistic point of view, the Samogitian attitude towards Jews has not been analysed in details; b) before the mid-20th century, Telšiai, Kretinga, and other cities and towns of Samogitia were socio-cultural and economic centres of Jews¹⁹, and their diaspora in Samogitia was quite large, therefore certain specificity of communication between

¹⁷ The Jewish stereotype was thoroughly analysed in Lithuanian folklore [1; 2, pp. 41–54; 11, pp. 160–166], in Samogitian oral discourse [3, pp. 102–132], etc.

¹⁸ The territory of Lithuania is still heterogeneous in terms of dialectology and ethnoculture: it consists of

different ethnographic regions (see <https://www.ekgt.lt/about-the-council/>).

¹⁹ According to Russian ethnologist Belova, with the disappearance of one or another ethno-confessional community, the image of the "other/alien" tends to lose

Jews and Samogitians can be witnessed in the Samogitian dialect; c) based on the research of historians, we can hypothesise that a rather negative attitude towards Jews may be entrenched in the Samogitian worldview.

The object of the current research is the sentences or collocations (phraseologisms), recorded in Samogitia (100 units) and presented in the *Dictionary of the Lithuanian Language* (LKŽe²⁰), the *Dictionary of Phraseology* (FŽ) 2001, and in the dialectological dictionaries of the Samogitian dialect²¹, which reflect the Samogitians' view on Jews. The research material does not include sentences in which the *žyd-* root words naming a representative of the Jewish people (*žydas* is the Lithuanian word for a Jew) are used in a neutral, denotative meaning (i.e. merely name Jews as representatives of the Jewish people) and do not provide any information about Samogitians' attitudes towards them (non-informative for our purpose). Conversely, the object of the research includes lexical units that are indirectly related to the ethnonym (phraseology, metaphors, words that name or describe other realities, etc.), but provide significant information about the tendencies of Jewish stereotyping in the Samogitian linguistic expression.

The research uses a descriptive analytical method and the structural and semantic methodology of analysis, based on the interpretative logic of the research, and the methodological approach of ethnolinguistics and cognitive linguistics.

Theoretical premises

The studies of stereotypes, defined in a number of different ways, were inspired by the methodological approach of the science of sociology: based on it, a separate field of research in ethnic²² stereotypes has developed, used as the basis by the representatives of ethnolinguistics.

Aspects such as a stereotype and its linguistic sign, a stereotype and cognitive semantics, the cognitive structure of a stereotype, and ways of conceptualising linguistic reality are particularly important for the linguistic research in stereotypes [5, pp. 374–377, etc.]. In the ethnolinguistic school of Lublin, the concept of a linguistic stereotype is understood in a very wide sense: stereotyping encompasses the whole picture of the world – both the image of an object and a person.

The concept of an ethnic stereotype used in the paper narrows the scope of the concept of a linguistic stereotype, yet we adhere to the premise that language may reveal a subjectively predetermined “image” of representatives of other nations, encompassing its characteristic features. The concept is also supported by an argument of Gudavičius that “language, as one of the possible interpretations of the environment, reflects the attitude of its speakers towards the environment in a certain way” [8, p. 41]. However, the attitude of language users can be verbalized in various ways, depending on the system of a particular language; hence a problem of decoding a linguistic expression appears. Anna Wierzbicka provides the following method for decoding the language in which certain images are encoded: “Language is an integrated system, where everything ‘conspires’ to convey meaning: words, grammatical constructions and various ‘illocutionary’ devices [...]” [12, p. 16]. Thus, in the paper, both the lexical and the grammatical and semantic levels are important for the “decoding” of the stereotypical “image” of the Jew in language.

The issue of empirical material sources is also important in the study of ethnic stereotypes. In ethnolinguistic works, ethnic stereotypes (like other linguistic stereotypes) can usually be studied on the basis of the following sources: a) the language system (dictionary definitions, derivatives, phraseology); b) questionnaires, and c) texts (proverbs and sayings, poetry, etc.). Although the questionnaire methodology is especially common in this type of research, we believe that the analysis of the language system may reveal a more detailed and objective “image” of the research object, as the questionnaire in a sense limits / expands the data provided by the respondent, whereas lexicographic articles in dictionaries reflect collective discourse.

Various studies of ethnic stereotypes highlight the idea that the “images” of other nationals represent the vision of “aliens / others” through the prism of one’s own perception of the world, as it relates to ethnocentrism, as a universal intercultural phenomenon where “one’s own” traditions, religion, customs, and language are considered as genuine, “true”, and “right”. The social, anthropological, cultural, and religious differences between the Jews and the Lithuanians were

its regional characteristics and becomes increasingly more generalised, preserving only the most general (universal) features of the “alien” in the folk understanding [6, p. 171].

²⁰ The material was collected from an e-version of the dictionary. Online access: www.lkz.lt (LKŽe).

²¹ KTŽ 2011 – *Kretingos tarmės žodynas* [Dictionary of Kretinga Dialect], ed. by Juozas Aleksandravičius. 2011, Vilnius: Lietuvių kalbos instituto leidykla; ŠRDŠŽ 1976 – *Šiaurės rytų dūnininkų šnektų žodynas* [Dictionary of the Northwestern (Dūnininkai) Samogitian Dialect], ed. by V. Vitkauskas. 1976, Vilnius: “Mokslas”.

²² The present paper uses the term of *ethnic stereotype*, although it has been criticised as redundant in

psychology studies, since the structure and model of ethnic stereotypes are not unique and therefore indistinguishable from any other stereotype; however, the term has taken root in the contemporary studies of psychology, sociology, and ethnolinguistics. The use of the terms of cultural, ethnic, and ethnocultural stereotypes is also problematic, as it is not always easy to distinguish between them. In the paper, a cultural stereotype is considered as a broader concept which may include the concept of an ethnic stereotype, therefore, the specificity of our research is better revealed by the term of an ethnic stereotype with a narrower meaning.

maximal, therefore they had to be noticeable and produce an evaluative “image” of “other / different / alien”. Despite the fact that ethnocentrism as if presupposes a certain negative attitude towards a foreign national from the perspective of an evaluating nation, we assume that the said phenomenon cannot be associated solely with negative evaluation, as that can distort the “image” of an ethnic stereotype and make it primitive. One cannot ignore the fact that “other” characteristics untypical of the evaluating nation can be evaluated positively or neutrally. It is for this reason that ethnolinguistic and cognitive linguistic research carry out in-depth studies of the characteristics of the stereotyping process: certain traits typical of the research object are identified, which are noticeable, distinguished, and made relevant in the linguistic activities of the evaluating nation. These characteristics can be physical (biological), socio-cultural, psycho-cultural, etc.

Contemporary researchers of stereotypes emphasise that stereotypes as a result of culture and socialisation can be diverse: accurate and inaccurate, positive and negative, and also neutral. The emotional aspect of ethnic stereotypes has been emphasized by a number of ethnolinguists who highlight the predominance of negative ethnic stereotypes: “stereotypes go hand-in-hand with negative emotions” [10, p. 161], yet do not rule out the existence of neutral stereotypes [10, p. 166; 9, pp. 54–55].

While acknowledging that ethnic stereotypes reflect only a certain generalised image of an ethnic and / or confessional neighbour through simplifying and summarising it, we adhere to a standpoint that, based on the ethnolinguistic approach of the present research, only certain trends of Samogitians’ view on Jews can be revealed.

Stereotypical traits of Jews and their evaluation

In order to identify the stereotypical traits of Jews and their evaluation, the research has not been limited to the semantic analysis of Jewish ethnonyms recorded in illustrative sentences. Phraseologisms recorded in the lexicographic sources as well as various lexemes including the *žyd-* component (e.g. the names of plants, mushrooms, etc.), the semantics of which contributes to revealing the Jewish traits relevant to Samogitians through becoming the basis of semantic motivation in denominating one or another reality, have been explored. The semantic analysis of such linguistic expression and its interpretation through linking it with extralinguistic facts allows for a more rational and detailed evaluation of the specificity of Jewish stereotyping.

It has been observed that stereotypical traits of an ethnocentric nature, associated with the opposition *we* (Samogitians) / *they* (Jews), are revealed in different contexts. Usually, those contexts are based on differences in religion, customs, models of social stratification as well as anthropological and linguistic aspects of these ethnic groups [2; p. 130]. The paper examines specific characteristics of the Jewish ethnic group related only to the **socio-cultural context** (neighbourhood, traditions, language and food).

The context of **neighbourhood** (that is, the aspects of living together and getting on between Jews and Samogitians) is closely related to the opposition *our own* (we) / *other, alien* (they), which can be neutralised or especially emphasised and highlighted in speech samples. Sentences recorded in LKŽe revealed that a positive view of the **friendship and close relationships between Samogitians and Jews** is expressed both through grammatical means (representatives of the Jewish nationality were referred to by hypocoristic diminutive derivatives *žydelkėlė* Lkš / *žydelkėlė* Vgr, S. Dauk *žydaitė*; *žydelkaitė* [a Jewish girl]) and through lexical pragmatics and syntactic means (constructions including verbs with a positive emotional evaluation): *Ans daug metų jau draugavo su ta žydelkelė* [He has for many years been friends with that Jewish girl] Klk. *Aš didliai liuobu su toms žydelkėlėms jau sudraugausiu* [I used to be good friends with those Jewish girls] Yl. (LKŽe). The analysis of the presented speech samples reveal that the positive attitude of Samogitians is more often related to female Jews.

There are fewer samples that present a generalized positive view of Jews, with emphasis placed on their positive character traits (**kind, friendly**) emerging in the context of neighbourhood: *Biednam žmoguo geri buvo* [žydai] *su žydais galėjo sutarti* [(Jews) were kind to poor people, you could get on well with them] Jdr (LKŽe). Such samples indicate that Samogitians accepted Jews as their own, close neighbours, thus neutralising the divide of *our own / alien*.

However, a completely opposite attitude towards Jews as **inferior** people, presupposing “racist content that excluded persons of Jewish nationality from among the people” [4, p. 111], was confirmed by the question of writer Žemaitė: *Is a Jew not a person, not created by the Lord God himself, is he not our neighbour?* (LKŽe). It revealed the relevance of the principle of equality to Lithuanians in the early 20th century, which promoted tolerance of religious as well as other personal and national differences.

The humiliating attitude towards alien Jews (incidentally, also towards women, regardless of their nationality) was rooted in the Lithuanian (Samogitian) culture, as demonstrated by a Samogitian proverb recorded by the bishop M. Valančius *Alus ne [v]anduo, ožka ne gyvolis, motriška ne šeimyna, žydas ne brolis* [Beer is not water, a goat is not an animal, a woman is not family, and a Jew is not a brother] VP5 (LKŽe). The fact that the Jew was considered as a person of a lesser value was also indirectly confirmed by the compound including the lexeme *žydas*, *-ė*: *žydmazgis* [lit. a Jewish knot: a fake, badly tied and easily slackening knot], which has a derogatory connotation: *Kaip tu čia surišai žydmazgį – tujau pasileis* [How did you tie that knot – it is going to untie] Vdk. (LKŽe).

An anti-Semitic attitude (**physical** violence (beating) or **psychological** violence experienced by Jews) is recorded in the comparison *Pripranti kai žydas par galvą mušamas* [One gets used, like a Jew punched on the head] Vks. (LKŽe), as the compound *per galvą*

mušti [punch on the head] can be associated with both physical and psychological violence. The semantics of the verb to “get used” recorded in the sentence suggests that Jews may have been abused for quite a long time and even got reconciled with that. Manifestations of anti-Semitism can also conditionally be seen in the phraseologism *žyda karti, pakarti (kiřsti Tl)* [to hang / hit the Jew], which names the game of throwing pebbles and having them bounce off the surface of the water several times: *Vaikai, einam žydo karti, tik gerų akminiukų ieškokit* [Kids, let’s go to hang the Jew, just look for good pebbles] Krš. (FŽ 2001, 871). We can hypothesise that the basis for the formation of the phraseologism was an anti-Semitic action (Jews could have been hit with stones in certain conflict situations)²³. The fact that the conflicts between Lithuanians and Jews may have been settled through other than legal means was demonstrated by Lithuanian jokes about Jews, in which cheating or swindling characters “would often get beaten and thus taught a lesson by locals” [4, p. 111].

Thus, speech acts recorded in lexicographic sources reveal that the attitude of Samogitians towards their neighbours Jews is of a very broad range: from recognising their particularly well evaluated positive traits, such as **friendliness, kindness**, to the approach of **abuse and inequality**.

The stereotype of Jews as **adherents of a different faith**, as shown by the lexicographic materials, is abundantly testified in the Samogitian dialect. This stereotype is often viewed negatively because the linguistic expression is related to the concept of *fear*. The feeling of fear is mutual, as it is experienced by Jews and Samogitians. The image of a Jew professing Judaism is associated with the symbols or rites of the Catholic religion (usually a cross). This is particularly evident in the often used comparative phraseologism *kaip žydas kryžiaus* [Lit. about sb. who is afraid of or avoids something]: *Bijo kaip žydas kryžiaus* [(Sb.) fears (sth.) like a Jew of the Christian cross] End. (FŽ 2001, 871); Krtn, NmŽ (LKŽe). The sample *Žydai bijo, kad katalikė priėmėja vaiko neužegnotum katalikiškai* [Jews have a fear of a Catholic midwife who may make the sign of the cross upon their newborn infant] Šts. (LKŽe) verbalises the Jewish fear of Catholic midwives. It can be stated that in this way Samogitians elevate the supremacy²⁴ and

power of their religion (Jews are afraid of it). On the other hand, numerous samples testify to Samogitians’ (and especially children’s) fear of Jews. The semantic environment of the use of the ethnonyms *žydas; žydėlis* [Lit. a Jew, a person of Jewish nationality] indicates that Samogitian children were intimidated by the danger of being abducted by a Jew: *Vaikai, nelįskiat, neikiat, sėdėkiat pri pečiaus, žydas pagaus* (taip gąsdindavo vaikus) [Children, be quiet, stay at home, or a Jew will catch you] (this is how children were frightened) Žr. (LKŽe). Samogitians’ fears and their negative view of Jews are revealed by verb combinations *žydas pagaus* („pagrobs“) [a Jew will catch (kidnap) you]; *gandina su žydeliu* [to scare children with Jews]; *liuobam bijoti* („bijodavome“) *žydu* we used to be afraid of Jews]. Historian Vareikis argues that such a concept of a Jewish infidel was presupposed by “the anti-Jewish tradition inherited from the Middle Ages (myths of ritual murders, common among rural communities; accusations of deicide²⁵)” [13, p. 33].

Jews differed from Samogitians not only in their religion, but also in their **customs, traditions, and language**. These differences in the Samogitian dialect could be described by the adjective *žydiškas, -a* [typical of Jews, their language, of a Jewish kind] and by the adverb *žydiškai*. This adverb is usually used to refer to the “Jewish” language, e.g. *Muno tėvuko nabaštikas žydiškai mokėjo* [Lit. My late Dad spoke Jewish] Krž (LKŽe). Thus, we can argue that the language of the Jews was considered by Samogitians as a particularly important distinguishing trait of the nation: what was characteristic of Jews was to be primarily related to their language. The samples in the lexicographic sources testify that Jews as speakers of a different language were viewed positively or neutrally. The closeness and tolerance of Samogitian-Jewish relationships is also revealed by the fact that Samogitians spoke or understood the “Jewish” (Yiddish) language, while Jews could speak Samogitian, e.g. *Ana nežydiāvo, šnekėjo žemaitiškai dailiai* [She did not have a Jewish accent and spoke nice Samogitian] End. (LKŽe).

The noun *Jewishness* was used to describe customary characteristics typical of Jews. It was mainly found in the context of their specific eating habits: *Daktaras žydiškumo neturėjo: valgė kiaulėną* [The doctor had no Jewishness: he ate pork Nt.; Žd. (LKŽe).

²³ The semantic motivation of the phraseologism *nors žydas dėgtų pėlkėje* [Even if a Jew were burning in a marsh] meaning ‘by all means, in any case’: *Nors žydas pėlkėj degtu, turi vienu laiku karvę milžti* [Even if a Jew were burning in a marsh, [sb.] must milk the cow at the same time] Dr. (FŽ, p. 871) is difficult to identify or to associate with extralinguistic factors; the verb *degti* [to burn] is used figuratively, by emphasising the absurdity of the place of action (one cannot burn in water (a marsh)), yet we cannot rule out that the phraseologism also reflects the attitude of abuse and inequality towards Jews.

²⁴ Considering one’s own religion to be better than other ones is typical not solely of the Lithuanian culture.

According to Belova and Petruchin, the Slavic culture took a negative view of “foreign” faith, which in language was expressed by various emotional epithets, such as *pagan faith*, etc. [7, pp. 131–132].

²⁵ Such a view could have been inspired not only by various legends prevalent in Western Europe, but also by the national policies towards non-Christian nations (for more details, see [1; 2]). Incidentally, negative attitudes of Jewish infidels towards Christians were also recorded by Slavic dialectological material, providing storylines very similar to Samogitian samples [6, pp. 172–174].

In this case, atypical behaviour of a Jew (who ignored the custom of never eating pork) was related to the context of higher education and the medical profession, since Samogitian linguistic data testified to the importance of that diet for Jews: the strict ban on eating pork was emphasised in several sentences. This special characteristic of their cuisine was also indirectly reflected in folklore, ironically depicting the Jew's unsuccessful experiences with pigs: *Žyds žyds žydėjo, žyds ant kiaulės sedėjo; žydo barzda sukutėjo, žyds nu kiaulės nurietėjo* [The Jew was blooming, the Jew was sitting on a pig; the Jew shook his beard, the Jew fell off a pig] (a counting-out rhyme) Lk (LKŽe). The derisive sample of folklore indicated that Samogitians found such a diet of Jews incomprehensible, therefore its evaluation approached a negative scale of assessment. The importance of differences in Jewish eating habits for Samogitians is also shown by the names of plants with the *žyd* root: *Žydiniaiš vadinios* [rugiai] – *iš anų žydai kepė macus* [(Rye) was called Jewish – Jews made matzah from it] Rt. (LKŽe). A certain characteristic of Jews' eating was also revealed by a phraseologism *žydo kásniais* [lit. in Jew's morsels: (to be snowing) in large clumps of flakes]: *Užvis juo [patinka], ka sninga žydo kásniais* [Most of all he [likes] when it snows in Jew's morsels] End (LKŽe).

Another cultural difference of Jews important for Samogitians was their writing: they wrote Hebrew from right to left. This way of writing seemed unusual to Samogitians, therefore in the language this specificity might have been related to the semantics of “doing sth. in the opposite way, in reverse order”. We can therefore hypothesise that the specific way of writing was generalised, and the Jew was seen as a person doing everything back to front, in reverse order: *Ko tu vis antraiš kaip žydas* [Why is everything in the opposite way with you, like with the Jew] End. (LKŽe). Such generalisation of the trait of **behaving in the reverse order** attributed to Jews was also suggested by other norms of Jews' behaviour, related to the aspects of religion, traditions, and lifestyle, and different from those of Samogitians. It was particularly precisely revealed through the phraseologisms *atbulinis žydas* “about a person who does everything in the reverse order”: *Atbulinis žydas: viską atbulai daro* [lit. a reverse Jew, running counter to everybody] Žeml (LKŽe); *ar su žydū gulėjai* [Did you sleep with a Jew] End. (when sb. puts on the clothes inside out) (FŽ, p. 871). Thus, Samogitians took a negative view of the stereotypical trait of Jews **to behave or to do something in a way contrary to the usual**.

To sum everything up, it can be stated that the stereotypical features of Jews related to the socio-cultural context are assessed differently in the Samogitian linguistic worldview. Samogitians were quite tolerant of the “Jewish” language and cuisine, as evidenced by a neutral evaluation of those characteristics predominating in the samples. The negative attitude is related to the Jewish religion. The context of neighbourhood includes positive, neutral and negative evaluations.

CONCLUSIONS

1. The paper is based on the analysis of 100 sentences recorded in Samogitia. The analysis of the Samogitian speech samples recorded in lexicographic sources and related to the stereotypical “image” of the Jew revealed that phraseologisms, the justification of the semantic motivation of which is difficult to identify due to blurred semantic links with the meaning of a direct word and due to lack of extralinguistic information, are the most difficult to semantically deconstruct, while the grammatical (diminutives) and semantic levels are interpreted more accurately.

2. The description of a Jew(ess), as suggested by the materials of the LKŽe and dialectological dictionaries, could be supplemented by the following characteristic traits: very devout, hostile to Catholicism and firmly adhering to their own traditions, kind, friendly and inferior to Samogitian Lithuanians.

3. The positive stereotypical traits of a **kind and friendly** Jew(ess) in the socio-cultural context suggested Samogitians' tolerance of the Jewish nation. The negative stereotyping of **an infidel Jew who feared / hated Christianity** was related to the long-standing myths; their entrenchment evidenced that religious differences between Samogitians and Jews were one of the main factors that separated the two ethnic groups and encouraged the intolerance of Jews.

4. The positive stereotyping of Jews neutralises the divide of *our own / alien* specific to ethnocentrism, while the negative one highlights it.

REFERENCES

1. Anglickienė L. A Stranger, but not Badly Known: the Image of a Jew in Lithuanian Culture. *Darbai ir dienos*, No. 34, - 2003 – P. 213–234 [Anglickienė L. Svetimas, bet neblogai pažįstamas: žydo įvaizdis lietuvių liaudies kultūroje. *Darbai ir dienos*, Nr. 34, - 2003 – P. 213–234 (in Lith.).]
2. Anglickienė L. The Image of Foreigners in Lithuanian Folklore. *Versus Aureus*; 2006. [Anglickienė L. Kitataučių įvaizdis lietuvių folklore. *Versus Aureus*; 2006 (in Lith.).]
3. Balčiūnienė A., Petrošienė L. Stereotypical Features of Jews in Samogitian Dialect Texts. *Res humanitarie*, No. 28, - 2020 – P. 102–132. [Balčiūnienė A., Petrošienė L. Stereotipinės žydų ypatybės žemaičių tarmės tekstuose. *Res humanitarie* Nr. 28, - 2020 – P. 102–132. (in Lith.).]
4. Bandoriūtė S. Traditional Anecdotes: What Lithuanians of the Late 19th and mid-20th Centuries Laughed About. *Tautosakos darbai*, No. 49, - 2015 – P. 105–122. [Bandoriūtė S. Tradicinis anekdotas: iš ko juokėsi XIX a. pabaigos–XX a. vidurio lietuviai. *Tautosakos darbai*. Nr. 49, - 2015 – P. 105–122. (in Lith.).]
5. Bartmiński J., Panasiuk J. Linguistic Stereotypes. *Contemporary Polish Language*. Wydaw; 2001, P. 371–395. [Bartmiński J., Panasiuk J. Stereotypy językowe. *Współczesny język polski*. Wydaw; 2001, P. 371–395. (in Pol.).]
6. Belova O. V. The Individual in the System of Ethno-Cultural Stereotypes. / Tolstaja S. M. The Image

of Man in Language and Culture, 2018, , P. 160–213. [Belova O. V. Человек в системе этнокультурных стереотипов. // Отв. ред. С. М. Толстая Образ человека в языке и культуре, 2018, P. 160–213. (in Rus.).]

7. Belova O. V., Petruchin V. J. "Jewish Myth" in Slavic Culture. 2008 [Belova O. V., Petruchin V. J. "Еврейский миф" в славянской культуре, 2008. (in Rus.).]

8. Gudavičius A. Ethnolinguistics. SUL; 2000. [Gudavičius A. Etnolingvistika. SUL; 2000. (in Lith.).]

9. Krawiec M. Language as a Mirror of Cultural Stereotypes – an Ethnolinguistic Perspective. Acta Neophilologica No. XIV (2), - 2012 – P. 47–58. (in Eng.)

10. Łaskiewicz M. National stereotypes in Polish studies and research. Stereotypes and linguistic prejudices in Europe. Budapest; 2017 – P. 157–173. (in Eng.)

11. Lukošiuūtė I. Cultural Stereotypes in Lithuanian Anecdotes: a Jew, a Gypsy, a German. Jaunųjų mokslininkų darbai No. 1(34) - 2012 – P. 160–166. [Lukošiūtė I. Kultūriniai stereotipai lietuvių pasakojamuose anekdotuose: žydas, čigonas, vokiečiai. Jaunųjų mokslininkų darbai. Nr. 1(34) - 2012 – P. 160–

166. (in Lith).]

12. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. Moutin de Gruyter; 1991. (in Eng.)

13. Vareikis V. History of Lithuanian-Jewish Relations in the 19th Century - Social and Economic Aspects. Sociologija. Mintis ir veiksmai, No. 3(4), - 2000 – P. 27–50. [Vareikis V. Lietuvių ir žydų santykių istorija XIX a. Socialiniai ir ekonominiai aspektai. Sociologija. Mintis ir veiksmai, Nr. 3(4), - 2000 – P. 27–50. (in Lith.).]

SOURCES

Paulauskas J. Dictionary of Phraseology. LKI; 2001. [Paulauskas J. Frazeologijos žodynas. LKI; 2001. (in Lith.).]

LKŽe – Lithuanian Language Dictionary. [Lietuvių kalbos žodynas: www.lkz.lt (in Lith.).]

Aleksandravičius J. Kretinga Dialect Dictionary. LKI; 2011. [Aleksandravičius J. (sud.) Kretingos tarmės žodynas. LKI; 2011. (in Lith.).]

ŠRDSŽ – Vitkauskas V. Dictionary of Northeastern dūnininkai Dialects; 1976. [Vitkauskas V. (sud.) Šiaurės rytų dūnininkų šnektų žodynas; 1976. (in Lith.).]

Y.I. Khakimjanova, N.R. Khairullina, E.I. Nesterenko

1. Khakimzyanova Yulia Ilhamovna,
senior lecturer

Kazan National Research Technical University named after Tupolev

2. Khairullina Nailya Ramilevna,

PhD in philological science, associate Professor,

Department of foreign languages,

Kazan National Research Technical University named after Tupolev

3. Nesterenko Elena Igorevna,

lecturer, Kazan Federal University

COMPARATIVE ANALYSIS OF ENGLISH AND CHINESE LANGUAGES

Хакимянова Ю.И., Хайруллина Н.Р., Нестеренко Е.И.

1. Хакимянова Юлия Илхамовна,
ст преподаватель КУИМЦ

Казанского Национального Исследовательского Технического Университета им Туполева

2. Хайруллина Наиля Рамилевна,

к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков

Казанского Национального Исследовательского Технического Университета им Туполева,

3. Нестеренко Елена Игоревна,

преподаватель кафедры алтаистики и китаеведения института международных отношений

Казанского Федерального Университета

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

DOI: [10.31618/ESSA.2782-1994.2021.4.74.147](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2021.4.74.147)

Аннотация. Данная статья посвящена схожим и отличительным чертам в изучении английского и китайского. Цель исследований – изучение и определение идентичных и неидентичных аспектов в изучении двух абсолютно разных языков. Изучены особенности обучения алфавиту, лексике и грамматике английского и китайского языков.

Abstract. This article focuses on the similarities and differences between learning English and Chinese. The purpose of the research is to study and determine the identical and non-identical aspects in the study of two completely different languages. Studied the features of teaching the alphabet, vocabulary and grammar of the English and Chinese languages.

Ключевые слова: иностранный язык, английский язык, китайский язык, фонетика, лексика, грамматика

Знание иностранного языка на протяжении десятков лет остается одним из самых необходимых умений. В современном мире есть огромное количество возможностей для изучения любого иностранного языка: онлайн курсы, сотни сайтов с полезными и удобными материалами, самоучители, приложения на телефон. Владея одним иностранным языком, намного легче и быстрее изучить второй.

Английский язык остается языком мирового общения, языком бизнеса, универсальным средством, позволяющим стирать границы между людьми и странами. Но в настоящее время китайский язык, на котором говорят более полутора миллиарда человек, также становится языком всемирной коммуникации и бизнеса.

Изучение любого иностранного языка подразумевает под собой овладение четырьмя основными навыками: чтение, письмо, аудирование и говорение. Каждый из этих аспектов тесно связан с другим. Например, чтение помогает пополнить словарный запас, без которого невозможно заговорить. Восприятие речи на слух также является ключевым моментом при говорении с носителями языка.

В данной статье нами особенности фонетики, грамматики, лексики английского и китайского языков. Зная эти тонкости можно облегчить себе процесс изучения языка.

Китайский язык не является единым и универсальным. Он включает в себя множество различных диалектов. Так в современном китайском языке выделяют десять диалектных групп. Основные диалекты: Путунхуа, 普通话 pǔtōnghuà (71,5% говорящих) - север и юго-запад Китая, У, 吴语 wúyǔ (8,5%) - Шанхай, провинция Чжэцзян, Юэ, 粤语 yuèyǔ (5,0%) - провинции Гуандун, Гуанси, Сян, 湘语 xiāngyǔ (4,8%) - провинция Хунань, Минь, 闽方言 mǐnfāngyán (4,1%) - провинция Фуцзянь, Хакка, 客家话 kèjiāhuà (3,7%) - от провинции Сычуань до Тайваня, Гань, 赣语 gànyǔ (2,4%) - провинция Цзянси. Эти диалекты отличаются фонетически, лексически и грамматически, хотя основы их грамматики и словарного состава едины. Северный китайский, также известный как мандаринский, является родным языком примерно для 70% китайцев и является общепринятым письменным языком для всех китайцев. Английский язык также имеет различные нормы в орфографии, лексике и грамматике в зависимости от страны говорящего. Выделяют британский, американский, канадский, австралийский, новозеландский, ирландский, индийский и южноафриканский варианты английского языка.

Принадлежащие к двум разным языковым семьям, английский и китайский имеют много существенных различий. Это делает изучение

английского языка серьезным испытанием для носителей китайского языка. И, следовательно усложняет процесс изучения китайского тем, кто уже владеет английским.

В чем же различия между английской и китайской грамматикой?

1) Глаголы и времена.

В английском языке большая часть информации передается с помощью вспомогательных слов и глаголов: is / are / were, eat / eats / ate / eaten и т. д. Китайский язык в основном остается без изменений и передает значение через порядок слов, наречия или общее понимание контекста. В китайском языке понятие времени не используется в различных временах и глагольных формах, как в английском языке. Именно по этим причинам у знающих китайский язык возникают проблемы со сложной системой глаголов английского языка.

Вот несколько типичных ошибок в глаголах и временах:

What do you do? (вместо: What are you doing?)
(*неправильно подобранное время*)

I will call you as soon as I will come home.
(*неправильно подобранное время*)

She has got fired last Saturday. (*неправильно подобранное время*)

She good doctor. (*отсутствует глагол-связка*)

I wish I am tall. (*изъявительное наклонение вместо сослагательного*)

В китайском языке нет ни склонений, ни спряжений, поэтому порядок слов в предложении играет ключевую роль для восприятия смысла.

Вот базовые структуры китайского предложения:

Субъект + глагол, пример: 你吃 (Nǐ chī) – Ты ешь.

Субъект + глагол + объект, пример: 你吃肉 (Nǐ chī ròu) – Ты ешь мясо.

Субъект + время + глагол [+ объект], пример: 你今天吃肉 (Nǐ jīntiān chī ròu) – Ты ешь мясо сегодня.

Субъект + время + 在 место + глагол [+ объект], пример: 你今天在家吃肉 (Nǐ jīntiān zài jiā chī ròu) – ты сегодня ешь мясо дома.

Таким образом мы видим, что в китайском предложении мы сначала излагаем все факты, предшествующие глаголу, а в самом конце непосредственно само действие.

2) Модальные глаголы

В английском языке оттенки значения, эмоциональный упор обычно выражаются модальными глаголами. Подумайте, например, о возрастающей степени вежливости следующих инструкций:

Close the window, please. (Закройте окно, пожалуйста.)

Could you close the window, please? (Не могли бы вы закрыть окно, пожалуйста?)

Would you mind closing the window, please? (Не затруднит ли вас закрыть окно, пожалуйста?)

Поскольку китайские модальные глаголы не передают такой широкий диапазон значений, изучающие китайский язык могут не использовать в достаточной степени английские модальные глаголы. Это может привести к тому, что в процессе разговора в некоторых случаях говорящие будут казаться безапелляционными или грубыми.

Однако, в китайском языке так же множество модальных глаголов, сложность лишь в том, что модальные глаголы китайского зачастую очень похожи по значению между собой и порой очень сложно различить и понять тонкую грань, оттенки значения. Зачастую, значение модального глагола может меняться в зависимости от того, к кому обращена речь и с какой интонацией звучит высказывание. Рассмотрим основные модальные глаголы китайского языка и их значения:

想 xiǎng — «хотеть, собираться»

要 yào — «собираться, нужно»

能 néng — «мочь, смочь что-то сделать в определенной ситуации»

可以 kěyǐ — «можно, просьба разрешить какое-либо действие»

会 huì — «уметь что-то делать с рождения или в процессе обучения»

应该 yīnggāi — «следует»

愿意 yuànyì — «желать»

敢 gǎn — «смечь, осмеливаться что-то сделать»

必须 bìxū — «обязательно следует, необходимо»

需要 xūyào — «требоваться, нуждаться, иметь необходимость»

得 děi — «быть должным, иметь необходимость».

Как мы видим, из данных примеров, многие модальные глаголы китайского языка имеют очень схожие значения и понять их можно только в ходе упорной отработки упражнениями и непосредственным общением с носителями языка. Так же следует углубиться в культуру Китая, так как она всегда неотрывно связана с языковыми нормами и имеет на них сильно влияние. Так, чтобы до конца понять смысл всех модальных глаголов в китайском языке, вам необходимо не только выучить их исходные значения, но так же посредством чтения и ведения бесед с китайцами научиться улавливать все оттенки и тонкости смысловой нагрузки.

3) Артикли, предлоги и порядок слов.

В китайском языке нет артиклей, поэтому трудности с их правильным употреблением на английском очень распространены. Порядок слов в китайском и английском языках сильно различается. Например, в китайском языке вопросы передаются интонационно; подлежащее и глагол не меняются местами, как в английском. Существительные не могут подвергаться изменениям, как в английском языке; и наречия обычно предшествуют глаголам, в отличие от английского, где есть строгие правила, регулирующие положение таких элементов предложения.

4) Длина предложения

Английский язык подчеркивает структуру предложений, а китайский - значение. В английском языке очень часто можно увидеть одно длинное предложение с длинными модификаторами, включая такие местоимения, как «мы», «она», «они» в дополнение к «тому» и «который», чтобы избежать повторов. Предложение может быть длинным и сложным, но все же достаточно ясным, чтобы его можно было понять. В китайском языке ситуация совершенно иная. Длинное предложение на китайском языке было бы очень сложным и чрезвычайно трудным для понимания. Поэтому мы можем найти только короткие предложения или длинные предложения, разделенные на короткие фразы, выделенные запятыми. Можно сказать, что английские предложения обычно длинные, а китайские - короткие. Изучая китайский язык, вы должны «уяснить смысл, забыть слова».

5) Акцент

Английский делает больший акцент на первой части предложения, в то время как китайский делает акцент на последней части предложения. Эта характеристика особенно очевидна в предложениях, которые включают логику с выводами или выражением результатов. На английском языке сначала описывается вывод, а факты описываются в конце предложения. В китайском все наоборот. Сначала будут описаны факты, а затем результаты, выводы и т. д.

6) Использование идиом

В китайском языке очень широко используются идиомы и короткие четырехсимвольные выражения (Чэньюй кит. 成语, пиньинь chéngyǔ, буквально: «готовое выражение»), чтобы сделать язык более ярким, живым и лаконичным. В английском не так много таких коротких идиом и выражений, но имеется довольно богатый выбор устойчивых выражений, фразовых глаголов и прочих фразеологизмов. В английском языке идиомы могут быть более конкретными и прямыми. В Китае, использование четырёхсложных идиом обязательно при написании сочинений, эссе и статей. Чем более образован человек, тем больше идиом он должен знать, а главное, уметь ими правильно владеть. Даже в экзамене на знание китайского языка для иностранцев существует перечень идиоматических выражений, которые должны освоить ученики, перед сдачей экзамена. При этом отличие китайских идиом от русских и английских в том, что каждое такое выражение имеет за собой историю, определенную легенду происхождения. Существует множество идиоматических словарей китайского языка, где вы найдете не только значение и способ употребления той или иной поговорки, но и ее историю, этимологию и разбор по иероглифам.

破镜重圆 (pò jìng chóng yuán) «Объединиться после долгой разлуки». Составные части поговорки: 破镜 — разбитое зеркало, 重圆 — стать целым. Эта китайская идиома появилась благодаря

мифу: во время войны двое влюбленных были разлучены, и у каждого была половинка зеркала. Потом они нашлись и соединили зеркало воедино. Пример: 他们分手了很多年后, 还是破镜重圆了 (tā men fēn shǒu le hěn duō nián hòu, hái shì pò jìng chóng yuán le), после стольких лет разлуки, они, в конце концов, снова вместе.

画龙点睛 (huà lóng diǎn jīng)

Значение каждого иероглифа в отдельности: 画 – рисовать, изображать. 龙 – дракон. 点 – нарисовать точку, маленькое пятнышко. 睛 – зрачок, глаз

Легенда: в древности жил художник Чжан Сэньяо, который изображал драконов на стенах храма. Он никогда не рисовал драконам зрачки, и многие спрашивали у него, почему он так делает. Он отвечал, что, если драконам нарисовать зрачки, они сорвутся со стен как живые и улетят. Люди не верили его словам и продолжали просить его нарисовать драконам зрачки. Чжан нарисовал зрачки двум драконам и как только он закончил рисунок, драконы улетели в небо. Значение чэньюй: сделать последние штрихи, закончить работу последним штрихом.

Таким образом, правильное использование китайских идиоматических выражений делает речь более живой и поэтичной, помогает четче донести смысл.

7) Алфавит и тоны

Главным же отличием английского и китайского языков являются алфавит и тональность.

В китайском языке используются символы, которые невозможно произнести, в то время как в английских словах используется алфавит, что позволяет говорящему произнести слово, потому что это фонетический язык. К счастью, для изучающих язык пиньинь помогает, обеспечивая фонетическое представление китайских иероглифов. Пиньинь использует латинизированные буквы, но звук, связанный с каждой из них, уникален для пиньинь.

Одной из самых больших сложностей при изучении китайского языка является наличие четырех тонов, которыми могут произноситься одни и те же наборы звуков. В зависимости от тона меняется и смысл произнесенного.

Стоит и отметить главное различие иероглифической письменности от азбуки. Один иероглиф несет в себе смысла в пятьсот раз больше, чем одна буква, так как буква не является отдельной смысловой единицей, а иероглиф – это уже слово, включающее в себя как фонетическое, так и идейное представление об этом слове. Буква это всего лишь знак азбуки и только сочетание букв друг с другом приобретает смысл значение. Иероглиф же — это уже законченная единица, имеющая в своем составе фонетик (способ прочтения иероглифа) и ключ (идея, смысл слова).

В чем же схожесть изучения двух таких отличающихся друг от друга языков?

Схожих черт в этих двух языках совсем мало. Мы должны помнить, что английский и китайский относятся к совершенно разным языковым семьям. Английский – индоевропейский язык, китайский – сино-тибетский. Таким образом, различий в них больше, чем схожих моментов.

Базовая структура предложений на китайском и английском языках очень похожа. Также в обоих языках нет существительных или прилагательных, имеющих родовой признак.

1) Простой порядок слов субъект-глагол-объект

На самом базовом уровне китайская структура предложений удивительно похожа на английскую. Как и в английском языке, во многих основных китайских предложениях используется структура подлежащее-глагол или субъект-глагол-объект.

2) Существительные и прилагательные не согласуются по числам и родам.

Как и в английском, китайские прилагательные не обязательно должны совпадать по роду или количеству с изменяемыми существительными. В русском языке (как и во многих европейских), если существительное женского рода, соответствующее прилагательное также должно быть женского рода.

Изучение любого иностранного языка может вызвать затруднения. Какие-то аспекты могут показаться учащимся сложными, какие-то простыми. То, что в английском дается очень просто, может быть весьма сложным в понимании при изучении китайского. Также и наоборот, довольно легкая грамматика китайского языка может быть осложнена правильным использованием тонов.

Умение говорить на таких разных, но очень распространенных языках будет огромным преимуществом. Структурированный материал, помощь опытного преподавателя, мотивация, упорный труд помогут выучить два и более языков любому желающему. Зная один иностранный язык, всегда легче приступить к изучению второго.

Литература

1. Верещагина И.Н. Рогова Г.В. Языкова Н.В. Методика обучения английскому языку. Пособие для учителей и студентов педагогических вузов. — М.: Просвещение, 2008. Горлова Н.А. Методика обучения иностранному языку : в 2 ч. Ч. 2: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования/ Н.А.Горлова. — М.: Издательский центр «Академия», 2013

2. Войцехович И.В. Практическая фразеология современного китайского языка. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007.

3. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001

4. A Practical Chinese Grammar for Foreigners. Beijing Language and Culture University Press, 2017.

#10(74), 2021 часть 4
Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)
Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.
Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.

Периодичность: 12 номеров в год.

Формат - А4, цветная печать

Все статьи рецензируются

Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

#10(74), 2021 part 4
Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)
The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.
The journal is published in Russian, English
and Polish.

Articles are accepted till the 30th day of each
month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

Давид Ковалик (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Питер Кларквуд (Университетский колледж Лондона)

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

Александр Климек (Польская академия наук)

Александр Роговский (Ягеллонский университет)

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

Бартош Мазуркевич (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

Миколай Жуковский (Варшавский университет)

Матеуш Маршалек (Ягеллонский университет)

Шимон Матысяк (Польская академия наук)

Михал Невядомский (Институт международных отношений)

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

Dawid Kowalik (Kracow University of Technology named Tadeusz Kościuszko)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polish Academy of Sciences)

Alexander Klimek (Polish Academy of Sciences)

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko Cracow University of Technology)

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

Szymon Matysiak (Polish Academy of Sciences)

Michał Niewiadomski (Institute of International Relations)

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>